

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет»
Научно-исследовательский институт прикладной этики

ВЕДОМОСТИ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Выпуск пятьдесят первый

ЭТИКА ПРОФЕССИИ КАК ЦЕННОСТНЫЙ ОРИЕНТИР ПРОЕКТИРОВАНИЯ МИССИИ УНИВЕРСИТЕТА

Под редакцией В.И. Бакштановского

Тюмень
ТИУ
2018

Этика профессии как ценностный ориентир проектирования миссии университета. Вестник прикладной этики. Вып. 51 / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ, 2018. – 222 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

ISSN 2413-0451 (Online)

Выпуск 51-й журнала сосредоточен на исследовании роли ценностей этики профессии в проектировании миссии трансформирующегося университета. Авторы рассматривают гипотезу об актуальности поддержания «метафизики университета» в условиях все более доминирующей «прагматики» – придания университету, прежде всего опорному, функции «фабрики профессиональных компетенций для экономики». В качестве одного из базовых элементов Миссии опорного университета, *превосходящей* функцию обслуживания актуальных потребностей региона в виде «кузницы кадров», обсуждается формирование среды, где рождаются новые смыслы и ценности профессиональной этики. Особое внимание уделяется вопросу о реалистичности опоры опорного университета на ценности профессиональной этики, формирующие его миссию.

РЕДАКТОР

В.И. Бакштановский, д.ф.н., проф., директор НИИ ПЭ ТИУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Р.Г. Апресян, д.ф.н., проф., Институт философии РАН

А.А. Гусейнов, д.ф.н., проф., академик РАН, Институт философии РАН

Е.И. Головаха, д.ф.н., проф., Институт социологии НАН Украины

М.В. Богданова, д.с.н., гл. н. с. НИИ ПЭ ТИУ

Е.В. Беляева, к.ф.н., доцент, Белорусский государственный университет

Ю.В. Казаков, к.с.н., Общественная коллегия по жалобам на прессу СЖ РФ

И.М. Ковенский, д.т.н., проф., ТИУ

А.В. Прокофьев, д.ф.н., проф., Институт философии РАН

М.М. Рогожа, д.ф.н., проф., Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко (Украина)

А.Ю. Согомонов, к.ист.н., Институт социологии РАН

Г.Л. Тульчинский, д.ф.н., проф., НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

Ответственный секретарь журнала М.В. Богданова. Редактор выпуска И.А. Иванова. Ответственный за выпуск А.П.Тюменцева. Оригинал-макет И.В. Бакштановской. Обложка: М.М. Гардубей.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

ISSN 2413-0451 (Online)

© Научно-исследовательский институт прикладной этики, 2018

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский индустриальный университет», 2018

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Industrial University of Tyumen»
Applied Ethics Research Institute

**SEMESTRIAL PAPERS
OF APPLIED ETHICS
Issue 51**

**ETHICS OF THE PROFESSION
AS A VALUE REFERENCE POINT
OF DESIGNING
MISSION OF THE UNIVERSITY**

Editor
V. Bakshtanovsky

Tyumen
IUT
2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие редактора</i>	6
<i>Теоретический поиск</i>	
<i>А.В.Прокофьев</i> Экономический вызов университету: этическая рефлексия	9
<i>А.А.Скворцов</i> Проект «опорного университета» и академическая этика	32
<i>Р.Г. Апресян</i> Неоднозначность ситуации. Двусмысленность положения	41
<i>Е.В. Беляева</i> Миссия преподавателя в контексте миссии университета	52
<i>А.А.Сычев</i> Профессиональная этика в условиях общества риска	60
<i>Ю.Н. Москвич, Е.Н. Викторук</i> Университеты третьего поколения как реальность: новая миссия и проблемы её становления	70
<i>М.М.Рогожа</i> К вопросу об идентичности университета (этический аспект)	82
<i>Г.Л. Тульчинский</i> От этики профессии к миссии и проблематизации университета	90
<i>Рубрика академика А.А.Гусейнова</i>	
<i>А.А. Гусейнов</i> Этика Троцкого, или о важнейшем моральном уроке Октябрьской революции и советского социального эксперимента	94
<i>Миссия университета: гуманитарное консультирование стратегии развития</i>	
<i>А.Ю. Согомонов</i> «Устойчивый университет» (инновации, постуниверситет, этика)	112

<i>В.И. Бакштановский, М.В. Богданова</i> Ценности профессиональной этики в формировании идентичности опорного университета (аналитический обзор ректорских семинаров).....	127
--	-----

Из истории инновационной парадигмы

Императивы Этики Севера	166
Summary	213
Авторы выпуска	218
List of authors	219
О журнале	221

Предисловие редактора

Выпуск 51-й нашего журнала сосредоточен на роли ценностей этики профессии в проектировании миссии трансформирующегося университета. Эта роль определена в теме выпуска: «Этика профессии как ценностный ориентир проектирования миссии университета».

В целом проблематика этики профессии уже обсуждалась в предшествующих выпусках журнала*. Однако если, например, в 46-м выпуске основное внимание было уделено исследованию роли университета в формировании и воспроизводстве ценностей этики профессии, то потенциальным авторам 51-го выпуска предстояло исследовать ориентационный потенциал ценностей профессиональной этики в формировании миссии университета. В качестве основного объекта рефлексии, конкретизирующего тему выпуска, потенциальным авторам была предложена гипотеза, содержащая, во-первых, версию проблемной ситуации; во-вторых, тезисы о потенциале ценностей профессиональной этики для трансформирующегося университета; в-третьих, идею поддержания «метафизики университета» в условиях все более доминирующей «прагматики» – придания университету функции «фабрика профессиональных компетенций для экономики» (старый стиль: «кузница кадров»).

Версия проблемной ситуации была описана следующим образом. Массовизация, коммерциализация, бюрократизация, индивидуализация... – все новые и новые тренды обнаруживаются в развитии современного университета. Поэтому и актуальна задача определения идентичности и миссии университета в XXI веке: старые смыслы утрачены, а новые внятно не осмыслены и не артикулированы. В качестве нового в ситуации трансформирования российских университетов было выделено создание (наряду с национальными исследовательскими и федеральными) кластера *опорных* университетов, ориентированных, прежде всего, на развитие человеческого капитала и научно-технического потенциала работающих в регионах корпораций. Конкретный случай такой трансформации – образование опорного Тюменского индустриального университета.

Присвоение статуса опорного – это и успех, и удача для университета. Он получил среди университетов России статусную пози-

* См., напр.: Общепрофессиональная этика. Ведомости. Вып. 25 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004; Университет – центр формирования и воспроизводства этики профессии. Ведомости прикладной этики. Вып. 46 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2015.

цию, которая позволяет не только получать определенную долю федерального финансирования, но и вести подготовку магистров, иметь диссертационные советы. При этом опорный университет создан прежде всего для социально-экономического развития региона. На такой университет в своих стратегиях могут полагаться территории, отрасли, бизнесы, города, регион в целом: по отношению к разным внешним субъектам опорный университет становится базовой или дополнительной (но очень важной) *точкой опоры*.

Очевидно: велик соблазн отдаться насущной («гололой», «приземленной», «циничной» и т.п.) прагматике – подпереть регион, служить региону, обслуживать актуальные потребности региона, бизнеса, экономики и т.д. Однако эта прагматика не может быть самодостаточной с точки зрения университетской метафизики – Идеи, Миссии Университета. Даже и для университета опорного. Тем более, если он так полноценно и не оформился в ходе ускоренной инициации – при преобразовании из института в университет, а теперь еще и в процессе перманентных трансформаций и «оптимизаций».

Стремительное, но не отрефлексированное в должной мере, освоение статуса *опорного* создает риск утраты собственно университетского статуса, университетской идентичности (ведь гиперпрагматизм плохо совместим с метафизикой). Создает риск превращения в «псевдоуниверситет».

Потенциальным авторам был предложен *тезис об опорном потенциале профессиональной этики в становлении опорного университета*. В рассуждениях об опорном университете часто обнаруживается *гиперпрагматическое* понимание его Миссии. Оно связано с приданием университету функции «фабрика профессиональных компетенций для экономики» (старый стиль: «кузница кадров» для региона). Казалось бы, «опорность» – признак очевидный, понимание идентичности такого типа университета не требует особых размышлений. Однако является ли эта прагматика самодостаточной с точки зрения Идеи, Миссии такого университета? Авторам предстояло отнестись к ряду конкретизирующих это вопрошание суждений.

Чтобы быть опорным для региона, университету предстоит укрепить *свою собственную* опору, прежде всего опору метафизическую: понимание Идеи университета, Миссии-Кредо университета.

Чтобы университет сохранил свою университетскую идентичность, став опорным, ему предстоит возложение на себя Миссии, *превосходящей* функцию обслуживания актуальных потребностей региона в виде «кузницы кадров». Несомненно: опорный университет лишен как возможности, так и права пренебрегать требованиями «Заказчика». Однако университет видит своим «заказчиком» не толь-

ко производственную сферу, но общество в целом.

Одним из базовых элементов Миссии, *превосходящей* функцию обслуживания актуальных потребностей региона в виде «кузницы кадров», для опорного университета может и даже должно быть формирование и развитие среды, где рождаются новые смыслы и ценности профессиональной этики. Как образовательной дисциплины, исследовательского направления, как практикуемой морали, как морали кодифицированной и т.д. Профессиональная этика помещает заботу о потребностях экономики в более широкий контекст: Общества, Культуры, Знания, Личности.

Следующий, предложенный для рефлексии, элемент гипотезы – *о потенциале ценностей профессиональной этики в проектировании миссии трансформирующегося университета*. Актуальность обращения к исследованию этого потенциала обусловлена характерным признаком практики: нередко тема предназначения профессиональной этики заменяется обсуждением ее функций. Такой подход чреват инструментальным отношением к профессиональной этике и вольным-невольным редуцированием ее предназначения к прагматической функции. В основе гиперакцентирования функций профессиональной этики лежит абсолютизация – возможно, неосознанная – лишь одной из сторон дуалистичного морального феномена. При, казалось бы, равной вероятности как гиперморальности, так и гиперсоциальности в интерпретации дуализма природы профессиональной этики (морали), в реальной практике встречается скорее вторая крайность.

В качестве способа преодоления этих крайностей участникам проекта было предложено рассуждение инженера Стефана Унгера: «В прошлом инженерная этика занималась главным образом проблемой, как добиться, чтобы работа была выполнена правильно. Сегодня же – самое время подумать о том, добьемся мы или нет, чтобы выполнялась правильная работа?»

При этом установка на исполнение правильной работы трактовалась в рамках описания гипотезы проекта как мировоззренческий аспект профессиональной этики. Соответственно, акцентирование предназначения профессиональной этики позволяло увидеть в последней элемент, *превосходящий функциональность*, ориентирующий такую этику на критическое отношение к практикуемым профессиональным *нравам*. На ее преобразующую роль относительно нравов профессии. В итоге и было развернуто основное вопрошание проектной проблематизации 51-го выпуска: насколько реалистична опора опорного университета на ценности профессиональной этики, формирующие миссию университета?

А.В.Прокофьев

УДК 174

Экономический вызов университету: этическая рефлексия

Аннотация. В статье предпринят анализ угроз, которые создает подчинение университетской жизни императиву экономической эффективности. Оно ведет к забвению прагматических целей и ценностей университета (условно говоря, его «метафизики»). Университет может перестать быть: а) школой критического мышления; б) сообществом исследователей, преданных идеалу расширения знания; в) пространством личностного роста и развития студентов. Автор делает вывод о том, что для противостояния негативным изменениям недостаточно превращения защиты «метафизики университета» в профессиональный долг его работников. Такая защита требует создания институциональных рамок, в которых профессионально-этические установки преподавателей и администраторов могли бы стать действенной силой. В заключительной части статьи обоснована гипотеза, что становление предпринимательского университета не только подчиняет университет экономике, но и создает новые ниши для «метафизики университета». При определенных условиях экономическая угроза может превратиться в расширение горизонта возможностей.

Ключевые слова: коммерциализация и корпоративизация университета, метафизика университета, критическое мышление, расширение знаний, индивидуальная самореализация, предпринимательский университет.

Диспозиция

Предложенная на экспертизу этическому сообществу редакцией журнала «Ведомости прикладной этики» гипотеза о потенциале ценностей профессиональной этики для трансформирующегося университета (далее – экспертная диспозиция) включает в себя два основных положения, которые хотел бы для начала реконструировать.

Первое – касается противопоставления «университетской прагматики» и «университетской метафизики». Именно в этих категориях описана гипотеза о возникшей перед университетом дилемме, одна из сторон которой представляет собой серьезное искушение. «Велик соблазн отдаться насущной (“голой”, “приземленной”, “циничной” и т.п.) прагматике: подпереть регион, служить региону, обслуживать актуальные потребности региона, бизнеса, экономики и т.д. Однако эта прагматика не может быть самодостаточной с точки зрения университетской метафизики – Идеи, Миссии Университета». Присвоение Тюменскому индустриальному университету статуса «опорного», то есть ориентированного на социально-экономические потребности

региона, задает определенное направление его дальнейшего развития, своего рода колею, движение по которой кажется неискушенному наблюдателю или не склонному к рефлексии менеджеру безальтернативным и, одновременно, всесторонне обоснованным. Однако это движение создает угрозу радикального расхождения совокупности институционализированных практик образовательного учреждения с высшим предназначением университета (его идеей или миссией). Таким образом, перед нами возникает картина, в которой идея и миссия университета, его архетип, сохраняющийся в различных конкретных воплощениях, соотносятся с прагматикой (в данном случае – прагматикой потребностей региона) совершенно внешним образом. Архетип может быть в большей или меньшей мере искажен при соприкосновении с прагматикой, и это порождает задачу максимально возможного сохранения архетипических свойств университета, то есть сохранения вузом его университетского качества. В случае победы прагматики над «метафизикой» аутентичный университет превращается в «псевдоуниверситет». Именно этот процесс рассматривается в предложенной на экспертизу гипотезе как основное негативное побочное следствие превращения университета в опорный.

Второе положение предложенной на экспертизу гипотезы касается возможного выхода из коллизии целей и ценностей опорного университета. Этот выход складывается за счет ряда составляющих.

* Переосмысление образа «заказчика»: «университет видит своим “заказчиком” не только производственную сферу, но общество в целом».

* Расширение представлений о «потребностях экономики» – развитие экономики должно оцениваться в широком контексте продвигаемых на его основе ценностей: «общества, культуры, знания, личности».

* Превращение университета в пространство, формируемое ценностными ориентирами профессиональной этики и формирующее этическую составляющую профессионализма у своих выпускников («один из базовых элементов миссии... для опорного университета – формирование и развитие среды, где рождаются новые смыслы и ценности профессиональной этики»). Именно профессиональная этика делает неизбежным такое понимание «потребностей экономики», которое имеет широкий ценностный контекст.

* Формирование и поддержка профессиональной автономии преподавателей университета (их ориентации на профессионально-этический императив «выполнения *правильной* работы» не заменяемой простой исполнительской добросовестностью – «*правильное* выполнение работы»).

В своей статье я попытаюсь, в первую очередь, уточнить и расширить теоретический контекст этой диспозиции. А затем отреагировать кратко на предлагаемый в *гипотезе* ответ на затруднения опорного университета.

Университет перед лицом экономического вызова

В определенном уточнении нуждается исходное, еще этически не переосмысленное представление о «заказчике» университета. В связи с тем, что ориентирует университет на потребности экономики именно государство (учредитель университета, вносящий ключевой вклад в его финансирование), уместно было бы называть «заказчиком» именно его. Во вторичном, выводном порядке им может быть названа и «производственная сфера» в целом, как это и происходит в экспертной диспозиции НИИ ПЭ. Однако фактически ориентация вуза на социально-экономические нужды общества ведет к появлению целого веера более или менее самостоятельных непосредственных «заказчиков», формирующих свои ожидания в отношении университета. Экономика, потребности которой призван обслуживать университет, является рыночной, а не командной, поэтому, получив от государства определенную сверхзадачу, университет оказывается вовлечен в сложные отношения внутри рынка и не менее сложные отношения между рынком и его государственным регулированием. В этом смысле используемая НИИ ПЭ советская метафора «кузница кадров» довольно обманчива, поскольку создает иллюзию некоего централизованного запроса: как будто бы кто-то дает университету строго определенную номенклатуру и спецификации кадровой «продукции», потом проверяет насколько качественно были «выкованы» кадры, занимающие разные позиции в производственной «машине», а в случае большого количества брака – устраивает разнос руководителям «кузницы» и «кузнецам».

Это односторонняя картина, которая отвечает лишь тем случаям, в которых государственные или муниципальные органы управления пытаются выстроить образовательную составляющую своих программ социально-экономического развития или выступают в качестве прямого потребителя кадрового ресурса. В иных случаях непосредственными заказчиками университета являются бизнес-структуры, нуждающиеся в тех или иных специалистах для поддержания и повышения своей конкурентоспособности. Отношения с ними обеспечивают вклад университета в рост и качественное преобразование экономики. Так как они являются отношениями коммерческого типа, то получаемый от них доход не только служит одной из основ существования и одним из факторов развития университета, но и вполне

обоснованно превращается в показатель, отражающий меру успешности решения университетом своих социально-экономических задач. И наконец, заказчиками университета служат сами готовящиеся к выходу на рынок труда или уже вышедшие на него люди, приобретающие исходную профессиональную квалификацию или повышающие свой профессиональный уровень. Задача университета состоит в том, чтобы создать такие условия, при которых они были бы готовы участвовать в разработанных университетом образовательных программах, финансируемых из государственного бюджета, либо самостоятельно оплачивать свое образование. Такая готовность (с учетом регулятивной роли рынка труда и рынка образовательных услуг) также отражает успех или, напротив, неудачу попыток университета внести свой вклад в социально-экономическое развитие.

Второе уточнение состоит в том, что вклад университета в экономику не ограничивается «ковкой кадров», или даже формированием «профессиональных компетенций для экономики». В рамках современного университета знание, в том числе практико-ориентированное знание, не просто передается студентам, но и генерируется. Именно поэтому университет, в особенности если в нем реализованы магистерские и аспирантские образовательные программы, осуществляется подготовка кандидатских и докторских диссертаций, является мощным интеллектуальным ресурсом для экономики. Научно-технический потенциал преподавателей, научных сотрудников и студентов высших ступеней обучения дает возможность проводить экспертизу высокого уровня и разрабатывать технологические или управленческие ноу-хау. Этот продукт, в отличие от образовательного, прямо ориентирован на производство и так же, как и образовательные услуги, выступает в качестве товара. Вклад университета в экономику измеряется как полученной производителем продукта прибылью, так и теми выгодами, которые получают его потребители (индустрия и население). Ответственность университета перед своим главным «заказчиком» – государством – состоит в том, чтобы обеспечивать увеличение такого вклада.

Таким образом, можно сказать, что перед любым современным университетом стоит задача обеспечить интегрирование высшего образования в рыночную экономику и государственные программы социально-экономического развития. Такое интегрирование неизбежно сопровождается широким рядом тенденций, которые изменяют его институциональное лицо: от коммерциализации отношений университет – студенты до формирования менеджериального стиля управления университетом и диверсификации финансовых источников университетской исследовательской деятельности. Университет

может просто поддаваться этим тенденциям, может пытаться их блокировать или же каким-то образом направлять и регулировать их. Выбор оптимальной стратегии по отношению к каждой из тенденций и к их совокупности представляет собой комплексный вызов, который можно условно обозначить как «экономический вызов университету». Для опорного университета он особенно злободневен, поскольку сохранение этого статуса и связанных с ним дополнительных возможностей и прав, зависит именно от способности вуза отвечать ожиданиям своих рыночных и нерыночных «заказчиков».

Экономический вызов и «метафизика университета»

Следующий момент, который требуется уточнить, касается «метафизики университета», его «Идеи» и «Миссии». Понятно, что в экспертной диспозиции НИИ ПЭ речь идет не о метафизике в буквальном смысле этого слова. Один из самых известных современных философствующих исследователей разных форм существования университета, Рональд Барнетт, писал о том, что одна из исторически сменяющих друг друга моделей этого учреждения может быть названа «метафизической». «Метафизический университет» имеет своей целью на основе исследования и обучения совершить коллективный прорыв в трансцендентное. Однако, как замечает Р.Барнетт, в современном университете эта модель сохранилась лишь в виде «упрямо сохраняемых остатков» [13, 453] и лишь при каком-то из вариантов будущего развития (при реализации одной из «университетских утопий») эти остатки могут сыграть свою роль [12, 19]. Соответственно, в контексте обсуждения современного экономического вызова университету «метафизику» следует воспринимать всего лишь как метафору и зонтичное обозначение для различных неинструментальных (непрагматических) ценностей, которые в совокупности или по отдельности задают целеполагание подлинного, аутентичного университета. Я буду употреблять данное словосочетание именно в этом смысле.

В предложенной этическому сообществу экспертной диспозиции для раскрытия «метафизики университета» используется следующий ряд понятий: «общество», «культура», «знание», «личность». Они имеют интуитивно улавливаемую связь с широко обсуждаемыми моделями университета, которые в большей или меньшей мере воплощены в жизни реальных вузов и выступают в качестве идеала для больших групп теоретиков высшего образования. В качестве следующего шага своего рассуждения я хотел бы вспомнить, каково содержание каждой из этих моделей и как воспринимаются их сторонниками те процессы, в которые оказывается вовлечен универ-

ситет, если он на основе внутренних и внешних импульсов начинает глубоко интегрироваться в рыночную экономику и государственные программы социально-экономического развития. Следует сразу же заметить, что это восприятие – по преимуществу – негативное. Оно формируется уверенностью в том, что любая иная реакция на экономический вызов, кроме попытки заблокировать подчинение университета экономическому императиву, ведет к потере аутентичности этого уникального института. Соответственно, анализ «метафизических» моделей университета и отклика их сторонников на внедрение в университетскую жизнь экономических ориентиров будет способствовать наполнению содержанием присутствующего в диспозиции понятия «псевдоуниверситет».

А) *разрушение школы критического мышления.* Первая «метафизическая» модель ориентирована на служение университета обществу и культуре, причем не столько посредством аккумуляции культурных достижений или сохранения устойчивости несущих социальных институтов, сколько посредством содействия развитию – благотворным изменениям общественной жизни. В этой перспективе университет есть, прежде всего, то пространство, в котором культивируется критическое мышление, вскрывающее недостатки наличных институтов и практик, прикрытые реалистической риторикой (утверждениями, что такова жизнь, что альтернативы недостижимы или их достижение сопряжено с неоправданным риском). В рамках этого пространства вопрос о поиске истинного знания внутри дисциплинарно определенных исследовательских сфер оказывается вторичным по отношению к вопросу о поиске способов дискурсивного взаимодействия и координации усилий членов общества, озабоченных общественным благом. Именно университет способен массово производить таких людей. И он же предоставляет им одну из площадок для взаимодействия между собой. Поэтому университет является центральной опорой демократического общества и демократической культуры. Последняя не сводится к одной лишь массовой поддержке институтов, обеспечивающих передачу власти на основе всеобщего свободного волеизъявления и защиту меньшинств на основе прав человека. Она включает в себя эгалитарный этос, делающий возможным коллективное обсуждение проблем совместной жизни.

Эта позиция восходит к Джону Дьюи и была очень ярко артикулирована Ричардом Рорти в работе «Образование как социализация и как индивидуализация» (1989). Дьюи, определявший демократию в индивидуальном плане как обладание каждым членом общества «своей мерой ответственности в деле формирования образа действий своей группы и управления ее поведением», а в групповом – как

«высвобождение потенций индивидуальных членов группы, осуществляемое в гармонии с общими интересами и на благо всей группы», видел в образовании часть демократического процесса и способ приобщения к нему [4, 108]. Демократия не может выстоять и развиваться без соответствующей ей системы образования, поскольку граждане не могут полноценно участвовать в применении «метода организованного разума» (таково еще одно определение демократии по Дьюи [5, 376]), не получив предварительной подготовки. Отсюда следует, что основная задача школы в условиях демократии – подготовить гражданина не к покорному повиновению обществу, а к «ответственности за поведение общества и управление [им]» [6, 32–33].

Рорти использует ресурсы философии образования Дьюи и с их помощью конкретизирует роль учреждений высшего образования в демократическом обществе. Он предлагает такой образ образовательной системы, в рамках которого ранние ступени должны играть социализирующую роль, а более поздние – критически индивидуализирующую. Причем и те, и другие в равной мере служат демократической культуре. На тех этапах, где преобладает социализация, обучающиеся получают базовые навыки общественной жизни, а также приобщаются к идеалам демократии на основе изучения «нарративов свободы и надежды» [26, 121–122]. Однако этого категорически недостаточно для процветания демократии. Именно поэтому более поздние этапы образования не могут превратиться в простой профессиональный тренинг. Они должны совмещать специализированную подготовку к профессиональной деятельности с провоцированием творческого поиска самого себя (self-creation) [26, 123]. Важнейшим фокусом такого провоцирования является обсуждение недостатков, провалов, нереализованных возможностей того демократического общества, к которому принадлежат обучающиеся, а также – обсуждение слепых пятен тех демократических нарративов, которые обучающиеся усвоили в режиме социализации. Эту часть обучения, по мнению Рорти, невозможно оформить в виде единообразных образовательных программ, по которым механически работали бы все преподаватели. Программы такого рода не могли бы стать предметом консенсуса среди самих преподавателей, являющихся критически мыслящими личностями. И они не могли бы подойти для любой студенческой аудитории. Индивидуализирующая ступень образования требует предельной индивидуализации учебного процесса. Функцию формирования у граждан критического мышления могут взять на себя только индивидуальные преподаватели, наделенные максимальной независимостью и свободой при выборе содержания курсов

и способов их преподавания [26, 123]. Именно в этом состоит специфика университета.

Подчинение университета императиву экономической эффективности, понятой как простая коммерческая успешность или как достижение серьезного позитивного воздействия на экономику, создает очевидную угрозу для выполнения задач, обозначенных Рорти. Существует большое количество мрачных описаний того, как деятельность по формированию критически мыслящих граждан уходит из современного высшего образования. Одним из самых энергичных и эмоциональных является нарратив, предложенный Генри Жиро и Стэнли Ароновичем. Они рассматривают университет, как институт, который в современных условиях мог бы быть одним из бастионов «критического исследования, публичной свободы, совместного обсуждения», но явно теряет этот статус. Если раньше его ослабляли в этом отношении «ригидные границы между дисциплинами», «культ экспертизы и высокоспециализированных познаний, не связанных с публичной жизнью», то с определенного момента он оказался также заложником неолиберальной логики, подчинившей его императиву экономической эффективности [22, 670].

Для Ароновича и Жиро главным термином, обозначающим этот упадок, является понятие «корпоративный университет». Именно в таком университете идеи начинают рассматриваться инструментально, то есть через призму их способности привлечь финансирование (государства, корпоративного инвестора, частного покупателя образовательных услуг). Профессор корпоративного университета лишается статуса публичной фигуры и перестает быть влиятельным независимым интеллектуалом. Он превращается в мелкого, крайне ограниченного в свободе своих решений менеджера и маркетолога в отношении своих исследований и учебных курсов и одновременно попадает под контроль крупных менеджеров и маркетологов, определяющих стратегию развития университета и порядок текущего управления им. Академическая свобода, введенная в качестве одного из факторов в калькуляцию экономических потерь и приобретений, предстает в качестве ненужной роскоши. Основанная на ней исследовательская деятельность не дает университету конкурентных преимуществ в борьбе за финансовую поддержку. Основанное на ней преподавание не дает студенту конкурентных преимуществ на рынке труда и, значит, заставляет искать альтернативу на рынке образовательных услуг. Соответственно, в университете, подчиненном императиву экономической эффективности, исчезают элементы внутренней демократии и защищенности преподавателя от менеджериального давления при выборе содержания образования. Профессор

становится обыкновенным наемным работником, лишенным возможности формировать повестку своего труда. Он перестает заниматься поиском «правильной работы», если использовать термины из предложенной на экспертизу диспозиции (см.: [10, 11, 22, 23]; в данной реконструкции сознательно не учитывался общий леворадикальный подтекст критики «корпоративного университета»).

Б) разрушение независимого сообщества исследователей. Другой образ университетской метафизики сосредоточен не столько на служении обществу в форме поиска путей его совершенствования, сколько на развитии научного познания. Он тесно связан с моделью университета, предложенной Вильгельмом фон Гумбольдтом, в рамках которой задача «высшего научного учреждения» состоит в том, чтобы «возделывать науку в самом широком и глубоком смысле этого слова и употреблять ее в качестве материала для духовного и нравственного образования». Университет одновременно предоставляет возможности для создания знания и приобщения к нему. Он формирует коммуникативную среду, в которой эти два параллельных процесса поддерживают друг друга и поэтому дают наилучшие результаты. Так как научное познание имеет принципиально незавершенный характер, не порождает «готового и окончательного» знания, которое можно было бы передавать неопитам, то в университете складывается особая система отношений между учителями и учениками: «не первые существуют здесь ради последних, а и те, и другие – ради науки» [3]. Имеется довольно много современных артикуляций гумбольдтовской идеи, много попыток сформулировать миссию исследовательского университета. Мне представляется одной из самых успешных попытка американского политического философа, бывшего президента университета Дьюка Нэн Кеохэйн.

В соответствии с ее определением, «современный исследовательский университет это общество ученых, вовлеченных в процесс, в ходе которого они открывают знание и делятся им друг с другом, и несущих ответственность за то, чтобы знание использовалось с целью улучшения положения человека» [24, 2]. Кеохэйн обращает внимание на подбор слов в этом определении: именно «открывают», а не «приобретают», поскольку знание не может быть приватизировано; и именно «делятся», а не «передают», поскольку слово «передача» не соответствует двусторонне рефлексивному характеру университетского образования [24, 4–5, 61]. Те, кто принадлежат к университетскому сообществу, оказываются причастны к «моральной цели» или «моральному назначению» университета, то есть они приобретают обязательства друг перед другом, перед своими предшественниками и наследниками по профессии, а также перед обществом.

Все эти обязательства выступают как конкретизация базовой обязанности ученых – «хранить пламя знания и делать все, зависящее от нас, чтобы поддерживать и удовлетворять эту фундаментальную страсть в условиях нашего времени» [24, 8]. Так как университетское сообщество носит «межпоколенческий» характер, то даже такое, казалось бы, структурно предрешенное для него иерархическое разграничение, как разграничение профессоров (преподавателей) и студентов, является подвижным и вторичным на фоне реализации общей цели – создания и распространения знания.

Хотя исследование и преподавание довольно часто выступают как два вида деятельности, которые нельзя совместить между собой во времени, это не создает трагической раздвоенности в жизни университета. Ведь «открывать знание» и «делиться им» – две разные стороны одной и той же формы человеческого опыта [14, 63]. Внутри коллективных исследований они соединены непосредственно, в самой деятельности коллектива, а когда исследования являются в основном индивидуальными, их соединение обеспечивает череда индивидуальных теоретических прорывов и последующих коллективных обсуждений полученных результатов. Успешное преподавание также опирается на диалектическое взаимодействие между «открывать» и «делиться», хотя реальная дистанция между преподавательской работой и исследовательским процессом может быть большей или меньшей. Но, в любом случае, успех университета зависит от «здорового разнообразия, духа взаимности и интеллектуального фермента, который начинает действовать, когда люди разных возрастов, находящиеся в разных точках на пути обретения интеллектуальной искушенности, сосуществуют в одном и том же небольшом пространстве и взаимодействуют между собой на устойчивой и упорядоченной основе» [24, 65]. Еще один аспект взаимной дополнительности научно-исследовательской деятельности и преподавания в исследовательском университете связан с его задачей «улучшать положение человека», этот эффект обеспечивает именно распространение знания среди студентов.

Кеохэйн хорошо понимает, что университет является не только сообществом людей, стремящихся к знанию, но и организацией с огромным бюджетом и большими материальными активами, играющей центральную роль в жизни общества и сталкивающейся с большим количеством внешних ожиданий и запросов. Однако если эффективность управления его второй ипостасью начинает подавлять первую, то эта эффективность попросту лишается смысла. Гарантией от такого исхода служит академическая свобода в выборе направлений исследования и содержания образования. Никто из находящихся вне

процесса получения знания не может определить, что является на настоящий момент знанием, а что нет, и каков порядок приоритета между разными фрагментами знания. Такие вопросы могут быть решены только самими преподающими учеными и исследующими преподавателями, находящимися в отношениях сотрудничества и соперничества, опоры друг на друга и взаимной критики. Это обстоятельство накладывает ограничения не только на внешний бюрократический контроль над университетом, но и на применение командных методов управления со стороны его администрации. Именно поэтому Кеохэйн использует для описания внутренней организации современного исследовательского университета метафору флотилии, состоящей из отличающихся по своим качествам и своей истории кораблей и команд, в противоположность метафоре огромной баржи или даже сверхсовременного круизного лайнера: «все в общих чертах соглашаются с конечной целью, каждый, опираясь на свои ресурсы и определенную степень независимости, прочерчивает свой курс» [24, 23].

Подчинение системы высшего образования императиву экономической эффективности воспринимается многими теоретиками и университетскими практиками как серьезная угроза исследовательскому университету. Кеохэйн замечает, что эта угроза не находится в центре ее внимания, поскольку она долгие годы руководила университетом, не имеющим необходимости по материальным соображениям отклоняться от классической модели. Университет Дьюка имел возможность ориентироваться на абитуриента, который захвачен интеллектуальным вызовом избранной им дисциплины, а не озабочен своими перспективами на рынке труда. Исходя из этого специфического опыта, Кеохэйн считает исследовательский университет чрезвычайно устойчивой институциональной структурой, способной преодолеть любые побочные эффекты коммерциализации и корпоративизации без потери своего предназначения [14, 13]. Однако это мнение является, скорее, исключением, чем правилом. Те же процессы, которые описывают Жиро и Аронович (подчинение университетской практики поиску финансовой поддержки государства, корпораций и покупателей образовательных услуг, исчезновение академической свободы в корпоративизирующейся системе управления университетом, уязвимость профессуры, превращающейся в простых наемных работников), заставляют других сторонников исследовательской модели университета проявлять большее или меньшее беспокойство. В своих кульминационных выражениях это беспокойство вполне сравнимо с алармизмом Ароновича и Жиро. Генри Стек использует для характеристики таких оценок современного состояния исследова-

тельского университета сравнение с сюжетом фильма «Вторжение похитителей тел»: в привычное тело университета вселилось чужое и враждебное сознание, радикально меняющее его поведение [27]. Более взвешенные формы выражения этого беспокойства связаны с выдвиганием тезиса о существенном преобладании потерь исследовательского университета над его приобретениями.

Этот тезис обосновывают некоторые из авторов специализированного сборника «Приобретение или распродажа? Коммерциализация американского исследовательского университета» (2004) (многие из текстов этого сборника написаны университетскими администраторами). Так, Дерек Бок, бывший руководитель Школы права Гарвардского университета, указывает на особенность коммерциализации исследовательских университетов – создавать кумулятивные и неатрибутируемые риски. Отдельное решение, продиктованное коммерческой логикой, может выглядеть как очень выгодное для университета, и эта непосредственная выгода автоматически оказывается заслугой принимающего решение администратора. А вот потери от того же самого решения, если они состоят в уменьшении способности университета выполнять свою миссию, возникают лишь тогда, когда подобных решений становится много. И при этом они не могут быть вменены никому персонально. Именно поэтому коммерциализация приобретает обвальный, неконтролируемый характер. Соревнование коммерциализирующихся университетов придает этому процессу дополнительный импульс (попытки ограничить коммерциализацию наталкиваются на аргументы от возможной потери университетом своего престижа и славного имени). В этой связи Бок предлагает в сами процедуры принятия решений внести такие требования, которые устанавливали бы пределы для использования экономической логики. Это могло бы скомпенсировать асимметрию ответственности администраторов за финансовые потери и потери нефинансового характера [14, 44–45]. Впрочем, в написанной десять лет спустя работе Бок признается, что задача поиска пределов коммерциализации и создания институциональных средств их соблюдения продолжает стоять перед исследовательскими университетами все так же остро, как и раньше [15, 398].

В) разрушение пространства личностного самоопределения. Последнее из непрагматических ценностных оснований университета связано с воздействием университетского образования на личность студента. Артикуляция этой части «метафизики университета» имеет давнюю историю. В виде манифестов личностная роль университетского образования была ярко представлена Генри Ньюменом и Джоном Стюартом Миллем. Для Ньюмена, как и для Гумбольдта, вся

деятельность университета сосредоточена вокруг знания, однако цель этой деятельности не в приращении знания. Университет занимается им лишь привходящим образом, оставляя систематические исследования академиям. Задача университета – обеспечить тот благотворный эффект, который освоение знания производит на его учащихся. «Так же, как больница занимается исцелением больных и раненых, школа верховой езды, школа фехтования или гимназия ведут развитием тела, дома призрения – помощью и утешением стариков, приюты – защитой невинности, а тюрьмы – исправлением провинившихся», университет должен заниматься «воспитанием интеллекта», то есть совершенствованием его способности «понимать и осмыслять истину» [8, 117]. Университет преподает «универсальное знание» и в ходе такого преподавания формируется «выученный, организованный и обладающий целостной картиной или образом вещей» ум, который проявляется у его выпускников «в виде способности сравнительно непринужденно вникать в любую мысль и легко овладевать любой наукой или профессией» [8, 17]. Однако потенциальный практический эффект университетского образования не столь важен в сравнении с формируемой им самоценной «культурой ума».

Еще более яркий и комплексный образ университета, сконцентрированного на развитии личности, предложил Милль. Университет, по Миллю, это не учреждение, в котором люди получают профессиональную подготовку. Его цель состоит не в том, чтобы выпускать искусных юристов, врачей или инженеров, а в том, чтобы формировать «способных к достижениям и развитых людей». Тип образования, вершиной которого является университет, отвечает за то, с каким «умом» и с какой «совестью» придут его выпускники в свою профессию. Закончивший университет человек воспринимает свою профессиональную деятельность не как ремесло, а как область знания и понимания, и поэтому он способен к «мудрому и добросовестному» использованию своих профессиональных навыков [25, 218]. В инаугурационной речи в качестве почетного ректора университета Сент-Эндрюс Милль разворачивает широкую картину того, каким образом высшее образование формирует личность в интеллектуальном, нравственном и эстетическом отношениях посредством изучения тех предметов, которые имеют для этого наибольший потенциал. В интеллектуальной сфере высшее образование дает целостное представление о разных областях реальности и методах ее постижения. В моральной сфере оно способствует пониманию и признанию обязанностей перед другими людьми, но не посредством прямого морализирования, а на основе влияния на личность самой «тональности»

университетской жизни и изучения этических исканий лучших умов человечества [25, 248]. В эстетической сфере, кроме развития способности воспринимать красоту, университет помогает придти к пониманию того, что уважать самого себя можно лишь в том случае, если у тебя есть благородные цели, не сводящиеся к жизненной прагматике [25, 254]. Однако нельзя сказать, что то служение интеллектуальным, моральным и эстетическим ценностям, к которому делает человека пригодным высшее образование, является для Милля исключительно вопросом долга. Это служение само несет в себе свою награду, поскольку порождает более глубокий и разнообразный интерес к жизни, который не может быть исчерпан [25, 257].

У Ньюмена и Милля есть много современных наследников, которые пытаются показать, что университет, в первую очередь, поддерживает особый «модус» человеческого существования, а уже потом выполняет все свои иные функции. Пожалуй, самым известным из них является британский философ образования Пол Джиббс. Он рассматривает миллевские взгляды на предназначение высшего образования как важнейшую стартовую точку, однако, смещает некоторые акценты, свойственного Миллю подхода. Можно сказать, что он насыщает программу, предложенную в инаугурационной речи Милля, элементами, которые связаны с идеей самореализации, ярко представленной в миллевском трактате «О свободе», и переосмысляет полученный идеальный образ в категориях хайдеггерианского аутентичного существования [21, 40–43, 48]. В итоге, деятельность университета или функционирование системы высшего образования, которая, по его мнению, должна выходить за традиционные университетские рамки, оказываются у Джиббса тесно связаны с особым пониманием индивидуального счастья. Пытаясь определиться с предельными целями человеческого существования, Джиббс приходит к выводу, что центральную позицию среди них занимает такой способ или модус существования как счастье-удовлетворенность (contentment). Оно свойственно человеку, который становится тем, кем он хочет быть, предварительно разобравшись в своих возможностях (достигает «бытия самим собой», становится «счастливым индивидуализированным Я»). Счастье-удовлетворенность отличается как от эвдемонистического, так и от гедонистического образа счастья. Первый, по Джиббсу, лишен достаточной индивидуализированности и слишком замкнут на понятие добродетели, второй – отождествляет счастье с плотной чередой временных вспышек удовольствия и игнорирует связь между счастьем и осознанным, разумно организованным существованием [21, 244–245].

Задача высшего образования в этой связи состоит именно в том, чтобы предоставить людям пространство и время для рефлексивного самоопределения к счастью. Это своего рода дар общества своим членам, которым они должны ответственно распорядиться. Пространство самоопределения не может возникнуть внутри поточного, массового обучения, но оно не складывается и при уединенном размышлении. Отсюда вытекают некоторые особенности университетской образовательной практики, которая не может полностью подчиняться требованиям быстроты и эффективности освоения знаний и умений. В ней всегда будет нечто непрактичное, ускользящее от количественных, формализованных методов оценки [21, 248–250].

Подчинение университета экономическому императиву разрушает существующее в нем пространство для реализации стремления к счастью. Превращение университетского образования в профессиональный тренинг ведет к появлению таких учебных планов, в которых преобладают те предметы, которые дают студенту сугубо прагматические знания и навыки. Они могут сделать его более ценным работником, более успешным бизнесменом или фрилансером, но мало способствуют тому, чтобы он стал счастливым человеком. Программы и методики преподавания тех курсов, которые не обслуживают прямо прагматические цели, также оказываются ориентированы на усвоение массива компактно представленных знаний в самые кратчайшие сроки. Это не дает студенту возможности задуматься над индивидуальным смыслом знания. Преподаватели, выступающие как поставщики образовательной услуги, которая строго соответствует формальным спецификациям, лишены возможности индивидуализировать содержание курсов (как по отношению к самим себе, так и по отношению к аудитории). В целом, по мысли Джиббса, университетское образование подобного типа не оставляет места для такого образовательного опыта, в рамках которого студент мог бы почувствовать, что он не знает, кто он такой, и попытаться пройти путь самоопределения [21, 248–250].

Новые ниши для университетской метафизики?

Каждая из обрисованных выше моделей университета выражает очень важные ценности. Сохранение возможности реализовывать их в университетской практике, несмотря на любые внешние и внутренние изменения, – цель, ради которой не жаль потратить время и усилия. Поэтому озабоченность, выраженная в предложенной редакцией «Ведомостей прикладной этики» на экспертизу диспозиции, вызывает глубокую симпатию. Однако призыв сохранить способность университета исполнять свои непрагматические функции наталкива-

ется на две непростых проблемы. Первая связана с выявлением действенных способов сохранения. Я полагаю, что апелляция к профессиональной этике, являющейся в проекте НИИ ПЭ главным оружием в борьбе с «прагматическим соблазном», представляет собой всего лишь один из способов актуализации «университетской метафизики» в системе ценностных ориентиров преподавателей и администраторов университета. Но вряд ли может претендовать на что-то большее. Да, действительно, в профессионально-этическом контексте защита «аутентичного университета» принимает формы профессионального долга, и это может дополнительным образом мотивировать участие университетских профессионалов в малых делах и масштабных коллективных акциях, преодолевающих негативные эффекты тотальной прагматизации университетской жизни. Однако ключевые вопросы при этом: а) чем, кроме абстрактных призывов, поддержать действенную профессионально-этическую убежденность в современных (активно ее разрушающих) условиях? б) как использовать такую убежденность на уровне коллективного действия и институционального дизайна? Поиск возможных прорывов в этом отношении, как мне кажется, связан с анализом институциональных проблем университета, а не с критикой и преобразованием университетских «нравов».

Вторая проблема состоит в том, что составляющие «университетской метафизики»: критическое мышление, стремление к знанию и индивидуальная самореализация (самоопределение) не только не согласованы между собой, но во многом несовместимы. Они тянут университет в разные стороны. Во всяком случае, у нас нет очевидного ответа на вопрос: «в каком порядке их следовать реализовывать?». С каким «посланием» должен придти противник превращения университета в «псевдоуниверситет» к администрации, разрабатывающей долгосрочные планы развития, или к собственным коллегам, которые могли бы в порядке университетского гражданского участия создать группы влияния на выбор стратегии развития собственного вуза? Любой содержательный разговор о сохранении «университетской метафизики» должен начинаться именно с согласования элементов такого послания.

Завершить свою статью я хотел бы одним дополнительным соображением. В рассматриваемой здесь экспертной диспозиции мы видим: выступление против превращения экономической прагматики в единственный и самодосточный ориентир университета, охранительную и оборонительную позицию, призыв отстаивать миссию и назначение университета от внешней угрозы. Я не отрицаю, что на этом пути можно добиться каких-то достижений. Но в индустриаль-

ном (!) университете, превращающемся в опорный для экономики региона (!), это всегда будут арьергардные бои и локальные успехи. Скажем, борцы с экономической угрозой могут отстоять что-то в вопросе о месте гуманитарных предметов в учебных планах и методиках их преподавания. Они могут чего-то добиться в вопросе о поддержке университетом фундаментальных исследований, не имеющих очевидного технического и коммерческого эффекта. Однако гораздо более существенные успехи могли бы быть достигнуты в том случае, если бы экономический вызов университету превратился из угрозы в возможность, в источник новых направлений развития (в данном случае, в источник возникновения новых форм существования «метафизики университета»). Если вместо подчинения университета экономике возможно «втягивание» экономики в университетское пространство и ее частичное преобразование в соответствии с собственными ценностями и целями университета, то это был бы по-настоящему оптимистический сценарий. Можно ли реализовать в этом ключе социально-критическую и личностно-развивающую функцию университета, мне трудно сказать. Но в отношении его познавательной функции есть вполне определенные надежды. Они отражаются в концепции предпринимательского университета, которая задает свой образ соединения прагматики и непрагматических ценностей в пространстве высшего образования.

Эта концепция получила наиболее полное свое выражение в трудах американского теоретика инновационного развития Генри Ицковича. Ицкович известен в России не только в связи с переводом его книги «Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии» (2010) [7], которая стала основой для многих отечественных работ по инновационному процессу, но и в связи со своими визитами в нашу страну и деятельностью в ней созданной им Международной ассоциации Triple Helix («Тройная спираль»). Я хотел бы обратиться к его видению роли университета в современной экономике не с целью создать его подробную реконструкцию (таких реконструкций в российской литературе последних лет было довольно много – см. напр.: [1, 2, 9]), а для решения другой задачи: показать, что идеи Ицковича и практика, которую они обобщают, задают иную оптику, в которой можно рассматривать вопрос о сохранении «метафизики университета».

Итак, по мнению Ицковича, предпринимательский университет является результатом процесса, который затронул экономическую роль культуры в целом и имел одинаковые этапы для системы высшего образования и, например, для экономики художественного творчества. Сначала ученые получали поддержку своих исследований

на основе финансирования университета богатыми людьми. Затем наступила эпоха широкой государственной поддержки университетов и принадлежащих ему исследовательских групп. На третьем этапе такая поддержка дополнилась прямыми контрактами на исполнение исследований, заключаемыми с корпорациями, правительством или некоммерческими организациями. И наконец, последний, четвертый этап характеризуется созданием фирм (коммерческих предприятий) самими учеными с помощью и под эгидой университета (по Ицковичу, это аналог независимых, коммерчески успешных театров, студий и галерей) [19, 49].

На втором этапе мы сталкиваемся с классическим исследовательским университетом. Четвертый этап порождает университет предпринимательского типа. Его становление является результатом разных факторов: это и простое снижение масштабов государственной поддержки, порождающее вынужденный поиск иных источников финансирования; и разочарование университетской администрации в своем основном «заказчике», не связанное со стремлением последнего сэкономить на университетской науке. Точкой отсчета в развитии предпринимательского университета является формирование внутриуниверситетских структур, отвечающих за превращение результатов исследовательской деятельности в защищенную интеллектуальную собственность, способную приносить доход. Однако полноценное воплощение этой модели возникает в связи с появлением в университетах технопарков и бизнес-инкубаторов, то есть с возникновением предпринимательской среды и инфраструктуры исследовательской деятельности [17, 488–491].

По мнению Ицковича, предпринимательский университет не является локальным феноменом в области высшего образования. Он представляет собой центральный элемент новой системы отношений, или, вернее, новой системы координации усилий в области создания технологических инноваций. Эта система носит не иерархический, а горизонтальный и гибридный характер, три ее элемента: государство (власть), индустрия (бизнес) и университет перенимают друг у друга функции (включены в процесс «институционального синтеза») и взаимодействуют не столько в рамках вертикали, сколько в рамках сети. Так создается механизм гибкого и очень быстрого реагирования производства на возможности, открывающиеся в процессе научного познания. Именно это имели в виду авторы термина «тройная спираль» Г.Ицкович и Л.Лейдесдорф. Взаимодействие трех не строго разграниченных между собой акторов гораздо более устойчиво и продуктивно, чем двусторонние отношения государства и университета и университета и корпораций. Третья сторона оказывается

важным фактором в преодолении и смягчающем преобразовании двусторонних конфликтов [16, 138, 140].

Если взаимодействие в рамках тройной спирали действительно так эффективно, как полагает Ицкович, то организация такого взаимодействия является мощнейшим инструментом решения задач, стоящих перед опорным университетом. Однако я хотел бы обратить внимание не на общесоциальный или сугубо экономический положительный эффект возникновения предпринимательских университетов, а на изменения в положении людей, деятельность которых связана с университетом: преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов. Эти изменения, принимая во внимание исторический нарратив, предложенный Ицковичем [19, 49–50], трудно воспринимать как банальную коммерциализацию и корпоративизацию жизни вуза.

В университете, ориентированном на обучение и имеющем ограниченную исследовательскую практику, присутствует жесткая иерархия, поскольку у молодого поколения нет иной ниши, кроме ассистентской, и нет иной перспективы развития, кроме как дожидаться, когда откроется одна из немногих профессорских вакансий. Это создает такую институциональную среду и такой этос, которые не способствуют свободной самореализации значительного количества работников в исследовательской и преподавательской деятельности. В категориях, предложенных в обсуждаемой в статье гипотезе, большинство работников такого университета не могут выбирать в пользу «правильной», с их точки зрения, работы.

В полноценном исследовательском университете складывается несколько иная ситуация: для молодых существуют ниши, связанные с участием в исследовательских группах, которые финансируются из государственных грантов или иных спонсорских средств. За счет выбора между разными траекториями профессиональной биографии работники имеют большую независимость, больше возможностей для самореализации. И в преподавательской, и в исследовательской практике у них имеется возможность ориентировать свою деятельность на идеал незаинтересованного познания. Конечно, исследовательский университет и его работники зависимы от государства или другого спонсора, но эта зависимость не является неограниченной, поскольку присутствует система рецензирования проектов самим научным сообществом.

Все теоретики, упоминавшиеся мною до начала обсуждения модели Ицковича, рассматривали вторжение коммерческих отношений в вопрос о выборе направления исследований в качестве фактора, который ведет к потере независимости ученого, ориентированно-

го на идеал самоценности знания. В отличие от государства или негосударственного спонсора, полагающихся на независимую экспертизу проектов самими учеными, коммерческий партнер отталкивается в своем решении о финансировании исследований исключительно от перспективы получения прибыли. Его интересует не продвижение исследовательской дисциплины, а результаты, имеющие практическую ценность (что собственно и превращает их в ликвидный товар). Тем самым складывается ситуация, при которой ученые лишены возможности формировать повестку собственного труда и задавать пути использования его результатов.

Однако, по мнению Ицковича, эти последствия являются неизбежными только в перспективе такой экономической системы, в которой знание не является самостоятельной формой капитала, а выступает в качестве частного средства наращивания капитала какого-то иного типа. В современной экономике знаний дела обстоят иначе, поэтому там, где раньше формировалась зависимость университета от «заказчика» и совершалось «предательство» в отношении фундаментальных исследовательских задач, теперь открывается новый горизонт независимости и расширенных возможностей. В грантовой системе исследований ученые контролируют в какой-то мере распределение средств. Однако количество этих средств находится полностью вне их контроля: здесь однозначно доминирует «заказчик». В предпринимательской системе исследований положение меняется. Ведь когда фирмы формируются внутри университета и на основе генерируемых его работниками, ориентированных на практику идей, вертикальная иерархическая схема заказчик–исполнитель фактически исчезает. Не «заказчик» приходит со своими установками к исследователю и ставит ему задачу: «обеспечьте мне решение такой-то проблемы», а сами исследователи, занимающиеся производством знания, одновременно заняты поиском путей его практического применения. В этом они получают содействие от университетских структур, имеющих опыт внедрения инноваций. Ни один внешний «заказчик» не может знать об открывающихся перспективах практического применения знания и о тех шагах, которые надо предпринять для того, чтобы оценить реалистичность этих перспектив. Эта непредсказуемость не только обеспечивает свободу академических предпринимателей от прихотей «заказчика», но и, как это ни парадоксально, делает крайне условным разграничение фундаментальных и прикладных исследований. Как замечает Ицкович, «основные, а не прикладные исследования становятся решающими для экономического развития в обществе знания» [19, 57]. А это значит, что

даже в условиях коммерциализации исследований цель расширения и углубления знания может реализовываться вполне успешно.

Условием эффективности взаимодействия правительства, индустрии и университета по типу «тройной спирали» является гибкость и множественность внутриуниверситетских статусов и ролей. Ученый, увидевший потенциал практического применения и коммерциализации своих исследований, должен иметь возможность создать предпринимательскую структуру (стартап) либо непосредственно в университете, либо на условиях сотрудничества с ним. И у него должна оставаться возможность вернуться к финансируемым государством исследованиям или к преподавательской работе в зависимости от судьбы стартапа. Казалось бы, такая гибкость и подвижность препятствует выполнению образовательной функции университета. Однако и это не обязательное следствие. В поиск знания, которое превращается в капитал, широко вовлекаются студенты и аспиранты. Для этого в рамках академических стартапов может быть даже больше возможностей, чем в рамках классических грантовых исследований. В этой связи Ицкович приводит примеры университетов, которые производят технологические продукты, патенты, научные статьи и квалификационные работы как единое «бесшовное полотно» [18, 550; 17, 495].

Мне кажется, что учет этого ответа на экономический вызов университету мог бы сделать предложенной на экспертизу гипотезой видение проблем опорного университета более глубоким и менее пессимистичным.

Список литературы

1. Головкин Н.В., Дегтярева В.В., Мадюкова С.А. Предпринимательский университет и теория Тройной спирали // Высшее образование в России. 2014. № 7–8. С. 46–51.

2. Гребенщикова Е.Г. «Третья миссия» университета: от «второго типа» производства знания к «тройной спирали» инноваций // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. С. 270–274.

3. Гумбольдт В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине (пер. с немецкого – В.А.Куренного) // URL: https://www.hse.ru/data/746/451/1233/Куренной_ВА_Гумбольдт_О_внутр.rtf (дата обращения: 17.11.2017).

4. Дьюи Дж. Общество и его проблемы. М.: Идея-Пресс, 2002. 160 с.

5. Дьюи Дж. Либерализм и социальное действие // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 331–385.
6. Дьюи Дж., Дьюи Э. Школы будущего // Свободное воспитание. 1916/1917. № 4–5.
7. Ицкович Г. Тройная спираль. Университеты–предприятия–государство. Инновации в действии. Томск: Томск. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2010. 238 с.
8. Ньюмен Дж.Г. Идея Университета. Минск: БГУ, 2006. 208с.
9. Смородинская Н. Тройная спираль как новая матрица экономических систем // Инновации. 2011. № 4 (150). С. 66–78.
10. Aronowitz S., Giroux H.A. Education Still under Siege. Westport: Bergin and Garvey Press, 1993. 243 p.
11. Aronowitz S., Giroux H.A. The Corporate University and the Politics of Education // The Educational Forum. 2000. Vol. 64. № 4. P. 332–339.
12. Barnett R. Being a University. N.Y.: Routledge, 2011. 200 p.
13. Barnett R. The Coming of the Ecological University // Oxford Review of Education. 2011. Vol. 37. № 4. P. 439–455.
14. Bok D.C. The Benefits and Costs of Commercialization of the Academy // Buying in or Selling out? The Commercialization of the American Research University / Ed. by D.G.Stein. L.: Rutgers University Press, 2004. P. 32–47.
15. Bok D.C. Higher Education in America. Princeton: Princeton University Press, 2013. 479 p.
16. Dzisah J., Etzkowitz H. The Triple Helix of Knowledge // The Age of Knowledge: the Dynamics of Universities, Knowledge & Society / Ed. by J.Dzisah, H.Etzkowitz. Leiden: Brill, 2012. P. 127–144.
17. Etzkowitz H. Anatomy of the Entrepreneurial University // Social Science Information. Vol. 52. № 3. P. 486–511.
18. Etzkowitz H. Normative Change in Science and the Birth of the Triple Helix // Social Science Information. Vol. 50. № 3–4. P. 549–568.
19. Etzkowitz H. When Knowledge Married Capital: the Birth of Academic Enterprise // Journal of Knowledge-Based Innovation in China. 2013. Vol. 5. № 1. P. 44–59.
20. Gibbs P. Happiness not Salaries: The Decline of Universities and the Emergence of Higher Education // Thinking about Higher Education / Ed. by P.Gibbs, R.Barnett. N.Y.: Springer, 2014. P. 37–53.
21. Gibbs P. Should Contentment Be a Key Aim in Higher Education? // Educational Philosophy and Theory. 2017. Vol. 49. № 3. P. 242–252.

22. *Giroux H.A.* Democracy's Nemesis: The Rise of the Corporate University // *Cultural Studies*. 2009. Vol. 9. № 5. P. 669–695.

23. *Giroux H.A.* Neoliberalism's War against Higher Education and the Role of Public Intellectuals // *The Future of University Education* / Ed by M.Izak, M.Kostera, M.Zawadzki. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. P. 185–206.

24. *Keohane N.* Higher Ground: Ethics and Leadership in the Modern University. Durham: Duke University Press, 2006. 296 p.

25. *Mill J.S.* Inaugural Address Delivered to the University of St Andrews // *Mill. J.S. Collected Works of John Stuart Mill*. Vol. 21. Essays on Law, Equality and Education. L.: Kegan and Paul, 1984. P. 215–257.

26. *Rorty R.* Education as Socialization and as Individualization // *Philosophy and Social Hope*. N.Y.: Penguin Books, 1999. P. 114–126.

27. *Steck H.* Corporatization of the University: Seeking Conceptual Clarity // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2003. Vol. 585. P. 66–83.

А.А. Скворцов

УДК 174

Проект «опорного университета» и академическая этика

Аннотация. Статья посвящена анализу идеи «опорного университета» и её соответствия принципам академической этики. Утверждается, что проект «опорного университета» вытекает из логики реформ высшей школы и продолжает последовательность похожих проектов трансформации обычных вузов в «инновационные», «исследовательские», «оптимизированные» и т.д. Назначение обсуждаемого проекта – ориентировать работу вуза на потребности региона, для чего в первую очередь требуется остановить отток талантливых абитуриентов. Показано, что сама идея не противоречит принципам академической этики, а наоборот, актуализирует её важную составляющую – идею служения малой родине. Однако при внимательном рассмотрении её содержание не способствует ни достижению поставленных целей, ни принципу служения. Мотивация трудиться ради развития социокультурной среды своего региона заменяется требованием соответствовать формальным показателям, не имеющим прямого отношения к потребностям местной экономики, науки и образования.

Ключевые слова: этика, академическая этика, «опорный университет», наука, образование, реформа образования, сообщество, наукометрия.

Для обсуждения в новом выпуске «Ведомостей» НИИ прикладной этики редакция выбрала очень важный вопрос: «Насколько реалистична опора “опорного университета” на ценности профессиональной этики, формирующие миссию университета?» «Опорный университет» – это новый проект властей по реформированию деятельности высших учебных заведений. Согласно этой идее, «опорные вузы будут ориентированы на решение задач региональных экономик и на обеспечение местного рынка труда высококвалифицированными специалистами. Они призваны сдерживать отток интеллектуального потенциала, так как в прошлые годы лучшие выпускники школ в основном решали оставить родные города...» [1]. Если отвечать на заданный вопрос абстрактно, исходя только из содержания идей, без обращения к реальному положению дел, то можно сказать, что без ценностей профессиональной этики миссия такого университета будет обречена на провал. Нет сомнения, что профессиональная этика преподавателя, университетского учёного, сотрудника университета немыслима без идеи служения своей стране. Можно спорить, что должно быть в приоритете: ориентация на ценности познания, либо на нужды общества, в котором живёт учёный, но без вто-

рой составляющей трудно будет говорить об этике. В любом случае, университетский профессор несёт ответственность за повышение культурного и интеллектуального уровня и своей организации, и своего региона, и своей страны. Наука и образование – это интеллектуальные течения, призванные улучшать условия жизни людей, обеспечивая не только технологический, но также и культурный, и нравственный прогресс. В этом плане, идея опорного университета, ориентированного на развитие региона, на создание образования и науки высокого уровня, которые ускорят развитие экономического и культурного потенциала территории, – несомненно, соответствует идеалам университетской этики. С первого взгляда, можно даже порадоваться, что после бессмысленных попыток реформировать высшую школу по каким-то мутным требованиям, образовательные власти наконец-то поставили перед университетом конкретные цели, которые прямо соответствуют его миссии. И отныне любой сотрудник вуза, желающий найти практическое применение своей научной и образовательной работе, может это сделать прямо в контексте своих должностных обязанностей.

Тем не менее оптимизм, вызванный абстрактным анализом идеи опорного университета, после изучения конкретики, содержащейся в нормативных документах, оборачивается глубочайшим разочарованием. По сути, мы имеем дело опять же со смутными, мало кому понятными идеями, только выраженными в новой словесной оболочке. И перед рядовым сотрудником университета, который всё это осмыслит, а также серьёзно задумается о смысле своей жизни и смысле существования образовательных учреждений, скорее всего, встанет дилемма: либо жить и работать ради ценностей университетской этики, либо руководствоваться крайне непонятной совокупностью противоречивых положений.

Указанная дилемма столь существенна, а выбор, который должен сделать каждый будущий сотрудник нового университета, может быть столь неприятным, что здесь уместно вспомнить рассуждение о двух типах морали С. Милгрэма, после осмысления им итогов своих знаменитых экспериментов. Первый тип – это традиционная мораль, направленная на помощь и сотрудничество. Она опирается на убеждения людей в объективности альтруистических ценностей и невозможности считать себя человеком, если он не реализует эти ценности в своей жизни. Но есть и второй тип морали, которую Милгрэм называет «агентным состоянием». Оно возникает, когда «саморегулирующаяся единица претерпевает внутреннюю модификацию, чтобы функционировать в системе иерархического контроля» [2]. В этой системе субъект ориентирован не на объективные ценности, а на

распоряжение авторитета. И под моральностью понимается не воплощение ценностей человеколюбия, а наиболее точное подчинение агенту, отдающему приказы. При этом обе моральные системы могут вполне бесконфликтно ужиться в сознании одного человека. Находясь в поле межличностного взаимодействия, человек ориентирован на помощь и сострадание, но, попадая в иерархическую структуру «начальник – подчинённый», он готов выполнить любой приказ, в т.ч. требующий от него нанести вред другому. С первого взгляда кажется, что любой порядочный человек должен выбрать первую систему и с возмущением отвергнуть вторую. Но, во-первых, система человеколюбия часто сопряжена с жертвенностью и существенными тяготами, в то время как жизненные блага человек добывает преимущественно посредством труда в организации, где есть начальство и подчинение. Во-вторых, часто индивид столь глубоко врастает в иерархическую структуру, столь увлечён своей работой, что часто даже не замечает, как его вовлекают во что-то недостойное. Именно переходом в это агентное состояние Милгрэм объяснял феномен «банального зла», открытый Ханной Арендт.

Выбор между двумя системами морали неизбежно станет перед обитателем университета, если он постарается осмыслить идею «опорного университета», т.е. высшей школы, ориентированной на потребности конкретного региона. Служение родной земле – одна из ярчайших ценностей морали первого типа. Если исходить из её ценностного мира, то получается следующая картина. В своей научной деятельности сотрудник университета должен либо изучать ту проблематику, которая касается его региона, либо видеть практические следствия для своего региона от изучения общенаучных тем. Для этой цели следует развивать периодические издания, создавать площадки (лаборатории, научные полигоны, технопарки) для серьёзной научно-исследовательской деятельности. В учебной работе университетскому профессору надо сделать ещё больше: готовить специалистов высокого уровня, курировать их научную работу и исследовательскую практику, желательно помогать им с трудоустройством на важные для данного региона должности. Было бы замечательно, если бы педагоги высшей школы заботились о сохранении связи со своими выпускниками и, насколько возможно, привлекали их к обучению нового поколения специалистов. Идея «опорного университета», в идеале, предполагает и третье направление деятельности университетского профессора. Это – просветительская работа, направленная на повышение культурного уровня региона. Она может подразумевать ведение образовательных проектов в школах, курирование олимпиадного движения школьников и студентов, участие в образо-

вательных выставках, консультационная помощь разным областям социальной практики (бизнесу, менеджменту, медицине и т.д.), то есть всё то, что соответствует назначению университета как интеллектуального центра, предназначенного для развития субъекта Федерации.

Однако всё, сказанное выше, вытекает из идеальных представлений о морали помощи и солидарности. Реальность, зафиксированная в нормативных документах, оказывается далека от неё и соответствует больше второй системе – морали подчинения. В первую очередь, эта система напоминает сотруднику простого российского регионального вуза о недавней истории, когда ему приходилось переживать различные, спущенные сверху, идеи трансформации университета. Он может вспомнить, как едва ли не каждый года вуз объявлялся «болонским», «нанотехнологичным», «инновационным», «федеральным», «национальным исследовательским» и, наконец «оптимизированным», а по сути, поглощённым каким-то другим университетом, нередко находящимся в другом городе. Также стремительно менялись аббревиатуры названия, и рядовой сотрудник бывало не понимал, в какой организации он работает и в каком подразделении. При этом в его повседневной работе ощутимо менялись только две вещи: росло количество отчётов и требований руководства. И то, и другое было мало адекватным: отчёты запрашивались о деятельности, которая фактически не велась (воспитательная, методическая работа), а требования часто не имели отношения к реальной научно-образовательной работе и сводились к указанию на абстрактные показатели, которые каждый сотрудник должен как можно скорее достичь. Рядовой сотрудник не понимал: как увеличение нагрузки может привести к повышению качества образования; как публикации в журналах, которые никто не читает, повышают его научный уровень; как необходимость платить за эти публикации увеличивает его доходы (о чём на словах так заботится руководство вуза); наконец, как ликвидация кафедр и целых факультетов, некогда готовивших специалистов уникального профиля, делает университет «инновационным»? Но, следуя агентной морали подчинения, рядовой сотрудник был вынужден всё это выполнять и ждать новых причуд от руководства российского образования. В некотором смысле, во всех этих трансформациях была польза: университетские жители научились изощрённой изворотливости, благодаря которой им удавалось защититься от «прогрессивных» идей начальства и всё-таки выполнять своё призвание настоящего учёного и педагога. Например, нагрузка увеличивалась благодаря «виртуальным» занятиям, публикационная активность росла посредством приписывания десят-

ка соавторов на одну статью, воспитательная работа «расцветала» на бумаге, а разгром уникальных специальностей частично компенсировался готовностью профессоров заниматься со своими учениками во внеучебное время или в рамках ставших ныне популярными программ дополнительного образования. Можно сказать, что университетская общественность приспособилась к нестабильному времени и иронично ждала, какие ещё «интересные» идеи будут спущены сверху. И вот появилась идея «опорного» университета.

Следует заметить, что эта мысль не является неожиданной; скорее она настоятельно напрашивалась. «Реформирование» региональных университетов привело к тому, что они потеряли привлекательность для местных выпускников школ. Согласно результатам исследования учёных из Высшей школы экономики, опубликованным 17 июля 2017-го года, следует, что лишь шесть субъектов Федерации (Москва, Подмосковье, Санкт-Петербург, Ленинградская и Свердловская области, Татарстан) не теряют и при этом приобретают большое количество абитуриентов из других регионов [3]. Все остальные теряют от одной пятой до половины выпускников школ, причём в списке – те регионы, в которых активно проводились эксперименты по созданию «федеральных» и иных университетов. Естественно, требовалось срочно повысить уровень региональной высшей школы, иначе существовала угроза полного утекания потока абитуриентов ближе к столицам. При этом уезжали не только абитуриенты и студенты, но и от «прогрессивных реформ» в сторону столичных вузов бежал преподавательский состав. Причём бежал не только по причине поиска лучших условий труда, но также из-за массовых сокращений.

Обратимся теперь к нормативным документам, устанавливающим стратегию организации и развития «опорных» университетов (которых на данный момент уже насчитывается 33), и посмотрим, насколько содержание этой идеи поможет достичь заявленных целей [4]. В первую очередь, обращает на себя внимание, что основные показатели, которым должен соответствовать «опорный университет», почти ничем не отличаются от выдвигаемых раньше индикаторов «оптимизированных», «исследовательских» и других «реформированных» университетов. Это те же требования по увеличению финансирования, количества студентов и публикационной активности, только предположительно применённые к местным условиям. Так, первая и самая главная задача – это увеличение количества студентов в вузе на всех уровнях обучения. Задача, действительно, важная, если учитывать сколько талантливых абитуриентов уезжает из своих регионов. Но её решение должно быть не причиной учреждения

опорных университетов, а его следствием. В частности, выпускники средних школ уезжают в иные регионы не только в поисках более высокого качества образования, но и в связи с тем, что в провинции резко сократили число бюджетных мест. Однако в концепции опорного университета ничего не говорится о необходимости их увеличения. Зато говорится о другом – о количестве «укрупненных групп направлений подготовки и специальностей, по которым реализуются образовательные программы». «Укрупнённые» – это фактически те, которые пришли на смену ликвидированным кафедрам и отделениям, развивавшим уникальные специальности. На деле получается, что абитуриенту предлагают поступить на некое общее бакалаврское направление подготовки и на такую же «укрупнённую» магистерскую программу. Только станет ли он востребованным специалистом после обучения по «укрупнённым программам»? Особенно в то время, когда нужны специалисты узкого профиля в высокотехнологичные области экономики? Это также очень важно, поскольку, в соответствии со следующим критерием деятельности «опорного университета», требуется показать увеличение доли «выпускников, трудоустроившихся в течение календарного года, следующего за годом выпуска, в субъекте Российской Федерации, на территории которого находится университет, в общей численности выпускников, обучавшихся по основным профессиональным образовательным программам высшего образования». Но любой сотрудник университета, вовлечённый в свою сферу профессиональной работы, прекрасно понимает: из выполнения одного критерия никак не может следовать выполнение второго. Требуется делать всё в точности наоборот: развивать узкие, уникальные специальности, которые дадут возможность выпускникам стать ценными кадрами. Но почему-то в то время, когда даже не самые известные западные вузы предлагают пройти обучение, как минимум, по двум сотням точных, узких магистерским программам, у нас в стране продолжают «укрупнять» направления и полагать, что именно они принесут пользу региональным экономикам. Скорее всего, абитуриент, желающий стать востребованным специалистом, отправится куда-нибудь подальше от «опорного университета».

Требования к научной работе содержат всем хорошо знакомые разрядки на увеличение публикаций в изданиях, включённых в международные базы данных типа Web of Science и Scopus. И здесь недоумение читателя стремительно перерастает в ощущение абсурдности содержания проекта. Какое значение имеют статьи, опубликованные в польских и румынских журналах, к развитию, например, Архангельской или Белгородской областей? Быть может студенты, прочитав их, станут значительно умнее? Но каждый препода-

ватель знает как сложно сегодня мотивировать студента читать хотя бы необходимые источники на русском языке; полагать, что они будут читать журналы из упомянутых баз данных – утопия. Или же предполагается, что сотрудники, опубликовав там статью, повысят свой профессиональный уровень? Но всем хорошо известно, что для публикаций в этих изданиях не требуется практически ничего, кроме оплаты. Также существует требование по увеличению количества издаваемых журналов, которые бы входили в заветные базы данных. Но содержание таких изданий столь затратно, что их могут себе позволить считанные университеты. Есть, правда, простой выход: финансировать журнал за счёт оплаты публикаций их авторами, т.е. фактически от редакции требуется собирать деньги со своих же коллег. Но такие морально сомнительные формы бизнеса явно противоречат академической совести сотрудника, который руководствуется принципами настоящей, а не реформированной университетской этики.

Наконец, третья группа критериев – увеличение финансирования, которое должен обеспечить сам университет. Получается интересная картина: дополнительное финансирование по проекту «опорного университета» получают те вузы, которые и так могут себя обеспечить. Хотя, казалось бы, надо помочь тем, кто не может зарабатывать, но обладает значительным потенциалом. Проект учитывает различные источники финансирования: и доходы от НИОКР, и прибыль от работы «малых предприятий», созданных при университете. Но любой сотрудник вуза, прочитавший эти сведения, немедленно понимает, чем это ему грозит – необходимостью писать бесконечные заявки на гранты в различные фонды и тратить на оформление огромного объёма бумаг почти всё своё время. Охота на гранты в последнее время превратилась в университетах в особый вид спортивных состязаний, где есть свои профессионалы, любители и менеджмент. Профессионалы – это особо обученные люди, знающие в этой области все тонкости и почти ничем больше не занимающиеся, т.е. освобождённые от повседневной учебной и организационной работы, но при этом готовые сконструировать за короткое время любые требуемые отчёты. Любители – это сотрудники, которые крайне редко становятся получателями грантовых средств, но всегда готовы помочь профессионалам, взяв на себя часть бюрократических тягот. Наконец, менеджмент – это руководство вуза, которое ставит цели перед командами профессионалов и распределяет полученные средства. К примеру, во многих вузах существуют разрядки, какие суммы внебюджетных средств должно принести организации каждое подразделение в расчёте на одного сотрудника. Часто «спускают»

нереальные для провинциальных вузов цифры – свыше полумиллиона в год. Прочитав намёки на то, что ему придётся ещё увеличить усилия по борьбе за гранты, которые будет распределять руководство вуза, простой университетский сотрудник ужаснётся идее «опорного университета». И, кажется, его можно понять.

Но, чтобы объективно оценить идею «опорного университета» с точки зрения академической этики, важно проанализировать не только то, что есть, но и то, чего в этом проекте нет. А нет там многого, например ничего не сказано о развитии социокультурной среды университета. Начиная от элементарных бытовых условий: повышения комфортности проживания в общежитии, доступности спортивных и оздоровительных учреждений, заканчивая важной задачей повышения качества обучения, а также развития современных технологий образования – программ стажировок, профессионально ориентированных практик, дополнительного образования и т.д. Складывается впечатление, что в предлагаемом проекте вообще отсутствуют студенты как целевая аудитория, ради которой, по своему изначальному замыслу, должен работать университет. Об улучшении условий труда сотрудников мы даже не упоминаем – в это уже никто не верит. Получается, что, согласно замыслу авторов проекта «опорного университета», социальная среда вуза не будет развиваться, зато должны развиваться предприятия «малого бизнеса».

Кроме того, из проекта полностью изъята третья составляющая деятельности университетского преподавателя – забота о повышении интеллектуального и культурного уровня окружающей социальной среды; именно то, благодаря чему, учёный и педагог, как им всегда казалось до наступления эпохи реформ, служат своей малой (и большой) родине. В эту деятельность, которую можно по праву назвать просветительской, были вовлечены все, кто действительно заботился о родных городах и территориях. Эта работа могла выражаться в сотрудничестве со средними школами, техникумами, центрами дополнительного образования, развития олимпиадного движения и иных форм работы с талантливой молодёжью, которую, согласно идее «опорного университета», следует оставлять в домашнем регионе. Но о требованиях к такой просветительской работе в проекте нет ни слова; отсутствует даже стандартное требование привлечения в университет молодых кадров. Создаётся впечатление, что для разработчиков проекта на самом деле публикация статей в журналах, индексируемых в западных базах данных, имеют большую ценность, чем труд на благо своего региона.

Если суммировать всё сказанное, то не остаётся сомнений, что сотрудник университета, приверженный идеалам морали первого ти-

па, т.е. морали помощи и солидарности, вряд ли сможет найти себе применение в проекте «опорного университета». Фактически содержание этого проекта противоречит его главной цели – работы ради развития региона. И преподаватель, вынужденный трудиться в этих условиях, превращается в сотрудника бизнес-корпорации, озабоченного в первую очередь привлечением финансирования; во вторую – вынужден публиковаться в изданиях, которые никто из его коллег не читает; в третью – заниматься подготовкой студентов по общим направлениям, не востребованным на региональном рынке. Здесь трудно найти место идее служения как своей малой родине, так и настоящей науке. Остаётся только одно – перейти на позиции морали второго типа, т.е. морали подчинения, где добродетельным будет считаться наиболее точное исполнение приказов руководства. В этой реальности из мотивации поведения сотрудника исчезает идеальное содержание, а ему на смену приходят формальные показатели, на которые следует ориентироваться в повседневной работе. Здесь сомнения совести относительно абсурдности этих показателей и их отношения к подлинной академической деятельности снимаются соображением «начальству виднее». Получается, что университетская этика первого типа не будет востребованной, а этика второго типа перестанет быть университетской. Есть для рядового сотрудника выход из этой дилеммы? Он напрашивается сам собой – выход из проекта «опорного университета» и поиск другого места работы, в меньшей степени подверженного экспериментам такого рода.

Список литературы

1. Здесь и далее: информация о проекте «Опорный университет» берётся с информационного ресурса http://опорный_университет.рф
2. Милгрэм С. Подчинение авторитету. Научный взгляд на власть и мораль. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 91.
3. Чемодан, вокзал, диплом // https://ioe.hse.ru/news/207_501278-.html
4. Что такое опорный университет и зачем он нужен? // Аргументы и факты. 2016. 25 янв.

Р.Г. Апресян

УДК 17.01 + 17.02 + 174

Неоднозначность ситуации. Двусмысленность положения

Аннотация: Этика профессии не заработает, не будучи выработанной по доброй воле и добровольно принятой. Но в отличие от индивидуальной моральной позиции, личной моральности, одной только доброй воли для действенности этики профессии недостаточно. Этика профессии коррелятивна не только профессии, но профессиональной ассоциации или организации, посредством которой профессия осуществляет себя. Это организация, например, университет, должна быть так устроена, чтобы у профессионала была возможность осуществить себя, причем осуществить себя как можно лучше, совершеннее. Академический и административный этос современного российского университета таков, что у преподавателя почти нет условий для полноценной профессиональной реализации. Его положение двусмысленно. Оно усугубляется неоднозначностью ситуации, в которой находится современный российский университет, фактически лишенный административной, хозяйственной и, главное, академической самостоятельности.

Ключевые слова: профессиональная этика, этика университета, опорный университет, академические свободы, личное достоинство, профессиональное предназначение.

Ситуация «современного университета» неоднозначна не только в России, но и в мире [6; 18]. В России она особенна тем, что в ней оказались наложенными друг на друга сразу несколько процессов. Во-первых, сложившийся в советское время тип университета (шире, высшего учебного заведения) в значительной степени оказался деформированным, а становление новых типов институтов высшего образования протекает в условиях переменчивой и неопределенной государственной политики в области образования; при этом как процесс изменений, так и их результаты не поддаются четкой идентификации ввиду недостаточности объективной информации [17, 712]. Во-вторых, в административном, финансовом и социально-политическом планах университеты становятся все менее самостоятельны, и это касается прежде всего содержания образования. В-третьих, понижение качества среднего образования ведет к все более заметному снижению уровня образованности новых поколений студентов, ослаблению их мотивированности в отношении обучения как такового: получение фундаментальных знаний, прочных профессиональных навыков и умений представляется для них менее значимым, чем по-

лучение удостоверения об образовании или возможность не обремененной социальной ответственностью, но вместе с тем общественно признанной занятости [2]. В-четвертых, коммерциализация высшего образования изменяет критерии успешности преподавательской деятельности и, как следствие, характер отношений внутри университета – между преподавателями и администрацией, стремящейся к высокому уровню финансовой «рентабельности» университета, достижение которой наиболее легким путем возможно за счет повышения привлекательности содержания обучения любой ценой и снижения требовательности к уровню подготовки студентов; и то, и другое оказывается для многих преподавателей сильным демотивирующим фактором.

Зная все это, мы, тем не менее, говоря об «университете», нередко имеем в виду идею гумбольдтовского университета, того самого, в котором приоритет отдается фундаментальному знанию, ценному самому по себе, независимо от его практической полезности. Университет, по мысли В. Гумбольдта, призван соединять в себе преподавание и исследования. Исследования, проводимые в университете, носят «чистый», фундаментальный характер; практические науки признаются в лучшем случае вторичными по отношению к фундаментальным наукам. Сориентированный на фундаментальное знание, университет утверждает интеллектуальную свободу. Знание независимо от коммерции. Вместе с тем, фундаментальные науки как науки естественные едины с гуманитарным знанием. Последнее – основа не только образования, но и духовного развития личности. В социальном плане университет автономен по отношению к обществу и в известной степени по отношению к государству, которое его финансирует¹. Предоставляя возможность каждому, проявившему таланты к учебе и знаниям, университет – место для избранных, для будущей интеллектуальной элиты. Один из замечательных плодов Просвещения, гумбольдтовский университет выполняет в обществе высокую просветительскую функцию. Университет – не только распространитель знания, но он также и единственный источник знания. Задавая своеобразный стандарт знания, университет не только просвещает, но и особым образом организует общество [12, 43, 70–73]. В

¹ Средневековый университет также был независим от общества, государства и даже в значительной мере от церкви, хотя университетскими профессорами были люди духовного звания. Но ни государство, ни общество не несли ответственность за финансовое положение университета. В основе академических свобод лежала независимость университетов от государственной казны.

первой половине XIX в. многие университеты Германии и стран, ориентировавшихся на Германию, перестраиваются по предложенной Гумбольдтом модели. Германская модель университета была воспринята и в России, однако российские университеты внешне схожие с немецкими², существенно отличались от них ограниченностью академических свобод как для преподавателей, так и для студентов (что объясняется объективными причинами – общим низким уровнем подготовленности профессоров и слабой мотивированностью студентов к обучению) [1, 14; 3, 75–76].

Данный образ гумбольдтовского университета идеален. Но это не повод для трактовки его в качестве архетипа любого университета. И во времена Гумбольдта этот идеал, претворяясь на практике, хотя и сохранял основополагающие принципы, тем не менее принимал разные формы. Очевидное для отвлеченного ума различие между идеей, воплощением идеи в политической программе и той же идеей, реализованной посредством политической программы на практике, упускается из виду, когда речь заходит об идее университета и практике университета как образовательного учреждения, существующего во времени и пространстве [13, 47]. Это не всегда принимается во внимание университетскими аналитиками, обсуждающими роль университета и университетского образования в обществе; гумбольдтовская идея университета трактуется ими в качестве идеи университета вообще, а различные модели университета – как вариативная практика, которая как будто бы сохраняет внутри себя и рано или поздно может воплотить в себе «метафизику университета», превосходящую «прагматику» (конъюнктуру) университета в любом ее виде.

Гумбольдтовский университет, в отличие от средневековых университетов Германии, назывался исследовательским именно потому, что научные исследования рассматривались в качестве его важнейшей задачи, реализация которой способствовала развитию наук, обеспечивала содержанием образовательный процесс и, вместе с тем, создавала ту атмосферу, без которой невозможно формирование самостоятельно мыслящей личности. Но исследовательский университет, известный по гумбольдтовской модели, это далеко не то же, что современный исследовательский университет, как это ино-

² В XIX в. Россия вступила с одним университетом, но уже в 1830-е гг. их число достигает восьми. К концу XIX в. в Российской Империи их насчитывалось одиннадцать, среди которых Дерптский (ныне Тартуский), Виленский (Вильнюсский), Александровский (Хельсинкский), Варшавский пользовались автономией, в иных случаях полной [1, 13–35].

гда представляется университетским аналитикам. Основное отличие современного исследовательского университета (а этот феномен складывается в США и получает там наибольшее развитие) от гумбольдтовского или, шире, прусского университета состоит в том, что, наряду с накоплением и систематизацией знаний, он решает задачу создания нового знания, «необходимого, в конечном итоге, для разработки новых продуктов, технологий, социальных практик и экономических укладов» [5]. Этим обусловлено развитие в американских исследовательских университетах междисциплинарных исследований, направленных на решение проблем, возникающих в науке, технологиях, обществе сегодня; эти исследования носят отчетливо прикладной характер. Как и в европейских, в первую очередь германских университетах, к исследованиям и разработкам широко привлекаются студенты, но в американских университетах им дается большая самостоятельность, соответственно за ними признается более высокий статус и они наделяются большей ответственностью. Заслуживает внимания, что многие американские исследовательские университеты на ранней стадии своего развития (с конца XIX до сер. XX вв.) ориентировались на отраслевые и производственные приоритеты штата, в котором они находились, внося тем самым значительный вклад в хозяйственное развитие штата. После Второй мировой войны изменения в федеральной научно-образовательной политике привели к возрастанию доли фундаментальных исследований в научной деятельности университетов. А с 1980-х гг. в США наблюдается новая тенденция – усиление прикладных исследований, что получило подкрепление юридическим закреплением за университетами права на создание научно-исследовательских и технологических центров с широкими социально-практическими полномочиями по осуществлению деятельности, отвечающей как научно-техническим, так и производственно-экономическим задачам. Обладая с самого начала своего основания значительной экономической самостоятельностью, гарантированной федеральными законами, американские университеты прошли непростой путь обретения административной и, что важно, академической независимости; причем эта проблема – предмет постоянного обсуждения и переосмысления не только для академического сообщества, но и для широких кругов интеллигенции США [14, 28–29; 17].

В России с конца 1990-х гг. постепенно сложился реестр моделей университетов (высших учебных заведений), включающий в себя такие формы как университет, федеральный университет, национальный исследовательский университет, академия, институт [11]. Предпринимающиеся в последние двадцать лет попытки реформи-

рования высшего образования направлены на повышение качества университетского образования, развитие научно-исследовательской активности университетов, их более деятельной роли в повышении благополучия общества.

В 2015 г. учреждена еще одна модель высшего учебного заведения – *опорный университет* (вуз)³ [7]. Эта модель призвана сместить решение названных задач на региональный уровень. Опорный университет рассматривается как опора для региона, он предназначен для решения региональных задач – развитие региональной экономики и подготовка для нее специалистов высокой квалификации. Ориентируя выпускников школ на получение высшего образования в своем регионе, обещая качественное образование и гарантируя получение работы после завершения учебы, опорный университет стимулирует региональную лояльность молодежи. Эта направленность опорного университета может также стать важной ценностной детерминантой по отношению к интересующему нас феномену «этики профессии». Региональная лояльность, местный патриотизм становятся важной ценностной доминантой опорного университета, вполне соответствующей задаваемому характеру целеполагания опорного университета. А также, что важно, его финансирования, при котором бюджет университета, как предполагается по крайней мере в перспективе, в значительной степени формируется из региональных источников, государственных и внегосударственных. В связи с зависимостью опорного университета от локальных факторов, остро встает вопрос о степени самостоятельности университета, хотя бы на региональном уровне, о гарантированности академических прав и свобод и, стало быть, об условиях возможности профессиональной этики [10; 2, 235–243].

Эти вопросы не возникают вдруг по поводу именно феномена опорного университета. Они актуальны для любого российского учреждения высшего образования, которое в большей степени зависит от государственного финансирования и, что гораздо существеннее, от государственного администрирования и контроля (по разным линиям – содержания и технологии образования, управления делами и ведения университетского хозяйства, внебюджетного финансирования и его эффективности, а с некоторых пор и политической благонадежности преподавателей и студентов). В силу того, что по отношению к опорным университетам функции контроля в значительной степени передаются с федерального уровня на региональный, во-

³ В 2016–2017 гг. на основе жесткого конкурсного отбора статус опорного университета получили более тридцати университетов.

просы университетской автономии и академических свобод только обостряются, и есть высокий риск утраты опорным университетом тех крох самостоятельности, независимости перед лицом региональной власти, которые гарантируются в регионе университету федерального подчинения.

Все это обуславливает неоднозначность ситуации университета. Неоднозначность касается как внешних условий, так и внутренних.

Критически настроенные университетские аналитики и обозреватели общественных нравов нередко выражают настороженность относительно возможной применимости и действенности в современном российском университете «этики профессии» (будь то профессия работника университета или профессия преподавателя). Думается, в этой настороженности проявляется та же самая идеалистическая (идеал-ориентированная), абстрактная установка в отношении профессиональной этики, какая была отмечена выше в отношении к университету в любом своем конкретном воплощении как потенциальному носителю гумбольдтовского идеала. Будучи ориентированным на регион, опорный университет может ограничивать свои задачи содействием развитию региональной экономики, причем главным образом путем снабжения ее специалистами высокой квалификации. Так и этика профессии может быть «задана» соответствующими регионально-локальными ценностными ориентациями. Ориентация на региональные и даже локальные цели с полным основанием может рассматриваться в качестве некой «метафизики» в том смысле, что она задает существующим нереализованным и даже еще операционально не осмысленным целям идеальный план целеполагания. Это и есть миссия университета – способствовать процветанию региона.

Было бы опрометчиво расценивать такое понимание профессиональной этики как приземленное, подрезающее крылья возможным высоким устремлениям профессии. Эти устремления (если таковые еще есть) подрезаются факторами внешними и внутренними по отношению к университету. К первым следует отнести: (а) противоречивость предлагаемых и навязываемых университету разными агентами государственной власти задач; б) непроясненность социального и культурного статуса большинства современных российских региональных университетов (разных моделей), проявляющаяся в первую очередь в административной зависимости университетского руководства от федеральных и региональных органов власти, его вынужденная сервильность по отношению к ним; (в) невостребованность университетского научного потенциала властью и обществом регионов; (г) как обратная сторона последнего, недостаточная го-

товность университетского сообщества к высококвалифицированному экспертному участию в региональных программах и проектах, их научному сопровождению⁴ и т.д.

Среди внутренних негативных факторов следует выделить: (а) низкие нормативы оплаты преподавательского труда; (б) увеличенные сверх меры нормативы аудиторной и неаудиторной нагрузки преподавателей; (в) навязываемые преподавателям руководством университетов заниженные критерии требовательности к успеваемости студентов⁵; (г) рост формальных количественных показателей эффективности труда преподавателей; (д) сведение к нулю времени творческого досуга преподавателей; (е) расслоение университетского сообщества вследствие разности в уровне оплаты труда преподавателей и руководителей (университетского, факультетского и даже кафедрального уровней) и т.д. [2].

При сохранении этих факторов деятельности университетов и преподавателей как сотрудников университетов ни о какой *профессиональной* этике говорить не приходится. Профессиональная этика в строгом смысле слова предполагает наличие профессиональных сообществ/ассоциаций, обладающих хотя бы в минимальной степени автономией, т.е. независимостью от внешнего директивного давления и суверенностью в самоорганизации, вырабатывающих стандарты профессиональной деятельности, процедуры ее оценки и, стало быть, способных и имеющих возможность ее контролировать [15, 12–16]. Это не значит, что университетские преподаватели находятся во неморальной среде. Университетская среда пронизана нормативностью, пусть и иного рода – административной, но в ней – в той мере, в какой административное регулирование деятельности преподавателей направлено на осуществление позитивных задач образования как таковых, – имеют место и элементы морального регулирования. Вместе с тем, и это гораздо существеннее, на кафедральном и даже факультетском уровнях во многих случаях действуют неформальные, но признанные нормы профессиональной этики, пусть и адаптированные к вышеперечисленным негативным, контр-профессиональным факторам деятельности преподавателей. Более того, многие и многие преподаватели верны индивидуальному профессио-

⁴ Вместе с тем, имеют место разного рода имитационные формы привлечения обществом и властью научного потенциала университета, причем имитационный или символический (иными словами, формальный) характер этого взаимодействия не всегда осознается его участниками.

⁵ Занижение критериев оценки успеваемости студентов – следствие коммерциализации образования, и представляет собой общемировой тренд [6, 23–24; 3, 198–200].

нальному кредо, воплощая в своей деятельности профессиональную честь, утверждая достоинство профессионального предназначения.

Преподавательский труд имеет два измерения – одно связано с институционализированностью преподавателя в качестве члена университетского коллектива, другое – с его деятельностью в аудитории, с его отношениями со студентами, складывающимися в процессе осуществления им своих профессиональных обязанностей. Именно «логика» этих отношений оказывается определяющей для реализации преподавателем себя в качестве профессионала. Но с философско-этической точки зрения, такое утверждение достоинства профессии является частью не профессиональной этики, а личной нравственной программы, установки профессионала на лучшие результаты в своей деятельности, в конечном счете, на профессиональное совершенство.

Принимая во внимание этот аспект этики преподавательского труда, можно по-другому поставить вопрос о профессиональной этике и ее роли «в становлении опорного университета». В основу профессиональной этики может быть положена не «миссия университета» (поскольку современный университет существует во враждебной целях образования и подготовки профессиональных кадров среде), а миссия образования – образования в собственном смысле слова. В этом смысле содержание профессиональной этики не надо специально вырабатывать – оно есть на уровне сохраняющихся традиций преподавательской деятельности, на уровне осознания преподавателями своего профессионального предназначения. Социальный заказ университету (к какой бы модели он ни принадлежал) должен быть сообразован с миссией образования, так же, как и социально-административная структура внутри университета и вокруг него.

При таком подходе нельзя исключать возникновения риска того, что попытка актуализации профессиональной этики в аутентичной для нее форме обернется манипуляцией профессиональным достоинством преподавателя. Можно сказать, что любые разговоры о профессиональной этике преподавателя, не поставленные в связь с этически-релевантным, или (в данном случае) гуманистическим преобразованием университетской среды, будут представлять собой морализирование (т.е. имитацию морального дискурса в виде речей «на темы этики», проводимых в корыстных целях) – для продолжения эксплуатации преподавательского труда под прикрытием высоких слов об этике профессионала.

В свете этого заслуживают особого внимания высказываемые в ходе обсуждения профессиональной этики университета предположения относительно того, что миссия реформируемого под новые

задачи университета должна проектироваться с использованием потенциала ценностей профессиональной этики. Если воспользоваться научным жаргоном, применяемым для описания функционирования систем, посредством которого обозначаются также разные подходы к социально-организационной или управленческой активности – top-down и bottom-up [16, 95–96] (условно говоря, инициатива сверху и инициатива снизу), можно сказать, что в сложившихся условиях проектирование ценностно-императивного состава профессиональной этики должно происходить на основе принципа bottom-up. Иными словами, в его основе должны лежать ценности и принципы профессионального поведения на основе индивидуально определенного призвания, ответственности и достоинства. У этой стратегии есть зримые прецеденты и образцы. Напротив, попытка проектирования ценностно-императивного состава профессиональной этики на основе принципа top-down будет означать навязывание профессии существующих институциональных приоритетов университета, которые, как мы видели, по существу противостоят целям высококачественного образования. За существующими прецедентами и образцами подобной стратегии как правило просматривается так или иначе скрываемое морализирование. Но это то, что касается содержания профессиональной этики. Организация процесса ее экспликации и институционализации вполне может проводиться в режиме top-down.

Другой вопрос, насколько вообще реалистично допускать, что ректораты университетов и их кураторы из контролирующих государственных органов, представляющие компоненты единого авторитарного режима управления образованием, согласятся на какое-либо проявление инициативы снизу, даже когда это касается очевидного ценностного содержания профессиональной этики. Пока трудно представить внешние и внутренние условия, при которых были бы сняты вышеназванные негативные факторы функционирования университетов и, стало быть, деятельности преподавателей. А значит, остается полагаться на личное достоинство и преданность профессии самих преподавателей, с надеждой на то, что ценности профессии будут сохраняться в качестве личного выбора самих преподавателей, их профессиональной честности, ответственности, самоотверженности, как и внутренней логикой той деятельности, которой они посвятили свою жизнь.

Список литературы

1. Аврус А.И. История российских университетов: Очерки. М.: ИЦНУП, 2001. 192 с.

2. *Афанасьева В.В.* Пять признаков тяжелой болезни: Открытое письмо министру образования РФ Ольге Васильевой // Музыкальное образование, <http://muzobozrenie.ru/vera-afanas-eva-otkry-toe-pis-mo-ministru-obrazovaniya-rf-ol-ge-vasil-evoj/> [Дата публикации: 10.04.2017; просмотр: 10.10.2017].

3. *Вахитов Р.Р.* Судьбы университета в России: имперский, советский и постсоветский раздаточный мультиинститут. М.: Страна Оз, 2014. 276 с.

4. *Запорожец О.Н.* Университет как корпорация: интеллектуальная картография исследовательских подходов. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 45 с.

5. *Игнатов И.И.* Американский исследовательский университет как организационная инновация // Капитал страны: Федеральное интернет-издание, http://kapital-rus.ru/articles/article/amerikanskij_issledovatel'skij_universitet_kak_organizacionnaya_innovaciya_i/ [Просмотр: 10.10.2017].

6. *Илтон Т.* Медленная смерть университета // Совет ректоров. 2015. № 4. С. 19–26.

7. О Федеральной целевой программе развития образования на 2016 –2020 годы. Постановление Правительства РФ от 23 мая 2015 г. № 497(с изменениями и дополнениями), <http://base.garant.ru/710447-50/> [Просмотр 01.10.2017].

8. *Покровский Н.Е.* Корпоративный университет: утопия, антиутопия или реальность? // Экономика образования. 2014. № 3. С. 10–15.

9. Постановление Правительства РФ № 497 от 23.05.2015 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2016 – 2020 годы». С изменениями и дополнениями от 27.04, 25.05, 14.09. 2016, 02.02, 09.09.2017, <http://base.garant.ru/71044750/#ixzz4zM-NwTt9G> (Просмотр: 10.10.2017).

10. *Тимошенко В.* Сеть опорных университетов: костяк или костыль для образования? // Гарант. Ру. Информационно-правовой портал, <http://www.garant.ru/article/701532/#ixzz4zLnwBcRr> (Дата публикации: 11.03.2016; просмотр: 17.11.2017).

11. Федеральный закон от 22.08.1996 № 125-ФЗ (ред. от 03.12.2011) Российской Федерации «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.02.2012), http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1144-6/ (Просмотр 01.11.2017).

12. *Ямпольская Л.И.* Концептуализация классической «идеи университета» в неклассическом варианте. Томск: STT, 2014. 228 с.

13. *Barnett R.* Understanding the University: Institution, Idea, Possibilities. London; New York: Routledge, 2016. 214 p.

14. *Chambers M.M.* The University as a Corporation // The Journal of Higher Education. 1931. Vol. 2. № 1. P. 24–29.

15. *Durkheim E.* Professional Ethics and Civic Morals / Transl. by C. Brookfield, with a new preface by B.S. Turner. London; New York: Routledge. 2003. 230 p.

16. *Easterly W.* Institutions: Top down or Bottom up? // The American Economic Review. 2008. Vol. 98. № 2: Papers and Proceedings of the One Hundred Twentieth Annual Meeting of the American Economic Association. P. 95–99.

17. *Guriev S.* Research Universities in Modern Russia // Social Research. 2009. Vol. 76. № 2: Free Inquiry at Risk: Universities in Dangerous Times. Part I. P. 711–728.

18. *McVicar M.* Academic freedom: higher education reform and the threat to civil liberties // The Guardian, <https://www.theguardian.com/higher-education-network/blog/2011/nov/15/universities-civil-liberties-reform> [Дата публикации: 15.11.2015; просмотр: 17.11.2017].

19. What's Wrong with Today's Universities? // Mindszenty Report, <https://www.catholicjournal.us/2015/08/14/whats-wrong-with-todays-universities/> [Дата публикации: 14.08.2015; просмотр: 17.11.2017].

Е.В. Беляева

УДК 378.4

**Миссия преподавателя
в контексте миссии университета**

Аннотация. Миссия преподавателя зависит от миссии университета определенного типа, она имеет педагогическую, исследовательскую и менеджерскую компоненты, каждая из которых обладает нравственным смыслом. Осуществление «третьей миссии» университета возможно только в случае последовательной реализации принципов этики менеджмента, одной из важнейших нравственных установок которого является доверие к компетентности и ценностям профессионалов, поддержка выполнения ими миссии профессии.

Ключевые слова: миссия университета, миссия преподавателя.

Среди обширной литературы, посвященной миссии современного университета, почти не находится текстов о миссии преподавателя. То ли предполагается, что миссия профессионала целиком обусловлена миссией его социального института, то ли то, что она, в общем и целом, похожа на миссию учителя вообще и не нуждается в специальном рассмотрении. Однако, как отмечает Н.Ф. Авдеев, «нецелесообразно рассматривать профессии школьного учителя и преподавателя вуза как тождественные, ...преподаватели вуза ведут научные исследования, разрабатывают методический инструментальный образовательного процесса» [1, 231]. Кроме того, профессия преподавателя вуза отличается от профессии учителя школы не только сложностью изучаемого материала и возрастом обучающихся, но и смыслом выполняемой миссии, который во многом зависит от наполнения миссии университета. Поскольку подходов к формулировке миссии университета великое множество, то в их контексте формируется различный смысл деятельности преподавателя.

Если рассматривать университет как сообщество профессионалов, где миссия является результатом их самоопределения, то миссия университета будет прямо определяться теми целями и ценностями, которые выработают и установят для себя профессионалы. Миссия будет зависеть от них, а потому осуществляться вполне эффективно. В этом случае вопрос о миссии относится к ведомству профессиональной этики. Если же университет – это социальная институция, миссия которой в обществе определяется потребностями последнего, общественными представлениями о предназначении университета, то для преподавателя такая миссия оказывается внешней, весьма относительно совпадающей с его собственными

представлениями о своей роли в обществе. Здесь разработка миссии становится частью корпоративной этики. Этот конфликт ощущается всеми участниками системы образования, и этика должна не только фиксировать, но и разрешать возникшее противоречие.

В контексте современных дискуссий о миссии университета возникает также вопрос о том, в рамках какой области знания должна рассматриваться эта тематика. Является ли она предметом педагогики, этики или менеджмента? Если педагогика имеет воспитательную функцию, а потому неизбежно обращается к осмыслению нравственной миссии учреждений образования, то в рамках так называемого «менеджерского» подхода к проектированию миссии университета она становится частью брендинга. Как пишет А.Ю. Мешков, «миссия университета рассматривается в контексте формирования системы управления университетом, формирования стратегического развития университета, формирования корпоративной культуры, имиджа, бренда, репутации и т. д.» [4, 37]. Между тем даже в этом случае корпоративная культура имеет нравственную составляющую и, соответственно, предполагает внимание со стороны этики. Сама постановка вопроса о нравственной миссии университета помещает проблему в этический контекст, делает ее достоянием прикладной этики и позволяет сблизить представления о миссии преподавателя и его учреждения. Наконец, рассуждая о нравственной миссии профессионала, полезно задать вопрос о том, какова профессия современного преподавателя вуза, в чем, собственно, она состоит.

Ответы на поставленные вопросы могут быть получены в рамках привычной для философов триадичной схемы. На каждом этапе развития университета у него складывается определенная миссия, соответствующая миссия преподавателя-профессионала и соответствующий тип этики, регулирующий данную проблему.

Первый этап связан с представлением об университете как месте обучения, институте, сохраняющем и распространяющем знания, для которого миссия просвещения и формирования мировоззрения является приоритетной. «Миссия средневекового университета была преимущественно образовательной и отражала идею *stadium generale* (общее обучение), состоявшее в приобретении книжной учёности» [5, 26]. Хотя цель воспитания личности и социализации не ставилась, университеты долгое время способствовали формированию в обществе особого социального слоя, отличающегося не только интеллектуальными, но и моральными качествами. Такая миссия университета сохранялась и даже акцентировалась в эпоху Просвещения, в первую очередь потому, что знание само по

себе мыслилось как благо, предполагалось, что науки облагораживают не только разум, но и нравственные качества человека.

В этом контексте профессия преподавателя была практически тождественна профессии учителя, поэтому совпадала и их миссия, которая состояла в передаче полноты знания, а нравственная задача – в развитии личности студента через усвоение гуманистически наполненных знаний.

Второй этап в развитии университета связан с идеалами Гумбольдта, согласно которым университет должен соединять научные исследования и преподавание, выполнять миссию научно-исследовательского центра и уже на этой основе – учебного заведения. Здесь получила реализацию неоднократно высказываемая педагогами идея, что обучение состоит не в усвоении готовых знаний, а в формировании способности обучаемых к самостоятельному производству новых знаний.

В этом случае профессия преподавателя стала совмещать научно-исследовательский и педагогический аспекты, нравственная миссия стала опираться не только на педагогическую этику, но и на этику науки, она предполагала развитие личности студента через вовлечение в научные исследования. Понятно, что тип личности, который формируют такой преподаватель и такой университет, существенно отличались от предыдущих и последующих типов. Его новая миссия была индуцирована процессами модернизации, и, соответственно, моральные преимущества его атмосферы и способа организации были способны оценить те представители профессионального сообщества, которые разделяли данные ценности.

Переход к исследовательскому университету вовсе не являлся самоочевидным нравственным благом, освоение новой миссии не происходило без проблем. Неоднократно отмечалось, что великие ученые вовсе не всегда были хорошими преподавателями; что профессиональная специализация является необходимой в современном обществе, а потому совмещение двух по сути разных профессий в рамках одной деятельности не так уж целесообразно; что возвышение профессоров-исследователей порождает в коллективах внутреннюю несправедливость, при которой чисто педагогическая работа в аудитории (пресловутая «горловая» нагрузка) перекладывается на нижние слои преподавательской иерархии. Таким образом, уже формирование гумбольдтовского исследовательского университета представляет собой травму, ставящую под вопрос значимость исконной нравственной миссии преподавателя по воспитанию личности через знание.

Третий этап жизни университетов связан с тем, что общество возложило на университет «третью миссию», предписывая ему роль не только корпорации преподавателей и студентов, объединенных любовью к научному знанию, но и статус бизнес-корпораций. Их миссией стала не просто подготовка квалифицированных специалистов, но специалистов, прямо востребованных компаниями, не просто поиск научных истин, но производство инноваций, которые могут быть практически применены и способны приносить прибыль.

Здесь профессия преподавателя подразумевает и навыки менеджера, его миссия начинает включать организацию собственной карьеры в интернациональной научной среде и в сфере бизнеса, а также управление деятельностью студентов по организации их профессиональной биографии. В структуре миссии преподавателя к заботе о собственном самосовершенствовании, о совершенствовании своей научной дисциплины, о развитии личности и профессионализма студентов, добавляется обязанность формировать специалиста, способного построить свою карьеру в предпринимательской среде, подразумевая, что это является общественным благом.

Пока такое представление о миссии преподавателя не только не распространено в университетской среде, но в большинстве случаев отвергается ею как безнравственное. В первую очередь потому, что преподавательский корпус не встречается с позитивной реализацией данной модели. При ее внедрении профессионалы немедленно ощущают разрушающее воздействие и нравственные издержки, но не в состоянии оценить ее достоинства и воспользоваться ими.

Наряду с естественным неприятием радикальной новизны, причина моральной травмы при переходе к модели университета 3.0 заключается в том, что ценности образования, этос науки и этика бизнеса существенно отличаются по своим нравственным установкам. Поэтому их объединение на платформе прикладной этики как междисциплинарного проективного знания, способы легитимизации новых версий нравственной миссии, является актуальной и неоднозначной этической задачей. Простое отрицание ожиданий общества в отношении целей университета не восстанавливает его нравственную культуру. Борьба за чистоту профессиональных ориентиров преподавателя и ученого оборачивается тем, что применением результатов их усилий занимаются прагматичные люди, не озабоченные нравственными аспектами проблемы. Только встречное движение академических ценностей и предпринимательской культуры, в основе которой тоже лежит этика, может способствовать выполнению университетом «третьей миссии».

Возникновение различных видов прикладной этики было связано с профессиональным и социальным самоопределением людей, вовлеченных в виды деятельности, обладающих социокультурной значимостью. В частности, значимость этики менеджмента проявилась по мере того, как управленцы осознали социальную миссию своей профессии, степень своего влияния не только на конкретные производственные процессы, но и на общественное развитие в целом. По мере разработки различных теорий управления становилось все более понятным, что менеджмент осуществляется не по отношению к безличным процессам, а, в первую очередь, по отношению к людям, которые производят, торгуют, преподают и т. д. Поэтому управление, не опирающееся на нравственные ценности и не руководствующееся моральными нормами, обречено на неудачу. Увеличение количества менеджеров различного уровня привело данную социальную группу к нравственному самоопределению и стремлению дать ценностную легитимацию своей профессии, разработать собственные кодексы поведения.

Как показал Л. Хосмер, большинство ключевых идей мировой этической мысли оказались применимы в жизни менеджеров [6]. В частности, знаменитое «золотое правило нравственности» звучит в этой сфере деятельности следующим образом: «в рамках служебного поведения никогда не допускай по отношению к своим подчиненным, руководству, клиентам и другим людям таких поступков, каких не желал бы видеть по отношению к себе». В отличие от общей этики межличностного общения, этика менеджмента (как и другие виды прикладной этики) стремится совмещать мораль с прагматикой поведения. Данная позиция аргументируется двумя соображениями. Во-первых, менеджмент как социально полезная деятельность несет общественное благо, поэтому эффективный менеджмент производит косвенный нравственный эффект. Ведь в плохо управляемой среде трудно ожидать нравственного благополучия. Во-вторых, управление людьми с необходимостью должно исходить из того, что все они являются нравственными субъектами, апеллировать к их нравственным представлениям, опираться на их нравственные качества, использовать моральные регуляторы поведения. В результате мораль мыслится не как препятствие в получении управленческого результата, а как самый полезный инструмент в его достижении.

Менеджмент университета должен опираться на этику менеджмента, которая предполагает этическую компетентность управленческого персонала, этику как имманентную составляющую управления. Теорию бюрократического менеджмента сформулировал еще М. Вебер, но с тех пор укрепились представление о социально-гуманисти-

ческой составляющей менеджмента, об организации как открытой системе, взаимодействующей со средой, которой подобает синергетический подход к управлению.

Система менеджмента в университете 3.0 может дать эффект ровно в той степени, в которой она включает нравственные цели, нормы и ценности в свою структуру. Если она внедряется как бюрократическая технология, то не только не способствует повышению качества преподавания и обучения, но прямо препятствует ему, разрушая даже то качество образования, которое сохраняется благодаря классической университетской традиции. Не говоря уже о том, что такая манипулятивная стратегия в менеджменте нарушает ключевой этический принцип, предписывающий относиться к человеку как к цели, а не как к средству. Применительно к университету эпохи постмодерна термин «общественная услуга» (public service) сближается с общественным служением, включает гражданскую или демократическую миссию и мультикультурную миссию образования [2, 110], а также выполняет миссию интернационализации [2, 114]. Поэтому ни преподаватели не могут рассматриваться как работники «сферы образовательных услуг», критерии деятельности которых вырабатываются менеджерами, не обладающими никакой научной или педагогической квалификацией. Ни студенты не должны интерпретироваться как будущие «трудовые ресурсы», которые должны быть «востребованы на рынке труда». Качественное образование предполагает, что в этом процессе *образуется личность*, обладающая как интеллектуальными, так и социально-нравственными компетенциями, способная к самообучению и креативному применению своих способностей в открытом мире. Для управления становлением такой личности нужен менеджмент, умеющий создавать соответствующую образовательную среду, пронизанную гуманистическим смыслом, в т. ч. этический менеджмент, который в условиях трансформации рыночной экономики, наряду с профессионально-образовательной и социально-экономической компонентой, заботится об этической составляющей миссии высшей школы [3, 171].

К числу конкретных этических установок, которыми рекомендуется руководствоваться менеджеру относятся такие как доверие к квалификации, ответственности и потенциалу сотрудников; предоставление работникам права на свободу поведения, если оно не нарушает свободу других; справедливость в приобретении полномочий, права распоряжаться ресурсами, устанавливать сроки; разумное сочетание индивидуального и коллективного начал в принятии решений, постоянство в соблюдении нравственных норм и предъявляемых требований. Главное состоит в том, что этические принципы в

управлении должны охватывать всех участников процесса. В академической среде это особенно важно. Если преподаватель не следует тем нормам профессионализма и ответственности, которых требует от студента, то такие требования останутся невыполненными. Если менеджеры университета предъявляют многочисленные трудновыполнимые требования к учебной, научной, воспитательной и организационно-менеджерской работе преподавателя, то эта система должна содержать и нравственные требования к качеству менеджмента. Если же вся суть управления сводится к «оптимизации», т. е. сокращению количества курсов, часов, сотрудников, то преподаватель ощущает на себе явное ухудшение качества своего профессионального существования. Наивно думать, что такая ситуация заставит преподавателей вкладывать больше усилий в процесс. Скорее это приведет к отчуждению даже от позитивных сторон преобразований.

В нынешнем виде система менеджмента качества слабо видит в преподавателях и студентах моральных субъектов, не осуществляется в их интересах, не умеет сотрудничать с управляемыми в деле достижения общей цели образования. Между тем в этике менеджмента давно разработана концепция стилей управления, каждый из которых опирается на нравственные основания. Стиль, основанный на указаниях и приказах, четких инструкциях и жестком контроле, необходим для подчиненных с низким уровнем компетентности. Очевидно, что в университете работают люди совсем другого рода, и руководство ими предполагает стиль, основанный на участии самих работников в решении управленческих задач, и стиль, основанный на делегировании полномочий организовывать свою работу самостоятельно.

Современному менеджменту университета недостает реализации важнейшего этического принципа справедливости, который вырабатывается в результате взаимной потребности людей друг в друге и взаимной уязвимости друг для друга. Право руководить и осуществлять менеджмент предполагает выполнение определенных обязанностей, в том числе некоторых нравственных обязательств. При обнаружении проблем, которые возникли не по вине работников, обязанность менеджмента состоит в том, чтобы разрешить их, а не перекладывать трудности на работников. Эффективный менеджмент обеспечивает занятость сотрудников, не возлагая на них функции фрилансера; он прислушивается к предложениям работников, создает условия труда, не наносящие ущерба здоровью и достоинству людей; в ситуации кризиса или конфликта принимает усилия по их конструктивному разрешению. Приложив данные соображения к сис-

теме высшего образования, можно получить менеджмент, который будет эффективным и нравственно целесообразным. Только поддерживая преподавателя в выполнении его новой триединой миссии, университет 3.0 может реализовать свои нравственные, социальные и инновационно-предпринимательские цели.

Итак, миссия преподавателя реализуется в контексте миссии университета определенного типа, при этом миссия преподавателя сохраняет свои инвариантные профессиональные особенности, игнорирование которых не позволит вузу как социальному институту реализовывать свою цель и смысл. Реализация «третьей миссии» университета возможна только в случае последовательной реализации принципов этики менеджмента, одним из важнейших нравственных установок которого является доверие к компетентности и ценностям профессионалов.

Список литературы

1. *Авдеев Н.Ф.* Высшая школа в условиях глобализации. М. : МГИУ, 2011. – 578 с.
2. *Колесников А.В.* Миссия университетов в эпоху постмодерна // *Философское образование: вестник ассоциации философских факультетов и отделений.* 2011. № 1. С. 99–117.
3. *Логачев В. А., Жернова Н. А., Жернов Е. Е.* Миссия как основа этического менеджмента вуза в условиях трансформации рыночной экономики // *Известия УрГЭУ.* 2009. № 4(26). С. 170–175.
4. *Мешков А.Ю.* Проблема определения миссии университета как организации // *Вестник ЮУрГУ.* 2012. № 41. С. 36–41.
5. *Родачин В.М.* Эволюция миссии вузов и вузовской науки: история и современность // *Универсум: общественные науки.* 2017. № 4 (34). С. 25–30.
6. *Hosmer, L.T.* Trust: The connecting link between organizational theory and philosophical ethics // *Academy of Management Review.* 1995. N 20. P. 379–403.

А.А. Сычев

УДК 174

Профессиональная этика в условиях общества риска

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития профессиональной этики. Ее первообразами автор считает этики врача, рыцаря и монаха, сформировавшиеся в традиционном обществе и ориентированные на подвиг, самопожертвование, и святость. Собственно профессиональная этика рассмотрена на примере экономической, политической и научной этик эпохи Модерна, в которых нормы стали более конкретными, реалистичными, утилитарными. Требования – максимальные и перфекционистские изменились на умеренные, поступки стали определяться не абстрактным долгом, а конкретной ответственностью за свой участок работы. Большая часть действий, направленных на благо других, из разряда обязательных перешли в разряд желательных, а характерные для традиционной этики ориентация на выживание и принцип предосторожности сменились ориентацией на успех и готовностью идти на риск ради его достижения. Освенцим, Хиросима, Бхопал, Чернобыль продемонстрировали кризис ценностей Модерна и необходимость поиска новой этики для общества риска. Автор заключает, что одним из возможных вариантов преодоления глобального кризиса может быть возвращение к ключевым традиционным ценностям и актуализация принципа предосторожности. При этом выбор между максимумом и минимумом реакции в каждом конкретном случае зависит от научного, экономического и политического обоснования степени риска.

Ключевые слова: профессиональная этика, этика врача, традиционное общество, Модерн, духовный кризис, общество риска.

Первообразы профессиональной этики

Для большей части профессиональных этических кодексов современности источником подражания и вдохновения является врачебная этика. «Едва ли не первый образ, возникающий в нашем сознании в связи с выражением “профессиональная этика (мораль)”, – клятва Гиппократата», – пишут В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов [1, 3].

Гиппократ стал отцом медицины не только потому, что он отказался от религиозных и мистических практик ради поиска естественных причин и способов лечения болезней. Именно обязательства не вредить и творить благо позволили четко отделить медицинскую деятельность от других целительских практик (таких как знахарство или шаманство). Человек, изучающий медицину, становится полноправным врачом лишь после сознательной декларации своей при-

верженности соответствующим моральным нормам, то есть публичного произнесения клятвы врача. Для того чтобы человек стал профессионалом, медицинских знаний недостаточно: тот, кто использует эти знания во вред другим, не может считаться врачом и должен быть лишен права на медицинскую практику, если таковое было формально признано ранее. В этом контексте врачебная этика не является приспособлением универсальных моральных норм к специфике профессиональной деятельности. Это система норм, создающих саму эту деятельность.

Клятву Гиппократова в определенном контексте можно сравнить с системой правил игры в шахматы. Игра продолжается, пока игроки соблюдают правила; если один соперник начинает мошенничать, игра завершается. Точно так же медицина является медициной до тех пор, пока врачи соблюдают строгий этический кодекс: тот, кто проводит опыты на узниках концлагеря или предлагает безнадежным больным эвтаназию, теряет право называться врачом, даже если для его действий существуют убедительные оправдания. Врачебная этика для медицины – это система конституирующих норм, без которых медицина превращается в евгенику, бизнес, преступную деятельность и т.д. Соблюдение норм, в свою очередь, требует от врача нацеленности на максимальную самоотдачу, на подвиг. В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов замечают, что «от врача ожидают высочайшего, почти героического самопожертвования: обычно для него недопустимо использовать профессию только как прибыльное занятие – врач должен *прежде всего* иметь в виду благо других людей» [1, 3].

Специфику профессиональной деятельности врача определяют два момента. Во-первых, он часто должен принимать решения в условиях недостатка объективных данных, и риск ошибки достаточно велик. Клятва Гиппократова призвана минимизировать риски в работе врача. Там, где данных для принятия решений нет, она призывает к предосторожности («не навреди»). Там, где возникают пограничные, этически неоднозначные ситуации (такие как аборт или эвтаназия), клятва однозначно отстаивает позицию в защиту жизни.

Во-вторых, пациент нередко оказывается в ситуации полной зависимости от врача, что создает возможности для злоупотребления последним своей властью. Там, где власть над людьми становится опасной, клятва Гиппократова четко очерчивает ее границы (принцип конфиденциальности, запрет на интимные отношения и т.д.). Собственно сама клятва – декларация добровольного самоограничения врача в своих действиях. Любое использование власти в своих целях – это не только отказ от нравственных идеалов медицины, но и подрыв репутации врача. Для того, чтобы пациенты доверя-

ли врачу свои здоровье и жизнь, у общества не должно возникать сомнений в том, что его действия могут быть направлены на что-либо, помимо помощи нуждающимся.

Пожалуй, наиболее близкой по духу этике врача в традиционном обществе была рыцарская этика. Уже в период Античности (судя по героическому эпосу Гомера) зарождаются элементы рыцарского этоса, на основании которых в Средние века оформляется целостная система нравственных норм и ценностей, складывающихся в своеобразный моральный кодекс. «Тот, кто желает стать рыцарем, должен начать новую жизнь, молиться, избегать греха, высокомерия и низких поступков. Он должен защищать церковь, вдов и сирот, а также заботиться о подданных. Он должен быть храбрым, верным и не лишать никого его собственности. Воевать он обязан лишь за правое дело. Он должен быть заядлым путешественником, сражающимся на турнирах в честь дамы сердца; повсюду искать отличия, сторонясь всего недостойного; любить своего сюзерена и оберегать его достоинство; быть щедрым и справедливым; искать общества храбрых и учиться у них, как совершать деяния великие, по примеру Александра Македонского» [7, 86].

Рыцарство – это не только владение оружием или способность побеждать на турнирах, но и совокупность добродетелей, включающая мужество, доблесть, благородство, верность и т.д. Рыцарь – это человек, который ведет себя в соответствии с высокими нравственными идеалами. Нельзя было назвать рыцарем мародера, труса, предателя, даже если те были людьми, принадлежащими к рыцарскому сословию и обладавшими всеми внешними признаками рыцарей. Как и в случае врача, именно моральные нормы конституировали рыцарство как особую форму деятельности и стиль жизни.

Сходные элементы моральной кодификации деятельности присутствуют и в монашеских уставах. Монашество как образ жизни фактически определяется обетами нестяжания, послушания, целомудрия и вне системы этих обязанностей существовать не может. Понятие «монах» так же, как и понятия «рыцарь» и «врач», нормативно нагружено. Это не те, кто занимаются какой-то специфической деятельностью, а те, кто должен себя вести определенным образом.

Рыцарь и монах – нечто гораздо большее, чем только профессии. Это образ жизни, осознанный выбор, призвание, подвижничество. В не меньшей степени это относится и к врачу – этика врача выходит далеко за границы собственно профессиональной деятельности. Это нормы, ориентированные на подвиг и святость. Клятва врача, рыцарский кодекс, монастырский устав – это своды принципов, добро и зло в которых четко определены и отделены друг от друга, и

никакие компромиссы не допустимы. Они выдвигают требования жить так, как будто человек находится в идеальном мире. Конечно, в реальности соответствовать этим чрезвычайно высоким моральным требованиям в полной мере было невозможно. Однако уже сама направленность на высокие стандарты, осознание неправильности отступления от декларируемых норм свидетельствуют о том, что моральным соображениям в традиционном обществе отдается однозначный приоритет перед более приземленными задачами.

Этика врача, рыцаря, монаха – это своеобразные первообразы профессиональной этики, которые стали моделями для формирования ее «идеально-должного» уровня. В ходе ускорения процессов разделения труда и профессионализации общества, которая начинается на исходе Средневековья, центр регуляции профессиональной этики все сильнее смещается на уровень «реально-должного».

Профессиональная этика в пространстве реального

К закату Средневековья в Европе складываются особые системы профессиональной этики, существенно отличающиеся от традиционных. Между этикой врача, рыцаря, монаха – с одной стороны, и предпринимателя, политика, ученого – с другой, множество различий, коренящихся в степени ответственности профессионалов перед обществом, пределах их власти над зависимыми людьми, уровне риска при принятии решений и т.д. Различия эти не в последнюю очередь предопределены историческими условиями формирования базовых типов профессиональной этики. Основное из них заключается в том, что профессиональная деятельность в эпоху Модерна больше не приспособляется к существующим нормам морали, а, напротив, пытается адаптировать их к своим потребностям. Моральные нормы перестали быть конституирующими: профессиональная деятельность теперь регулируется иными механизмами: политическими, экономическими, правовыми и т.д.

Классическая античная и средневековая философии еще переносили традиционную этику внутрисемейных отношений на политическую деятельность. Правителю вменялось в обязанность быть нравственно безупречной личностью: справедливым отцом нации и образцом для подражания подданных. Однако к Новому времени сложились устойчивые представления о том, что приверженность морали не является конституирующим условием для профессиональной самореализации. Более того – значительное количество людей убеждены, что политик в своей деятельности может обойтись без общечеловеческой морали. В эпоху Возрождения в творчестве Н. Макиавелли зарождаются представления об особой – политиче-

ской – морали, кардинально отличной от традиционной. Они опираются на предположение, согласно которому «участники политики, поскольку они стремятся действовать и эффективно, и нравственно, должны руководствоваться особым видом морали, отличным от той, которую они именуют обычной, универсальной, приватной, моралью частной жизни» [5, 68]. Политическая мораль позиционируется как практичная и реалистичная в отличие от непрактичной идеалистической морали традиционного общества, совершенно бесполезной для разрешения реальных проблем, с которыми приходится иметь дело политику. В рамках политической морали появляется возможность оправдать нравственно сомнительные или вовсе аморальные средства, если это позволит избежать еще большего насилия в будущем. Такая мораль по определению не предполагает универсализма, поскольку не может отказаться от дихотомии своего и чужого, друга и врага как базовой интуиции политики.

Сходные процессы происходят в сфере экономики. Мораль в предпринимательской деятельности, при всей ее важности, не является определяющей. Бизнес, не преследующий никаких иных целей, помимо получения прибыли, остаётся бизнесом. Хотя общество всячески приветствует акты благотворительности, от предпринимателя не требуют, например, поддержки социальной справедливости. Добродетели, высоко ценимые в протестантском этосе – трудолюбие, бережливость, честность – важны не в силу того, что моральны, а потому, что они способствуют достижению успеха в реальном мире. Более того, с точки зрения некоторых крайне либеральных философов и экономистов, мораль производна от экономических отношений. Только «невидимая рука рынка» способна упорядочить социальные взаимодействия к взаимной выгоде всех их участников. В либертарианской картине мира предприниматель, преследуя собственные интересы, насыщает рынки продуктами, создает рабочие места и т.д., способствуя тем самым максимизации общественного блага. Напротив, любые вмешательства в сбалансированный рыночный механизм, в том числе основанные на сугубо альтруистических соображениях, могут привести к иждивенчеству, дефициту товаров, увеличению уровня бедности и прочим социальным проблемам. Иными словами, гарантией нормального развития общества является исключительно «бизнес как обычно», любые же попытки осчастливить граждан, например, искусственно уравнивая их благосостояние, ведут к разнообразным искажениям естественного порядка вещей. М. Фридман пишет об ответственности бизнеса так: «Все шире распространяется мнение, что на руководителях корпораций и профсоюзных лидерах лежит некая “социальная ответственность” помимо служе-

ния интересам их акционеров или членов юнионов. Это мнение избличает глубоко неверное представление о характере и природе свободной экономики. При такой экономике у бизнеса имеется одна и только одна социальная ответственность – использовать свои ресурсы и заниматься деятельностью, рассчитанной на увеличение своих прибылей, соблюдая при этом правила игры, т.е. участвуя в открытой и свободной конкуренции без обмана и мошенничества» [8, 157]. Таким образом, правила игры, конституирующие пространство бизнеса, являются исключительно экономическими, а не моральными.

В XVII веке как влиятельный социальный институт оформляется наука. С ней возникает и особый этос ученого, фундаментом которого является вера в прогресс и безграничные возможности разума. Любые ограничения на пути научного и технического прогресса рационально мыслящему человеку представлялись проявлением обскурантизма, попыткой замолчать Истину. Все, что делала наука, считалось по умолчанию правильным, а в ситуации риска Гиппократово «не навреди» сменилось принципом «в случае сомнения – за прогресс». Философы эпохи Нового времени видели в будущем общество свободы и равенства, устроенное на разумных началах и научных расчетах – Новую Атлантиду, позитивную стадию социального развития, ноосферу. Новые моральные принципы, по которым необходимо жить этому идеальному обществу, должны быть обоснованы рационально: доказаны в геометрическом порядке, выведены из естественных законов общественного развития, верифицированы с учетом законов логики и т.д., то есть все моральные «должно» полагалось выводить из научных «есть».

Таким образом, в условиях кризиса традиционной морали различные сферы и подсистемы социальной жизни попытались занять вакантное место и принять ее функции на себя. Экономическая, политическая, научная и прочие этики сформировали пространство новой профессиональной морали, в котором нормы стали более конкретными, практичными, утилитарными по сравнению с идеализмом традиционной этики. Изменились требования – из максимальных и перфекционистских они стали умеренными, вполне посильными; поступки стали определяться не абстрактным долгом, а конкретной ответственностью за свой участок работы. Меняется объект служения: профессионалы демонстрируют не приверженность общечеловеческим нормам морали, а лишь преданность профессии. От профессионала перестали требовать подвигов и альтруизма, признав, что в ходе своей деятельности он должен, прежде всего, учитывать свои собственные интересы. Большая часть действий, направленных на благо других из разряда обязательных перешли в разряд желатель-

ных. Наконец, характерные для традиционной этики ориентация на выживание и принцип предосторожности сменились ориентацией на успех и готовностью идти на риск ради его достижения.

Профессиональная этика в ситуации риска

В XX веке радужные построения теоретиков Модерна начали один за другим разрушаться. Практические попытки воплотить в жизнь различные проекты масштабного переустройства общества на рациональных началах завершились крахом. Обратной стороной форсированного научного, технического и промышленного развития стали масштабные техногенные катастрофы, загрязнение окружающей среды, разбалансировка климатических процессов. Изобретение атомного оружия поставило мир на грань ядерной катастрофы. Биотехнологические эксперименты изменили систему отношений в обществе и поставили под вопрос существование в будущем человека как вида. В итоге, как пишет Г. Йонас, «теперь уже не удовольствие, доставляемое познанием, но страх перед грядущим или страх за человека становится основным мотивом мышления» [4, 29-30].

Какой должна быть правовая этика после Освенцима, политическая этика после Хиросимы, экономическая этика после Бхопала, научная этика после Чернобыля? Очевидно, что те системы профессиональной морали, которые сформировались в Новое время, не только не способны были предупредить эти и подобные им катастрофы, а напротив – находились в ряду их причин. Экономика, политика, наука и техника, эмансипированные от внешних моральных ограничений превратились в самостоятельные силы и фактически вышли из-под всякого контроля. Работа промышленных предприятий, военные конфликты, крупные научные открытия – все это порождает серьезные риски, в том числе угрожающие выживанию человечества. Основная задача современности, как пишет У. Бек – «предотвратить систематически возникающие в процессе прогрессивной модернизации риски и опасности, сделать их безопасными, канализировать, а там, где они уже появились на свет в виде “скрытых побочных воздействий”, так отграничить и отвести в сторону, чтобы они не вставали на пути процесса модернизации и в то же время не выходили за пределы (экологические, медицинские, психологические, социальные) “допустимого”» [3, 22].

Этике сложно найти ответы на вызовы глобального кризиса, поскольку она сама находится в кризисной ситуации. Как отмечает А. Макинтайр: «в области морали мы имеем лишь фрагменты концептуальной схемы, обрывки, которые в отсутствие контекста лишены значения. На самом деле у нас есть лишь подобие морали, и мы

продолжаем использовать многие из ключевых ее выражений. Но мы утратили – если не полностью, то по большей части – понимание морали как теоретическое, так и практическое» [6, 7]. В эпоху Модерна были созданы многообразные этические системы, противоречащие не только традиционной морали, но и друг другу. В современной морали, в том числе профессиональной, не существует однозначных и ясных положений, подобных принципам клятвы Гиппократова: на традиционные представления о призвании, служении, долге накладываются идеи о политической морали, экономической необходимости, научной рациональности, которые возникли в других исторических условиях, и в ситуации общества риска оказались непригодны для поиска общезначимых моральных ориентиров.

Тем не менее, ситуация не является однозначно тупиковой: в схожих условиях (например, при переходе от традиционного общества к современному) человечество уже демонстрировало способность находить адекватный ответ на стоящие перед ним вызовы. В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов утверждают, что «моральный кризис, расшатанность нравов означают не только хаос в мире ценностей, распад этого мира, коллапс морали, но и растянутый во времени многосторонний и трудный процесс обновления нормативно-ценностной системы данной цивилизации, накопления порожденных ею позитивных тенденций в нравственной жизни» [2, 239].

Одним из возможных вариантов преодоления глобального (экологического, экономического, политического, духовного) кризиса может быть возвращение к ключевым ценностям и принципам традиционного общества на новом уровне. Основной целью человека на первоначальном этапе было выживание, и именно угроза жизни заставила сформулировать первое из известных нам положений профессиональной этики – «не навреди». Сегодня человечество вновь находится на грани выживания, и это предполагает актуализацию принципа предосторожности. Если существует возможность того, что действия могут в перспективе привести к серьезному, необратимому ущербу, они могут совершаться только при наличии четких научных данных, свидетельствующих о безопасности. Фактически применительно к современному обществу можно говорить о сфере «вероятностно-должного». Если «идеально-должное» ориентирует на моральный максимум, подвиг, служение, а «реально-должное» – на минимум, посильные действия, совпадающие с личным интересом, то «вероятностно-должное» предполагает, что выбор между максимумом и минимумом реакции в каждом конкретном случае зависит от научного, экономического и политического обоснования степени риска.

Одним из проявлений кризиса в духовной жизни общества является ситуация, сложившаяся с профессиональной этикой в современном университете. С одной стороны, на процесс обучения оказывает давление экономическая этика, превращая его в конвейер по массовому производству профессиональных компетенций, востребованных экономикой. С другой стороны, академическое сообщество отстаивает идеи высокой миссии «чистой науки» и не нагруженного какими-либо утилитарными целями служения Истине. Выход из этого противостояния предполагает помещение потребностей науки и экономики в более широкий контекст этики предосторожности, общий для различных моделей профессиональной этики.

Принцип предосторожности в его современном варианте предполагает необходимость самоограничения любых профессиональных практик, тем самым подводя науку, экономику, политику под общий моральный знаменатель. Достаточно активно этот принцип развивается в биоэтике (которую В.Р.Поттер позиционировал именно как «этику выживания»), экологической этике и прочих прикладных этиках, стремящихся поставить заслон на пути потенциально опасных практик и технологий современности. Иными словами, этика предосторожности и выживания вновь имеет шанс стать конституирующей для профессиональной деятельности.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю. В.* Профессиональная этика: социологические ракурсы // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 3-13.
2. *Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В.* Введение в прикладную этику. Тюмень: НИИ ПЭ, 2006. 392 с.
3. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
4. *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М. : Айрис-пресс, 2004. 480 с.
5. *Капустин Б. Г.* Макиавелли и проблема политической морали // Логос. 2015. Т. 25. № 6. С. 68-104.
6. *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с.

7. *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 510 с.

8. *Фридман М.* Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. 240 с.

Ю.Н. Москвич, Е.Н. Викторук

УДК 177, 001, 378

Университеты третьего поколения как реальность: новая миссия и проблемы её становления

Аннотация. Возникновение университетов нового поколения анализируется авторами с позиции новой «Великой трансформации» мира, радикально изменяющей мир и приводящей к необходимости появления новой, третьей актуальной миссии университета – «служение обществу». Рассматривается комплекс этических последствий новой миссии для университетов, грозящей разрушением «метафизических» оснований университетского этоса, его основных традиционных задач по формированию профессионалов. «Этика сотрудничества» различных «локальных этик» – научной, преподавательской, предпринимательской, служебной, управленческой – определяется как необходимое условие формирования ценностей этики новых университетов.

Ключевые слова: миссия университета, профессионально-этическое регулирование, университет третьего поколения, ценности университетской этики, современное университетское образование, опорные российские университеты, предпринимательская деятельность университетов.

Введение

Отличительными особенностями современного мира является высокая скорость и масштаб происходящих изменений. Восприятие мира вследствие этого радикально меняется. Оно всё в большей степени описывается в образах непредсказуемого риска [2] и «ускользающей реальности» [10]: турбулентного блуждающего мира [12], «мира, подобного жидкости» [1], мира грядущей «сингулярности» [11] и мира надвигающейся новой промышленной революции [27]. По этой причине мир становится «довольно трудным местом для прогнозирования» [21], проектирования привычных стратегий развития [8, 9]. По мнению В.Е. Лепского, в значительной степени это обусловлено целым набором новых факторов влияния на процессы развития [13]:

- резким возрастанием динамичности социальных процессов;
- высоким темпом обновления знаний, который влечет быструю сменяемость социальных структур и институтов, воплощающих это знание, а также типов и способов коммуникаций;
- снижением роли нормативного подхода, когда фактически нормой становится выход за пределы нормы;

- «размыванием» устоявшихся традиций и резким возрастанием сложности процессов личностной идентичности субъектов принятия управленческих решений.

Все эти факторы являются естественным порождением развития образования и науки прежнего времени, успешного глобального марша большого числа научных открытий, изобретений и технологических достижений, приводящих к большим экономическим и социальным изменениям [29]. Эти изменения в свою очередь приводят к изменениям многих ценностных установок и связанных с ними этических норм и практик.

Самым существенным новшеством в этом процессе является необходимость существования и деятельности, как правило, вне «привычных норм» и «устоявшихся традиций». Причиной быстрой смены прежней парадигмы развития, по мнению А.И. Юрьева, прежде всего является «рукотворная планетарная интеллектуальная машина, которая начинает выходить из-под контроля ее творцов и создателей» [28]. Наиболее отчетливо это видно на примере недавно объявленной «Четвертой промышленной революции», последствия которой, как заявлено, будут самыми значительными в истории человечества, прежде всего в «отмирании», содержательном изменении и «народнении новых профессий» [27]. Динамично изменяемые среды «проживания и существования» адаптирующихся к новым условиям профессий становятся, по-видимому, более значимыми в наступающем Новом времени, чем индивидуальное поведение. Подобные явления были характерны и для прежних промышленных и научно-технических революций. Особенностью нынешних изменений является высокая скорость происходящих на наших глазах изменений и уровень профессиональных требований. По этой причине становятся востребованными углубленные системные исследования ожидаемых изменений, выявление связанных с ними профессиональных рисков, социальных и этических последствий.

В данной работе делается попытка анализа грядущих изменений для одной из ключевой групп творцов происходящих изменений – университетских преподавателей, ученых и интеллектуалов, этические нормы деятельности которых подвергаются всё большему воздействию. Отдельные аспекты этого процесса ранее исследовались нами [7, 18].

Особенности великих трансформаций мира

Модель радикальной трансформации мира была предложена в начале 90-х годов прошлого века одним из авторов концепции «общества знания» Питером Ф. Друкером [30]. По его мнению, наблю-

даемые в настоящее время большие изменения не новы в истории человечества. Такие значительные Великие (по его определению) трансформации в истории европейской цивилизации происходят каждые двести – двести пятьдесят лет с продолжительностью примерно в два поколения. За время трансформации общество успевало радикально перестроить себя: свой взгляд на мир; свои основные ценности; свою социальную и политическую структуру; свою культуру; свое образование; свои ключевые институты. После этих Великих преобразований неожиданно для всех возникает новый, не похожий на прежний мир. И люди, рожденные после них, уже не могут представить себе, каков был мир их недалеких предков – дедушек и бабушек.

В соответствии с этим видением новая глобальная трансформация мира началась в начале 70-х годов XX века (с начала эпохи информатизации), и в начале 90-х годов прошлого века мир находился на пике Четвертой Великой трансформации мира. В последующие десятилетия мы действительно наблюдаем большие изменения во многих институтах общества и власти, образовании и культуре. Появившаяся в эти годы теория поколения уже фиксирует появление поколений Сети и Нового времени со своими особыми ценностными установками [26, 31]. Изменения парадигмы поведения были выявлены также и нашими исследованиями мотиваций достижения успеха у нынешних студентов университетов Красноярска [8].

По всем признакам идущий сейчас очередной процесс переустройства мира не завершится, как ожидалось в начале 90-х годов XX века, в ближайшие годы. Нежданно возникший «черный лебедь» перемен [23] – Четвертая промышленная революция делает Великую трансформацию конца XX века более продолжительной. Итог преобразования, согласно этой модели, вполне предсказуем: появление Нового мира, с иными институциями, обществом и иным образованием. На смену традиционным университетам всё настойчивее приходят университеты нового, третьего поколения с новыми целями, задачами и миссиями. В отличие от университетов второго поколения (гумбольдских университетов), сфокусированных на двух целях – научных исследованиях и образовании, основанном на новых знаниях, – целями университетов третьего поколения являются междисциплинарные исследования, формирование предпринимательской активности и извлечение выгод из ноу-хау новых полученных знаний [9]. Достижение этих целей направлено не только и не столько на решение внутренних задач университета (извлечение прибыли из создаваемых ими знаний), а на решение двух принципиально общественно значимых задач: разрешение большого числа имеющихся и

возможных в будущем глобальных проблем [17] и достижение «социально-экономического процветания» путем «устойчивого экономического роста» [19]. В заявлении лидеров восьми ведущих стран мира «Образование для инновационных обществ в XXI веке» в 2006 году [19] образование впервые в истории было обозначено «основой прогресса человечества» и ведущей силой «формирования глобального инновационного общества» посредством развития и интеграции базовых элементов «треугольника знаний» (образование, исследование и инновации) для того, чтобы они «соответствовали потребностям глобальной экономики, основанной на знаниях». Университеты для достижения этих целей должны уметь быстро адаптироваться к меняющимся потребностям общества и рынка труда на основе эффективного и прозрачного государственного регулирования и готовить новые поколения «жить в условиях перемен». Таковы согласованные установки ведущих стран мира в отношении целей и задач образования в Новом времени. Очевидно, что они возникли из анализа стоящих перед ними глобальных вызовов и ключевых потребностей развития. Новая ситуация должна, несомненно, отразиться и в смене соответствующих миссий университетов, их этических ценностей и принципов деятельности высшего образования.

Новая цель университетов – служение обществу

Путь университетов к новой миссии был достаточно продолжительным. По-видимому, впервые в мире новая миссия законодательно была введена в университетах Индонезии в 1961 году [9]. Согласно принятому тогда «Основному закону о высшем образовании», было установлено, что все университеты имеют три основные задачи: проведение научных исследований, образовательной деятельности и служение на благо обществу. Карьера каждого преподавателя оценивается достижениями по каждому из трех направлений. Польза университета обществу в целом и конкретным местным сообществам определяется его научными и технологическими достижениями, иными словами, «извлечением выгоды из создаваемого ими ноу-хау». В Финляндии эта новая цель «служение обществу» законодательно была закреплена в 2004 году в законе «Об университетах» [9].

Интересно заметить, что создаваемые в настоящее время в России «опорные университеты», университетские центры инновационного, технологического и социального развития имеют точно такую же цель «служения обществу», такие же механизмы принесения пользы местным региональным сообществам, на территории которых действуют эти конкретные университеты [21, 25].

В принятой в 2005 году «Бухарестской декларации этических ценностей и принципов высшего образования в Европе» новая цель университетов сформулирована более полно: «В развивающемся обществе знания задачи университетов не ограничиваются развитием и сохранением базовой науки; они активно участвуют в толковании, распространении и практическом применении новых знаний» [19]. Помимо практического применения новых знаний, университетам предписывается активно участвовать в толковании и распространении знаний. В модели университетских центров развития, подготовленной в 2017 году Министерством образования и науки, эти виды «служения обществу» предполагается реализовывать в виде оказания экспертных услуг региональным органам власти университетами при проектировании соответствующих стратегий и программ развития [21, 25].

Очевидно, что новые этические и моральные обязательства университетов должны обсуждаться и осмысливаться теперь с полным пониманием последствий резкого расширения миссии университетов. В Бухарестской декларации определены несколько значимых ценностей и принципов университетов третьего поколения.

- Необходимость достаточного государственного финансирования высшего образования, сокращение которого, вероятно, подорвет представление о высшем образовании как об общественном благе и затруднит широкий доступ к нему и обеспечение высоких стандартов поведения.

- Академическая добросовестность в процессе преподавания и обучения. Ключевыми ценностями добросовестного академического сообщества являются честность, доверие, прямота, уважение, ответственность и подотчетность.

- Демократическое и этическое управление и менеджмент. Академические деятели, студенты и работники должны следить за тем, чтобы привлечение дополнительных прибылей не наносило ущерба качеству преподавания и исследований и уровню интеллектуальных стандартов.

- Исследования, основанные на академической честности и социальном реагировании. Необходимо неукоснительно соблюдать кодексы этических норм, регулирующие научно-исследовательскую деятельность.

Ценности и принципы, заложенные в Бухарестской декларации, могут являться хорошей стартовой основой создания трансформирующимися российскими университетами своих базовых принципов и этических кодексов. Роль преподавательского сообщества в их создании очень велика. Для того чтобы она в полной мере была реали-

зована, необходимо существенное изменение процедур принятия решений университетами, повышение значения академической свободы, учет интересов различных групп преподавателей и сотрудников, широкое обсуждение необходимости и полезности новой миссии университета, осознание неизбежности изменений возникающих новых шансов развития и профессионального роста.

Этика сотрудничества – необходимое условие формирования ценностей профессиональной этики трансформирующегося университета

Современное российское университетское образование находится в странном состоянии: между гордостью за прежние и нынешние успехи и нарастающей тревогой перед возможными изменениями. Успехи образования настолько очевидны и велики, что, в каком-то смысле, сегодняшнее состояние образования можно было бы считать временем его триумфа. Однако реально образование сегодня как никогда прежде подвергается сильным внешним и внутренним воздействиям, требующим ясности его миссии и места в обществе. Не утешает многих даже вполне применимое к данной ситуации образование в виде двух матрешек – научные исследования и обучение остаются прежними. Речь идет только о новой составной её части – прямому, а не опосредованному служению обществу.

Редакция «Ведомостей», организовавшая проект о потенциале ценностей профессиональной этики в проектировании миссии трансформирующегося университета, подчеркивает опасения потери университетом собственной опоры. В сложных процессах массовизации, коммерциализации, бюрократизации образования у опорных университетов есть шанс утраты «метафизики университета» – в погоне за «прагматикой» превращения университетов в «фабрику профессиональных компетенций для экономики». При этом В.И.Бакштановский справедливо полагает, что в этико-моральной регуляции профессиональных отношений есть то, что относится к области «вневременного», «вечного», неизменного. Это способность этики выявлять границы, пределы власти *над* людьми, возникающей в процессе реализации специализированной деятельности. Двухединная задача профессиональной этики – оправдать власть профессионала в сфере его деятельности и, одновременно, ограничивать полноту власти, которой располагает преподаватель над студентом, ученый – над человечеством, а редактор «скопсовского» журнала – над профессором; «университетский администратор» – над уникальной жизнью вверенного ему университета.

Недавний 85-летний юбилей нашего университета трансформировал вопрос о носителях «подлинного университетского профессионализма» в ситуации вручения наград. Кто достоин большей чести: штукатур-маляр со стажем работы в вузе 55 лет, ректор – руководивший вузом несколько десятилетий; главный бухгалтер, уже 5 лет уверенно ведущий организацию сквозь «шторм» финансовых перемен; рядовой «честный» профессор; «высокорейтинговый профессор-пришелец» или еще какой-то «боец невидимого фронта»? Празднование юбилея поставило непростой вопрос «На ком держится университет»? Очевидно, что не на профессионалах-«одиночках», университетский профессионализм в новом качестве – сотрудничество и командная работа – превращается из декларации в условие формирования новой профессиональной этики университета.

Сегодня для анализа этически проблемных ситуаций в проектной деятельности успешно используют SWOT-анализ, эффективность которого можно проверить на прогнозировании развития ценностей этики новых университетов. Будучи методом стратегического планирования, SWOT-анализ позволяет рассмотреть воздействие этики-«пришельцев» на академическую и научную этику, так называемые «метафизические основания» университетского профессионализма. Как известно, SWOT-анализ направлен на выявление факторов внутренней и внешней среды организации по четырем категориям: сильные стороны / слабые стороны; возможности / угрозы. Так, очевидно, что служебная этика, влияние которой увеличивается, обусловлена таким фактором внешней и внутренней среды, как коррумпированность. Да, на этот «вызов» следует отвечать четкими нормами, которые все чаще университеты вводят в свои Кодексы корпоративной этики. Но специалисты понимают, что это даже не этика в полном смысле слова, поскольку она лишена базового этического морального элемента – возможности выбора. Этика «университетского администратора» – угроза или дополнительная возможность для «понуждения» инертной академической среды работать в новых условиях: публикационная активность, грантовая деятельность, навывк работы не в «домашних» условиях кафедры, а в «контрактных» и «договорных», «фрилансерских» условиях работы преподавателей в рамках различных ОПОП? Много говорят сегодня и об опасностях внедрения кодексов корпоративной этики как потенциальном «карательном» инструменте, не учитывающем важность «академических свобод». Наверное, все понимают, что это слабая сторона новых этических «правил игры» в вузе. Но дисциплинарные «выгоды» от Кодексов не менее очевидны для профессиональной среды, которая, по мнению многих специалистов, утратила «научную добросовест-

ность» и не дотягивает до «должного» уровня академических стандартов.

Сказанное актуально для всех «локальных этик», проникающих в университетский этос – предпринимательской, служебной, административной, корпоративной. О конкуренции и взаимовлиянии, экспансии и нивелировании тех или иных «малых» этик в пространстве университета мы не раз высказывались на страницах «Ведомостей прикладной этики» [5, 6]. Наивно надеяться на «невидимую руку» этического рынка, которая выстроит систему новых этических ценностей университета, но другого пути нет. В этом пересечении этических систем, часто противоречащих друг другу, идет работа по упорядочиванию ценностного пространства университета. Ценности профессионализма новых университетов «выплаваются» посредством конкуренции «малых» и «великих», старых и молодых этик, «метафизических» и «прагматико-инструментальных» установок. Это поможет избежать опасности возвращения к морально-устаревшей миссии «кузницы кадров».

Опасность утраты университетской идентичности должна стать предметом широкой дискуссии профессионалов.

Заключение. Новые задачи для исследования

По разным причинам эволюция российского образования происходила все эти годы неспешно, без отчетливо выраженного иного целеполагания, необходимого для развития финансирования и в отсутствие прямого интереса к совместной деятельности бизнеса, местных властей и сообществ. По этой причине многие заявленные цели изменений в российском образовании до сих пор остаются противоречивыми и не имеют необходимого значимого общественного согласия. По-прежнему, в отличие от других развитых и развивающихся стран, изменения российского образования не связываются в общественном сознании с определенными реально формирующимися в мире обществами: «общества знаний» [30], «инновационного общества» [19], другими возможными видами участия университетов в решении конкретных проблем страны и регионов. Идеологически цель развития образования до сих пор внятно не определена. Обозначенные реальные угрозы последствий начавшейся новой промышленной революции также не входят в повестку дня общественных дискуссий и споров.

По этой причине ни в обществе, ни в педагогическом университетском сообществе, за редким исключением [проект НИИ ПЭ под руководством В.И.Бакштановского: 4, 14, 22], не идет плодотворная дискуссия о необходимости учета в формировании миссий современ-

ных российских университетов видения будущего развития страны, её регионов. Отсутствует также и широкое обсуждение желаемого для конкурентного развития «опережающего образования» [15]. Системного общественного и политического заказа на это по-прежнему нет. Содержательного давления университетского сообщества на людей, принимающих решения, не происходит. Принимаемые решения во многом носят ситуативный характер и не учитывают в полной мере складывающуюся новую картину мира. В значительной мере отсутствие этой крайне важной информации усиливает естественные «оборонительные» позиции сторонников сохранения своего status quo.

В этих условиях дискуссия о настоящем и будущем российского университетского образования неизбежно приобретает черты борьбы нескольких начал, своего рода «борьбы добра и зла»: «нового» образования, направленного на экономическую и общественную трансформацию, и традиционного, гордящегося своими бесспорными достижениями в прошлом, стремящегося удержать свой статус-кво при выжидающем молчании не определившихся. Фактически в данном споре отсутствуют главные действующие лица из университетской среды – визионеры-интеллектуалы, т.е. люди, формирующие представления других о будущем, его угрозах и вызовах. Особая значимость и роль интеллектуалов в развитии современного мира и проблемы их становления в современных университетах рассмотрены детально в [25]. Очевидно, что практически отсутствие таких людей в дискуссии о будущем российского образования критически усложняет поиск дальнейших путей его развития. Принятие решения о его судьбе фактически передается людям ограниченных групповых интересов.

Необходимость участия этих людей в дискуссии о будущем хорошо видна на примере недавнего международного доклада «Будущее образования: глобальная повестка» [3], в котором определены позиции разных участников острой дискуссии о путях развития образования.

«Революционеры и реформаторы», согласно этому докладу, отражают позиции людей, полагающих, что образование является и должно продолжать быть приоритетной «зоной прорыва в будущее», обеспечивать развитие страны в условиях возникающих кризисов и угроз. К ним, прежде всего, относятся «сознательные» родители, студенты, молодые исследователи, представители ИКТ, общественные и политические деятели, представители современных отраслей бизнеса.

«Консерваторы» (академическая элита, представители образовательного сообщества, родители-консерваторы, представители религиозных объединений) полагают, что образование должно выполнять важные общественные консервативные функции, реализуя «процесс накопления и трансляции коллективной / социальной памяти, способ удержания общественных норм и образцов».

В этой связи значимой становится позиция не определившихся (в основном это традиционные работодатели, прагматичные люди, студенты, преподаватели). Исходя из своей картины мира они рассматривают образование как инструмент решения текущих полезных и значимых задач, делая таким образом возможным некоторые полезные, с их точки зрения, обновления и изменения в образовании.

В целом же существенные изменения образования возможны только под давлением внешних сил, обстоятельств и значимых угроз общественному благополучию. По всем признакам именно такая ситуация сложилась в настоящее время в мире и в России, поэтому объективно возникает заказ на более активную позицию профессорского и преподавательского сообщества в формировании своего «нового» и «обновленного старого» места в становящихся миссиях меняющихся университетов в открытом диалоге с представителями традиционно «закрытых» систем управления университетами и нарождающегося сословия нового «университетского предпринимательства». Стимулирующим для поиска и достижения согласия может быть реальная угроза потери конкурентоспособности и потери своего будущего и будущего их общего дома – университета.

Список литературы

1. *Бауман Зигмунт*. Текущая модерность: взгляд из 2011 года. Публичные лекции. Полит.ру. 6 мая 201. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>
2. *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
3. Будущее образования: глобальная повестка. URL: http://edu2035.org/pdf/GEF.Agenda_ru_full.pdf
4. Университет – центр формирования и воспроизводства этики профессии. Ведомости прикладной этики. Вып. 46 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2015. 263 с.
5. *Викторук Е.Н.* Границы и безграничность университетского этоса: взгляд преподавателя. Ведомости прикладной этики. Вып. 47 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень; НИИ ПЭ, 2015. С. 233-246.

7. *Викторук Е.Н., Ардюкова О.С.* Профессиональная этика педагога: от инерционного сценария к инновационному. *Ведомости прикладной этики.* Вып.46 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2015. С.163-182.

8. *Викторук Е.Н., Москвич Ю.Н.* Этика меняющихся университетов: новые граничные условия успеха // Возвращение этики успеха? *Ведомости прикладной этики.* Вып. 48 / Под ред. В.И.Бакштановского, О.А.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. 246 с.

9. *Викторук Е.Н., Москвич Ю.Н., Довыденко Л.В., Ардюкова О.С.* Смена парадигмы успеха ценностей студентов Красноярска. Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2017. Ч. 1. С. 795-801.

10. *Виссема Йохан Г.* Университет третьего поколения: Управление университетом в переходный период [пер. с англ.] М: «Олимп-Бизнес», 2016. 432 с. (Библиотека Сбербанка. Т.70).

11. *Гидденс Э.* Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь: пер. с англ. М.: Весь Мир, 2004.

12. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. /Под ред. проф. Д.И. Дубровского. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. 272 с.

13. *Колодко Г.В.* Мир в движении. М.: Магистр, 2009.

14. *Лепский В.Е.* Философия управления и развития в контексте научной рациональности (субъектно-ориентированный подход). Философия и управление: проблемы и стратегии / Рос. акад. наук, Ин-т философии / Отв. ред. В.М. Розин. М.: ИФРАН, 2010. С.134-166.

15. Миссия университета. *Ведомости.* Вып. 30 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2007.

16. *Москвич Ю.Н.* Ключевые проблемы формирования устойчивого целеполагания для опережающего образования инновационной России // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 4. Часть 1. Редколл.: Пивоваров Ю.С. (отв. ред.) и др. М.: ИНИОН РАН, 2009. С. 89-94.

17. *Москвич Ю.Н.* Мерцающие картины глобального мира как искушение и вызов для теорий управления. XII Всероссийское Собрание по проблемам управления. ВСПУ-2014. Москва 16-19 июня 2014. С. 7797-7802.

18. *Москвич Ю.Н.* Поиски нового видения стратегии для России: Проблемы, ограничения и возможности. Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2016. Ч. 3. С. 74-77. 813 с.

19. *Москвич Ю.Н., Викторук Е.Н.* Как трудно быть профессором эпохи перемен. Конкуренция этических стратегий успеха. «Успешный профессор» VS «Честный профессор»? Ведомости прикладной этики. Вып. 49 / Под ред. В.И. Бакштановского, О.А. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. С. 41-56.
20. Образование для инновационных обществ в XXI веке. Саммит «Группы восьми» (Санкт-Петербург, 16 июля 2006 года). Бюллетень Министерства образования и науки Российской Федерации. Высшее и среднее профессиональное образование. 2006. №9. С.3-12.
21. Паспорт приоритетного проекта «Вузы как центры пространства создания инноваций». URL: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2016/11/vuz_innovation.pdf
22. *Саймон Вайн.* Не следует ждать облегчения экономической ситуации в ближайшие лет 15 // Ведомости. 30.09.2011.
23. Самоопределение университета: путь реально-должного. Коллективная монография / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2008. 699 с.
24. *Талеб Нассим Николас.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. / Пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Костионовой, О. Попова. Под ред. М. Тюнькиной. М.: КоЛибри. 2010. 528 с.
25. Университеты – центры технологического и социального развития регионов. URL: <file://C:/Users/home/Desktop/Статья%20в%20Ведомости/КЭФ%202017>
26. *Фуллер Стив.* В чем уникальность университетов? Обновление идеала в эпоху предпринимательства. URL: <file:///E:/Фуллер/Fuler.pdf>
27. *Шамис Евгения, Никонов Евгений.* Теория поколений. Необыкновенный Икс. М.: Синергия. 2017.
28. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция М.: Эксмо, 2016. 208 с.
29. *Юрьев А.И.* Глобализация как новая форма политической власти, изменяющая человека и миропорядок. Россия. Планетарные процессы / Под ред. В.Ю. Большакова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002, 250 с.
30. *Drucker Peter F.* Post-capitalist society // Harper Business, 1994. 232 p.
31. *Crawford P.* In the era of Human capital: The Emergence of Talent, Intellegence, and Knowledge as the Worldwide Economic Force and What it means to Managers and Investors. New York: Harper Bussiness, 1991.
32. *Howe Neil, Strauss William.* Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1991.

М.М. Рогожа

УДК 378.4:174(045)

**К вопросу об идентичности университета
(этический аспект)**

Аннотация. В статье идентичность университета рассматривается через призму духовного настроения его интеллектуалов. Ценности академической свободы и профессионального служения показываются в исторических обстоятельствах своего возникновения в средневековом университете, становления в Гумбольдтовском университете. Современный этап развития университета, связанный с миссией общественного служения, демонстрирует актуализацию этих ставших уже невременными ценностей в символическом капитале университетского интеллектуала и количественных индикаторов, фиксируемых университетскими рейтингами как инструментами измерения общественной значимости.

Ключевые слова: миссия университета, обучение, исследование, общественное служение, символический капитал, рейтинг университета.

Поставленный редактором «Ведомостей прикладной этики» вопрос о сохранении университетской идентичности в эпоху прагматичных ответов на вызовы времени предполагает поиски оснований самоидентичности, целостности университета в быстро меняющемся мире. Редактор предлагает для этого обратиться к теме миссии университета, одним из базовых элементов которой он считает «формирование и развитие среды, где рождаются новые смыслы и ценности профессиональной этики». Однако возникает вопрос, обуславливает ли миссия университета его целостность, самоидентичность – является ли она условием его возможности?

В самом широком значении «миссия» – это сверхзадача, на выполнение которой университет ориентирован по самой своей сути. Даже беглый взгляд на исторические обстоятельства становления университетской миссии свидетельствует о ее переменном характере. Так, возникшие в Европе в эпоху Высокого Средневековья университеты были четко ориентированы на обучение студентов, распространение знаний (в отличие от раннего Средневековья, когда ведущей была установка на накопление знаний посредством собирания книг). Инновационный для Нового времени Гумбольдтовский университет, соединив в своей деятельности преподавание и исследование, стал моделью для многих европейских и американских

высших учебных заведений в XIX–XX вв. Современный этап развития университета ориентирован на общественное служение.

Конкретная эпоха ставила университету свои задачи, в соответствии с которыми формулировалась его миссия. Каждая следующая эпоха, признавая роль университета в формировании ценностного пространства, уточняла его миссию, не отбрасывая предыдущую версию, но смещая акценты на ту новую сверхзадачу, которая наиболее полно отражала вызовы времени. Так, можно вспомнить, что Гумбольдтовский университет соединил преподавание и исследование тогда, когда производство нового знания стало необходимостью в условиях быстрого развития капитализма, а академии наук захватили ведущие позиции в интеллектуальном пространстве Европы. Именно тогда В. фон Гумбольдт инициировал сотрудничество научных и учебных заведений, приглашая ученых из Академии наук читать лекции и вести семинары в Берлинский университет.

Ту же тенденцию можно наблюдать и с актуализацией миссии общественного служения. Еще на рубеже 1990-х гг. ректор одного из ведущих американских университетов Я. Пеликан мог позволить себе написать: «Одним из самых главных недостатков университета, который в то же время оказывается, без сомнения, одной из наиболее притягательных его черт, является призрачная склонность погружаться в себя и игнорировать общество, в котором он живет и без которого не может существовать» [8, 228]. Буквально десятилетие спустя ситуация изменилась радикально для всей системы высшего образования в глобальном мире. Общество, о котором пишет Пеликан, – это не только работодатели, как сегодня достаточно поверхностно судят критики миссии общественного служения. Это и родители абитуриентов, и сами абитуриенты, в дальнейшем – студенты со своими родственниками и знакомыми, так же как и широкая общественность. Все они ставят вопрос о соответствии качества образования вызовам времени, что в современных условиях означает практическую ориентированность знаний, востребованность и конкурентноспособность выпускников университета на рынке труда.

Такая трансформация сверхзадач не позволяет считать некую «миссию» основой идентичности университета. Более того, углубление в проблематику дает понимание, что история университета состоит из кризисов, преодолевая которые, он выискивал возможности выжить посредством постоянных ценностных изменений в соответствии с вызовами времени. Очевидно, что нынешний статус университета как «опорного» в регионе отражает это неизбывное стремление быть востребованным эпохой, реагировать на вызовы современности. Если такой настрой на востребованность вызывает сомнение,

можно вспомнить, что не отреагировавший своевременно на требования эпохи средневековый цеховой университет в раннем Новом времени оказался вытесненным на периферию интеллектуальной жизни Европы. Столетия стагнации и поисков оптимальной модели развития завершились лишь с учреждением и оптимизацией работы Берлинского университета.

Возникает закономерный вопрос: если не миссия лежит в основе идентичности университета, то что позволяет судить о преемственности традиции в нем, его целостности и самоидентичности?

Представляется, что в основу идентичности университета заложен особый духовный настрой его интеллектуалов. Со времени возникновения в Европе университет – это не стены, а люди, члены университетских корпораций, которые и арендовали у муниципалитетов помещения для своих нужд. Уместно вспомнить случай, который приводят историки. В средневековой Болонье часть университетской корпорации вступила в конфликт с муниципальными властями и в знак протеста переехала в Падую. Речь не шла об основании нового университета. Прибывшие на новое место были уверены, что они – неотъемлемая часть корпораций Болонского университета [9, 32–33].

Университетские интеллектуалы способны вырабатывать соответствующий времени интеллектуальный продукт. Но не только. Они всегда генерировали ценности, подавали пример, достойный подражания, создавали определенный духовный настрой. В этом настрое изначально определились две установки, часто несовместимые, а иногда и полностью взаимоисключающие друг друга: свобода и служение.

Свобода конкретизировалась в зафиксированной в средневековых университетских статутах автономии. Она выражалась, в первую очередь, в независимости университетского интеллектуала от власти имущих. Ж. Ле Гофф отмечал: «Мэтры были склонны жить на деньги, которые платили им ученики. Принимая такое решение, они обладали преимуществом оставаться свободными по отношению к светской власти: к коммуне, князю, церкви и даже меценату» [3, 89]. Свобода – это прежде всего материальная независимость. Мэтры были городскими жителями, считали себя ремесленниками, торгуя продуктами своего труда и взимая за это плату.

Столетия спустя в Гумбольдтовском университете возведенная в принцип академическая свобода означала свободу профессоров преподавать то, что они считают нужным, а студентов – выбирать преподавателей, лекции которых они желают слушать. Такая свобода была достаточно связана с материальной (не)зависимостью. Вве-

денная должность приват-доцента активировала средневековую традицию в новых исторических обстоятельствах. Сдавший экзамен на право чтения лекций претендент редко сразу получал постоянную должность в университете, но мог предлагать и вести учебные курсы, если находились студенты, готовые это оплачивать. Самым популярным приват-доцентам в дальнейшем предлагали постоянную работу при освобождении должности профессора. В ряде университетов, особенно американских, подобная система существует и сегодня. Конечно, она представляет собой постоянный источник стресса для приват-доцента, поскольку он все время должен работать над новыми, актуальными курсами, способными привлечь студентов, но воистину является воплощением академической свободы и материальной независимости университетского интеллектуала.

Установка на свободу в университете всегда сосуществовала с противоположной тенденцией – попытками ее ограничения, даже под самыми благовидными предлогами. В Средневековье церковь настаивала на бесплатном обучении, которое считалось составной частью религиозного служения преподавателя-клирика. Выступая за доступность образования для широких слоев населения, папская курия бралась обеспечить материальное благосостояние университетских интеллектуалов посредством раздачи им церковных должностей. Процесс этот был медленным, но достаточно успешным. Постепенно преподавательские должности в университете могли занимать только те, кто был материально зависим от церкви. Пребывая на обеспечении церкви, интеллектуал вынужден был соотносить свою преподавательскую деятельность с ее рекомендациями. Таким образом, церковь получала контроль над идеями в обществе, курируя содержание курсов и способ их подачи. Это объективно вело к уменьшению академической свободы и исчезновению университетской автономии. Еще одно следствие вмешательства церкви в университетскую жизнь фиксирует В. А. Куренной: «Гарантированный положением доход... приводит к исчезновению конкуренции преподавателей за внимание студентов. В результате начинает работать “негативный отбор”, и всякая живая мысль постепенно улетучивается из стен университета» [5]. Эти тенденции и привели к формированию цехового университета, должности в котором передавались по наследству, а живая мысль была полностью вытеснена начетничеством. Историки свидетельствуют, что ни один ученый раннего Нового времени не был связан с застрявшим в Средневековье цеховым университетом.

Однако патронат церкви не был таким однозначно негативным, особенно в первое время после его утверждения. Именно в тот мо-

мент, когда университетский интеллеktуал попал под влияние церкви, возникла и получила широкое распространение установка на служение. Г. С. Батыгин отмечал, что в Средневековье людей, чья деятельность прямо связана с университетом, называли профессионалами. «Первоначальный смысл слова “профессия” заключается в открытом заявлении о принятии монашеского обета. Профессия начинается, таким образом, с ритуала, сценарий которого напоминает уход от мира в жизнь бесконечную... Профессионалы ... не работают, а служат: они отдали себя делу и ничего не просят взамен» [1, 6]. Оказавшиеся в церковной структуре университетские интеллеktуалы принимали духовный и интеллеktуальный обет, в их системе приоритетов доминирующими становились неутилитарные ценности подвижничества и высокого служения.

Академическая свобода и профессиональное служение составляют вневременное ценностное ядро профессионального настроения университетского интеллеktуала таким образом, что малейшее уменьшение их удельного веса в системе ценностных координат обуславливает алармистские настроения как в среде университетских интеллеktуалов (академической среде), так и в тех кругах, объектом внимания которых она является. Так, столетие спустя после Гумбольдтовской реформы М. Вебер упрекал университетских интеллеktуалов в поспешии этих установок и их переориентации на карьерные цели, сетовал на вымывание из университета духа высокого служения преподавательской профессии как призвания [Цит. по: 10, 5].

Сохраняя такой ценностный настрой до сего дня, академическая среда стремится к его воспроизводству посредством сложной системы посвящения в профессию после долгих лет учебы. Т. Парсонс, Н. Сторер определили этические составляющие этой системы: ответственность за хранение, передачу и использование знаний, автономия в привлечении новых членов, контроль за их профессиональным поведением, охрана от непрофессионального вмешательства и признания в дилетантской среде, контроль над вознаграждением за профессиональную деятельность [Цит. по: 1, 8]. Такого же рода ценностную направленность фиксировал и Р. Мертон, определяя составляющие научного этоса: универсализм, коммунизм, коллективизм, организованный скептицизм, незаинтересованность [6, 767–781]. Особенно интересен Мертоновский принцип незаинтересованности. Он фиксирует первичность научной любознательности и бескорыстного поиска истины. Последователь Мертона Б. Барбер отмечал, что этот принцип направлен против ученых, использующих науку как способ достижения финансового успеха или завоевания престижа вне научного сообщества [Цит. по: 7].

Обращение к социологическим исследованиям науки оправдано в той мере, в какой современный университет соединяет миссии обучения и исследования. Обозначенные социологами ценности научной/академической среды дают возможность проследить преемственность этических установок университетских интеллектуалов. Здесь очевидны ставшие традиционными установки на интеллектуальное подвижничество, преданность делу преподавания и развития научного знания, ориентированность на бескорыстное служение истине, соответствие высоким моральным стандартам.

О том, как сегодня ценностные установки университетского интеллектуала соотносятся с системой координат академической среды в целом и университета как социального института, в частности, дал четкое представление П. Бурдье. Ведя речь о символическом капитале, т.е. благах и ценностях, формирующихся в академической среде, он показал его значение в поле науки, где акторами выступают интеллектуалы, учебные и научные учреждения, а также научные издания. Символический капитал ученого определяется образованием, зафиксированным в престижном дипломе (чем престижнее университет, выдавший диплом, тем успешнее будет карьера его владельца). Соответственно, символический капитал университета является тем больше, чем большее количество успешных выпускников он дал. Сюда следует добавить, что ученые публикуются в престижных периодических изданиях, символический капитал которых зависит от количества успешных ученых среди его авторов. Такая взаимообусловленность работает на увеличение символического капитала основных игроков поля науки и удостоверяется признанием со стороны коллег [2].

Можно отметить, что особый духовный настрой университетских интеллектуалов на ставшие вневременными ценности академической свободы и профессионального служения наделяет университет способностью адекватно отвечать на вызовы времени, ориентирует на решение сверхзадач и таким образом позволяет судить о его целостности и самоидентичности, т.е. идентичности в пространстве западной культуры.

В современных условиях доминирования миссии общественного служения эти ценностные установки приобретают специфический колорит. Так, с актуализацией миссии общественного служения начали набирать популярность рейтинги университетов как инструменты их сравнения прежде всего по социально значимым параметрам. Ориентированные на целевую аудиторию (абитуриентов, работодателей, руководителей и сотрудников университетов, политиков), рейтинги отражают взаимодействие университета с рынком

труда, его связь с производством, фиксируют практический поворот в обучении студентов, уровень безработных среди выпускников, связь бакалаврских и магистерских программ с региональными компаниями и организациями, финансирование университетских проектов региональными организациями, студенческие практики в региональных компаниях и организациях, возможности студентов региона учиться на бакалаврских и магистерских программах университета [4, 244–250]. Поэтому логично, что статус «опорного» в регионе для университета – это ответ на требования современности.

Примечательно, что среди индикаторов процитированного рейтинга U-Multirank, инициированного несколько лет назад Комиссией ЕС, есть и такие, которые оценивают университет сугубо по результатам деятельности научно-педагогических кадров (количеству их научных степеней и ученых званий, исследовательских публикаций, индексам цитирования и финансовым поступлениям в университет от исследовательской деятельности [4, 246]). Фактически, эти показатели фиксируют количественные параметры актуального символического капитала университета и его интеллектуалов. А качественный срез, ценностный настрой рейтинги схватить не могут. Но символический капитал сегодня возможен, по П. Бурдье, благодаря наличию консенсуса университетских интеллектуалов о цели их научной деятельности, коллективной веры в ценностные основы, институциональных механизмов социального и образовательного отбора претендентов на должности, соответствующей подготовки отобранных кадров, контроля над доступом к исследовательским ресурсам и публикациям [2].

Сегодня университет – это такая система организации деятельности интеллектуалов, которая воспроизводит в современных условиях традиционные для них ценностные установки, определяющие университет в качестве интеллектуального и духовного ресурса в западной культуре, а также дает аксиологические основания для его дальнейшей деятельности в соответствии с вызовами времени.

Список литературы

1. *Батыгин Г. С.* Профессионалы в расколдованном мире // Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. 1994. Вып. 3. С. 6–11.
2. *Бурдье П.* Поле науки // Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 473–517.

3. *Гофф Ж.Ле.* Интеллектуалы в Средние века. СПб.: Изд-во СПбУ, 2003.
4. *Курбатов С.В.* Феномен университета в контексті часових та просторов их викликів: монографія. Суми: Університетська книга, 2014.
5. *Куренной В.* Правила Гумбольдта // Политический журнал. 2005. № 34 (85). С. 54–55.
6. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
7. *Мирская Е.З.* Роберт Мертон и его концепция социологии науки // Современная западная социология науки / Под ред. В.Ж. Келле, Е. З. Мирской. М.: Наука. С. 42–60.
8. *Пелікан Я.* Ідея Університету. К.: Дух і літера, 2009.
9. *Поляков Н.В., Савчук В.С.* Классический университет: от идей античности к идеям Болонского процесса. Днепрпетровск, Изд-во: ДНУ, 2007.
10. *Шнедельбах Г.* Университет Гумбольдта // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 1–14.

Г.Л. Тульчинский

УДК 17; 378

**От этики профессии к миссии и проблематизации университета
(заметки о возможности университетов
транслировать профессиональную этику)**

Аннотация. Университеты испытывают в наши дни мощный вызов, который связан с рядом объективных процессов развития современной цивилизации, прежде всего – цифровизации. Эти процессы ставят под вопрос возможности трансляции профессиональной этики. Более того, университетский этос становится неопределенным.

Ключевые слова: труд, университет, профессии, цифровизация, этика.

Возможности университетов транслировать этику профессии в наше время радикально сократились. И связано это с рядом объективных обстоятельств общецивилизационного характера.

Прежде всего, как уже неоднократно отмечалось, в том числе, и на страницах журнала «Ведомости прикладной этики», в нынешней ситуации пластичности профессий университету все больше приходится учить учиться. И в этом случае на первый план выходит не столько этика профессии, сколько этика обучения, т.е. нравственная культура самого университета.

Однако, во-вторых, сам университет испытывает вызовы – не столько содержанию и качеству образования, сколько уже своему существованию. Так, широкое распространение получили и продолжают получать электронные курсы на платформе Coursera и других ресурсах. Эти курсы предлагаются как другими университетами, так и коммерческими бизнес-центрами коучинга, тренинга и т.п. В любом уважающем себя университете всячески стимулируется разработка и запись таких электронных курсов, которые предлагаются отечественному и мировому образовательному рынку, что приводит к перенасыщению этого рынка – во-первых. А во-вторых, – к неизбежной дилемме студента-потребителя: то ли выбрать курс высокого качества (а это дорого), то ли выбрать курс, доступный по цене. В первом случае возникает перспектива вымывания контрафакта и монополизация. Во втором – тренд к девальвации образования (к чему мы еще вернемся).

Но в любом случае не за горами встанет вопрос: а вправе ли университет давать диплом, перезачтя курсы других университетов, прохождение которых удостоверяют сертификаты, полученные сту-

дентом? Да и реального работодателя интересует не столько диплом, сколько приобретенные студентом навыки.

В перспективе складывается ситуация горизонтальной сети компетенций, которые может приобретать студент. Наверное, останутся такие университеты, дипломы которых будут высоко котироваться на рынке труда, и за выпускников которых будут конкурировать работодатели. Но ясно с очевидностью, что такие университеты составят эксклюзивный пул. Подавляющее большинство университетов будет выступать только площадками реализации образовательных проектов и программ, разработанных другими. В лучшем случае – в качестве особой конфигурации из этих проектов и программ.

Получается, что университет может только воспроизводить собственный этос (профессорский и студенческий, а они – разные), и давать прививки научного этоса – через магистратуру и аспирантуру (но это во многом и есть профессорско-кафедральный этос).

Однако главное – даже не отмеченные выше тренды, а общий тренд цифровизации, которая меняет не только отдельные технологии, но и весь уклад жизни, включая структуру занятости. Так, австрийская сталелитейная компания Voestalpine AG недавно инвестировала €100 млн. в новый завод по выпуску стальной проволоки с объемом производства в 500 тыс. тонн в год. Это производство будут обеспечивать 14 работников, тогда как на прежнем производстве той же компании с таким же объемом выпуска, построенном в 1960-е, было занято около 1000 рабочих. Некоторые компании (Phillips, Fa-nuc) уже оперируют производствами с нулевой рабочей силой. Общий тренд очевиден: на некоторых предприятиях, а потом, возможно, и в целых отраслях доля трудовых доходов будет снижаться еще более стремительно, чем она снижалась два последних десятилетия. Речь идет не только о промышленных рабочих (у которых нет не только будущего – у них уже во многом нет и настоящего), но и об инженерно-технических работниках, о «креативном классе».

Еще недавно обсуждался «парадокс М. Поланьи», согласно которому масса человеческой деятельности плохо описывается с помощью алгоритмов (визуальное и слуховое распознавание, телесные навыки вроде езды на велосипеде, машине, умение сделать прическу и т. п.). Такие виды деятельности требуют «простых» для человека навыков, которые сложны для традиционного искусственного интеллекта XX века. Точнее были сложны. Действительно, восемь из самых быстрорастущих последние несколько лет профессий в США это низкооплачиваемый, плохо алгоритмизируемый «ручной» труд (сиделки, няни, официанты, повара, уборщики, водители-дальнобойщики и т.п.). Но сейчас роботизация на основе машинного обучения

справляется с неразрешимыми ранее задачами, основа которых – визуальное и слуховое распознавание, сложная моторика. Поэтому падение доли труда, судя по всему, продолжится и в этих сферах.

Но цифровая экономика мало помогает и «креативному» классу. Владелец Alibaba Джек Ма на форуме «Открытые инновации» в Сколково заметил, что люди уже проигрывают искусственному интеллекту не только в скорости, но и в объеме операций. Нейросети уже могут в указанном стиле и картину написать, и музыку сочинить. А некоторые «свободные» и «креативные» профессии – журналисты, нотариусы, юристы, программисты уже отчетливо чувствуют «дыхание в затылок». Человечество, пережившее перекачку занятости из первичной (по А.Тоффлеру [2, 3]) сферы (собираательства, сельского хозяйства, добычи ископаемых) во вторичную (обработка), а оттуда в третичную (сервисную), в настоящее время все более выдавливается в четвертичную сферу деятельности: благотворительность, социальная помощь, организация досуга, спорт. Автоматизация и роботизация возможны и тут, но эти виды деятельности жестче привязаны человеческому существованию, особенно – его телесным практикам.

Та же Alibaba, как и Uber убедительно демонстрируют механизм вымывания конкурентов и занятых в ситуации цифровой монополии. И это еще один показатель того, что в перспективе не просто традиционная занятость, а в целом доходы от труда, заработной платы специалиста, будут стремиться к нулю. Тогда как доходы от капитала, собственности будут приближаться к 100% [1]. А это означает вымывание среднего класса, расслоение и рост неравенства, что подтверждается уже в наше время.

Какова роль образования в этой ситуации? Чему можно и нужно учиться? Американский Pew Research Center в мае этого года опубликовал доклад «The Future of Jobs and Jobs Training» по итогам опроса 1408 профессионалов в сфере ИТ, экономистов, инновационных бизнесов [5]. Итоги довольно однозначны: ценность образования и отдача от человеческого труда – это взаимосвязанные процессы. Поэтому ценность образования будет девальвироваться точно так же, как и ценность человеческого труда. Если человек будет уступать во всем искусственному интеллекту, то и его образование перестанет представлять особую ценность [4].

В упомянутом докладе отмечается, что, согласно худшему сценарию, уже в нынешнем столетии ожидается глобальная безработица в 50% трудоспособного населения Земли. И тут не поможет система непрерывного обучения – это уже будет задачей масштабного соцобеспечения типа универсального безусловного дохода. И только после этого ставится следующий вопрос: чем занять досуг этой мас-

сы людей? Вопрос не в том, чтобы подготовить людей к работе, которой не будет, а в том, чтобы распределить богатство в мире, в котором работа станет ненужной, и занять свободное время. Если доход от труда будет исчезать, вытесняемый доходом от капитала, в конечном счете – от владения роботами и искусственным интеллектом, то главная проблема – судьба тех, у кого не будет капитала. И тогда все будет зависеть от этики владельцев капитала, у которых он окажется в избытке. То ли нас ожидает вариация на тему «научного коммунизма» – при гиперразвитых производительных силах супернеравенство само себя нивелирует. То ли налоговое перераспределение доходов обеспечит всеобщий безусловный доход. То ли сегрегация и социальные гетто, представленные в новомодных киноантиутопиях.

А это уже другая прикладная этика, и другой масштаб ее тем и проблем.

Список литературы

1. *Зотин А.* Рабовладельческий строй. // <https://www.kommersant.ru/doc/3455179> (дата посещения 08.12.2017).
2. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2010.
3. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М.: АСТ, 2008.
4. *Bostrom N.* Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford: Oxford University Press, 2014.
5. The Future of Jobs and Jobs Training // <http://www.pewinternet.org/2017/05/03/the-future-of-jobs-and-jobs-training/> (дата посещения 08.12.2017).

А.А. Гусейнов

УДК 171.0

**Этика Троцкого, или о важнейшем моральном уроке
Октябрьской революции
и советского социального эксперимента**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об оправданности насилия во благо. Показано, что если это невозможно применительно к таким высоким и несомненно гуманистическим целям, как цели Октябрьской революции, то это невозможно вообще. Основные аргументы, связанные с моральным оправданием насилия в революционной борьбе, анализируются на примере статьи Л.Д.Троцкого «Их мораль и наша».

Ключевые слова. мораль, насилие, цель и средства, Троцкий, политика, этика.

«Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело идет о том, чтобы *изменить* его» [4, 4], – так Карл Маркс сформулировал девиз получившей его имя новой философии и основной пафос грядущих исторических изменений. Величайшим историческим действием в духе этого замысла стала Великая Октябрьская революция 1917 года в России. Она поставила своей целью не на словах, не в мечтах и идеалах, а на деле покончить с экономическим угнетением, социальной и национальной рознью, общественным паразитизмом и всей прочей мерзостью классово-антагонистических обществ, чтобы на их месте учредить такую человеческую ассоциацию, в которой управление людьми будет заменено управлением вещами и, как было сказано в «Манифесте коммунистической партии», свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех. Предполагалось и открыто декларировалось, что в грядущем обществе не будет места насилию и что вся борьба затевается для того, чтобы покончить с насилием в его корне, в порождающих ее основаниях социального неравенства. Однако делалась оговорка, согласно которой сам переход от старого к новому не может быть осуществлен без использования насилия, без учреждения власти народа, основанной на насилиии. В данном случае действовала логика, которая является и сегодня господствующей в общественном сознании и гуманитарном знании: насилие само по себе есть нечто плохое, зло, но в определенных случаях и целях оно нравственно оправдано, а именно тогда, когда оно осуществляется во благо ближнего, практикуется во имя социальной справедливости, для того чтобы предот-

вратить большее насилие ради безопасности, имеет легитимную форму и т.д. Что речь идет об одной и той же логике, доказывает такой пример: одним из важных аргументов В.И.Ленина в пользу революционного насилия было обоснование идеи справедливой войны – идеи, которая и сегодня признается общественным мнением этически оправданной, даже достойной, формой общественного действия; споры идут только о том, какую войну считать справедливой, а какую нет.

Учрежденный в результате Октября общественный строй, принявший форму советского социалистического государства, просуществовал 73 года. Среди основных аргументов, адресуемых в адрес того строя и государства его критиками, и можно заключить, что одной из основных причин краха является их репрессивный характер, чрезмерность насилия. Если говорить о возможности исторически продуктивного и, самое главное, нравственно оправданного применения насилия, о насилии во благо, то советский опыт можно считать грандиозным социальным экспериментом, осуществленным на таком пределе, что он имеет несомненную доказательную силу. Здесь цели были настолько высокими и безусловно гуманистическими, если вообще существуют цели, ради которых стоило бы идти на насилие, то они были безусловно такими. И если даже в этом случае насилие не изменило своей природы абсолютного зла, если даже столь благородные цели не смогли укротить ее разрушительную энергию, то не является ли это доказательством ложности самой идеи о возможности насилия во благо?! В этом, на мой взгляд, заключается важнейший моральный урок Октября.

Предлагаемый ниже (слегка сокращенный) полемический текст сопровождал публикацию статьи Л.Троцкого «Их мораль и наша», в которой он защищает тезис об оправданности революционного насилия (впервые она была опубликована у нас в стране в ж. «Вопросы философии» (1990, № 5) вместе с моим комментарием под названием «Мораль и насилие». В ежегоднике «Этическая мысль. 1991», наряду со статьей Троцкого, публиковались отклики на нее Дж. Дьюи и Ж.-П.Сартра, впервые переведенные на русский язык).

Жестокости гражданской войны, репрессии 30-х годов, вообще насильственный характер социалистической революции в России породили острые дискуссии по вопросу о соотношении цели и средств и – более широко – о роли морали в истории. Активным участником этих дискуссий был Л.Д. Троцкий, продемонстрировавший в теории такую же доктринальность и последовательность, которыми была

отмечена его практическая революционная деятельность. Взгляды Троцкого на проблемы этики получили цельное выражение в его статье «Их мораль и наша».

Эта статья, написанная и опубликованная в 1938 г. в журнале «Бюллетень оппозиции», имеет конкретный повод, связанный с перипетиями политической борьбы автора. После московских процессов 30-х годов многие представители демократической общественности Запада стали склоняться к мысли, что жестокий террор, неразборчивость в средствах, практиковавшаяся большевиками в период гражданской войны, были для них не ситуативной мерой, а принципиальной позицией, что троцкизм так же аморален, как и сталинизм. Троцкий был оскорблен этим отождествлением своей деятельности с репрессивной практикой Сталина и отверг его с такой бешеной страстью, которую только и могут породить правдоподобные обвинения. Но гнев не затмил логической ясности его ума. Защиту собственных убеждений Троцкий поднял на уровень теоретического обоснования и оправдания классово-концепции морали, в силу чего его статья приобрела значение, далеко выходящее за рамки непосредственного повода написания.

Эта небольшая работа Троцкого стала заметным явлением в западной социально-философской литературе, стимулировала острое обсуждение проблем морали и революции, цели и средств. На нее сразу же откликнулся Джон Дьюи, а впоследствии – Ж.-П. Сартр, другие авторы. Материалы этой дискуссии до настоящего времени находятся в научном обороте [6], а сама статья рассматривается как аутентичное изложение марксистской этики [7]. Было бы, однако, неверно думать, будто этика Троцкого принадлежит только западной идейной традиции. Она имеет также прямое отношение к нашей культуре и истории в той части, в какой они были пронизаны духом классово-непримиримости, руководствовались девизами типа: «Если враг не сдается, его уничтожают», «Кто не с нами, тот против нас».

Теоретическая и нормативная суть статьи Троцкого точно передается ее названием: «Их мораль и наша». Нельзя применять одинаковые моральные категории к действиям революционеров и реакционеров: к «нам» и к «ним»; «нам» дозволено делать то, что категорически запрещено «им»: «мы» убиваем – хорошо, «они» убивают – плохо. Граница, отделяющая добро от зла, совпадает с линиями, разделяющими современное общество на противоборствующие классы. Этика смыкается с политикой.

Как же аргументирует Троцкий свою позицию, какая духовная традиция и жизненная логика подводит его к ней?

О вечной морали

В цепи рассуждений Троцкого исходным и с философской точки зрения решающим является утверждение, согласно которому идеи вечной морали, общеобязательных моральных норм не могут получить объяснения в рамках материалистического понимания истории. «Без бога, – говорит он, – теория вечной морали никак обойтись не может» [6, 214]. В утверждении Троцкого есть своя логика и убедительность: человек, будучи существом конечным, относительным, не может (ни в познавательном плане, ни в креативном) стать источником вечного и абсолютного. Но и согласившись, что никому еще не удалось найти объективного аналога, «вещества» моральных абсолютов, что постулат вечной морали неизбежно уводит исследователя в небеса идеализма и религии или, в лучшем случае, склоняет в сторону «натуральной теологии», нельзя признать обоснованным следующий за этим вывод о ложности идеи вечной морали.

Представления о вечной, и даже еще уже, единой морали нельзя, по мысли Троцкого, принимать за чистую монету. Они являются иллюзией, переходящей в сознательный обман.

В гносеологическом аспекте они отражают лишь факт принадлежности индивида обществу, его изначальной и нерасторжимой связанности с другими людьми. Здесь уже намечается объяснение, которое, по крайней мере, можно было бы принять за гипотезу. Человеческий индивид связан с другими людьми, и не просто стадной, пуповинной связью, а связью общественной, то есть он становится собой, обретает свою индивидуальную идентичность в качестве родового, общественного существа, в рамках и на основе исторически развивающегося обмена деятельностью. Мораль выражает именно эту общественную форму человеческого бытия, и она – мораль – в пределах человеческого существования и для человека как практически действующего существа является безусловной, абсолютной, вечной. Однако такое объяснение не удовлетворяет Троцкого, ибо мораль в этом случае оказывается пустой «оболочкой», формой без содержания, не заключает «в себе ровно ничего категорического, ибо ничего конкретного». То, что она является формой без содержания, или, говоря точнее, то, что единственным ее содержанием является форма – всеобщность как признак нравственного качества максимы поведения, признание самоценности человеческого сообщества в лице каждого индивида, то, что она неконкретна, не может быть единственным и достаточным мотивом человеческого действия, не исчерпывает его содержания, что, наконец, она не может реализоваться наподобие других правил и целей, – все это как раз и выра-

жает специфику морали. Мораль потому и абсолютна, что не может завершиться ни в каком относительном состоянии, потому и формальна, что является условием возможности всего многообразия материальных (содержательных) целей, потому и категорична, что не суммируется из условных норм поведения, сколь бы полным их набор ни был. Она действительно всего лишь «оболочка», но такая, которая обволакивает всех, стягивая их к единому человеческому основанию. И конечно, для человека, надевшего маузер, чтобы вполне категорично и конкретно убить другого, как и для группы, которая пошла стеной на другую группу, единая (вечная) мораль оказывается чужеродным явлением. Но это и значит, что она предназначена для другого, для со-единения, а не для разъ-единения.

Словом, Троцкий, как нам представляется, очень близко подошел к истине, но не увидел или, точнее сказать, проигнорировал ее. Такое случается тогда, когда ищешь что-то другое. Чего же искал Троцкий? По его мнению, человеческое сознание и поведение могут быть поняты только как классово обусловленные. В вечных нормах морали он тоже усматривает скрытую, но тем более опасную классовую корысть. Буржуазия, по его мнению, моральными абстракциями лишь прикрывает эксплуататорскую сущность конкретных норм своего катехизиса. «Апелляция к абстрактным нормам является не бескорыстной философской ошибкой, а необходимым элементом в механизме классового общества» [6, 219]. Классовое лицемерие, как и лицемерие индивидуальное, – вещь вполне реальная, и оно нередко облекалось и облекается в моральную фразеологию. В этом Троцкий прав. Его гнев по отношению к морализующей идеологии не имеет, может быть, в марксистской традиции столь же сильных последователей, но зато имеет еще более ярких предшественников. Карл Маркс – в их числе. Прав он и в том, что в мрачные эпохи моралисты, «пересказывая своими словами Нагорную проповедь», обращаются «не столько к торжествующей реакции, сколько к гонимым ею революционерам». Но разве это единственные формы бытия абстрактных моральных принципов, реальной социологии морали? Разве мораль, та же Нагорная проповедь, не становилась идейным знаменем угнетенных? Разве нормы личной морали не обретали высокую степень конкретности и действенности в индивидуальном опыте подвижников духа, которых, правда, в человеческой массе всегда было мало, но никак не меньше, чем орлов среди птиц? Разве в периоды роста благосостояния цивилизованных наций, как признает сам Троцкий, не устанавливались «в социальных отношениях, наряду с нормами демократии и привычками социального мира, некоторые элементарные правила морали»? Разве все общественные компро-

миссы, ненасильственные формы разрешения межчеловеческих конфликтов не свидетельствуют об эффективности морали? Словом, социологическая «онтология» морали весьма разнообразна. И если Троцкий из нее вырывает только ее превращенные, фальшивые формы, то это только потому, что он подходит к вопросу крайне односторонне и предвзято. Он видит то, что только и может увидеть человек, для которого «мораль есть лишь одна из идеологических функций» классово-борьбы.

В этике Троцкого есть одно не осознаваемое автором противоречие: в ней мораль критикуется с моральной же точки зрения. Троцкий выдвигает против идеи вечной морали тот решающий аргумент, что она лицемерна, фактически прикрывает и оправдывает угнетение, оказывается препятствием на пути к обществу, в котором «человек становится целью для другого человека». «Угнетение осуждается. Каким же образом, если не от имени гуманистической морали?» [2, 253] – можно спросить вслед за Ж.-П.Сартром. Выступая против угнетения, Троцкий занимает моральную позицию, притом такую, с которой согласится любой из столь ненавистных ему моралистов; а выступая против угнетения категорически, отвергая его абсолютно, он обнаруживает себя сторонником безусловной, абсолютной морали. Более того, все претензии Троцкого к абсолютным моральным нормам, по сути дела, сводятся к тому, что они недостаточно моральны и абсолютны.

В основе мировоззрения Троцкого, как и любого марксиста, лежит убеждение, что угнетение человека человеком есть зло. На этой этической аксиоме держится вся логика его рассуждений, на ней же основана вся критика традиционного морализирования и апология большевистского «аморализма». Не приходится доказывать: утверждение, считающее угнетение злом, содержит ту же самую мысль, которая заложена в абстрактных принципах морали, наподобие категорического императива Канта. Только выражена она на эмпирическом языке – языке социологии. Правда, это различие очень существенно, ибо тем самым мораль как бы смещается из конца в начало, берется не в качестве масштаба оценки, задним числом квалифицирующей поступки, а в качестве исходной и самоочевидной основы деятельности. Морали задается совершенно иная мера обязательности. К этой стороне вопроса мы еще вернемся позже, а пока заметим: идея гуманизма, сформулированная как борьба против угнетения, вполне понятна как определенная жизненная позиция. Но как только она обобщается до уровня безусловной истины, то неизбежно возникают все те гносеологические трудности, которые сопряжены с обоснованием гуманизма в форме абстрактных принципов.

Троцкий решительно отвергает сверхклассовую, надклассовую нравственность. Однако как только он отдает предпочтение позиции одного класса (угнетенных) перед позицией другого класса (угнетателей), он фактически становится на точку зрения надклассовой морали, ибо у него нет иных оснований для такого предпочтения, кроме нравственных. Само понятие угнетения – не просто описание фактического положения дел, но и однозначно негативная его оценка. Оно вторично по отношению к некоей ценностной структуре. Если оно и является результатом исторического исследования, то такого, которое заранее включено в определенную моральную перспективу. Приходится признать: Троцкому не удастся вырваться из объятий вечной морали. Ему не удастся свести мораль к земным корням, к историческим фактам, ибо при более тщательном рассмотрении обнаруживается, что факты, из которых выводится мораль, сами имеют моральную природу. Троцкий считал мораль идеологической функцией классовой борьбы, на самом деле классовая борьба в его понимании выступает как одна из практических функций морали.

Оправдывают ли цели средства?

Если признание вечной морали, как полагает Троцкий, вписано в систему духовного угнетения масс, то к чему ведет ее отрицание? Какая историческая реальность открывается, когда будет отброшена эта «фальшивая» оболочка? Последуем за логикой Троцкого.

Критерии моральности, считает он, находятся вне морали, они изменчивы и совпадают с конкретными общественными интересами и задачами. Историческая цель – вот что определяет меру нравственности человеческих действий, допустимости или недопустимости тех или иных средств, конкретных форм и методов борьбы. Троцкий настолько убежденно и последовательно следует логике социально-исторического утилитаризма, что полностью принимает иезуитский принцип, согласно которому цель оправдывает средства. Он не видит в нем ничего безнравственного, «иезуитского». Средства, полагает Троцкий, автономны, они независимы от цели до такой степени, что одни и те же средства могут применяться для разных целей. Пулей можно убить бешеную собаку, чтобы спасти ребенка, и ею же можно убить человека, чтобы совершить ограбление. Захват заложников практикуется как реакционными армиями, так и – при определенных условиях – революционерами. Все зависит от целей. Они могут все оправдать, превратить черное в белое. И они же могут все дискредитировать, превратить белое в черное (вспомним, что, по мнению Троцкого, самая возвышенная моральная проповедь становится низкой ложью, поскольку она служит реакционным целям).

Но как отличить одни цели от других? И это самый основной, решающий вопрос, а одновременно и самый слабый пункт социально-классового утилитаризма. Троцкий, как человек с острым теоретическим умом, не может обойти его, он понимает, что «цель, в свою очередь, должна быть оправдана». Он, надо заметить, не ломает голову над этим вопросом. Ему здесь все ясно, как и тому кафру, который точно знает, для кого предназначена его стрела: «наши» цели хороши, «их» цели плохи. Правда, Троцкий не может удержаться на этой ясной, хотя и варварской, позиции. Что-то ему мешает – не та ли общечеловеческая мораль, которую он отбрасывает с таким сарказмом? Он признает, что «не все средства позволены». Он не может своей ручкой вывести общую формулу, санкционирующую «ложь, подлог, предательство, убийство», хотя и не говорит, что эти средства сами по себе абсолютно неприемлемы с нравственной точки зрения. Троцкий не выдерживает тяжести теоретического аморализма и отступает, впадая при этом в тавтологию и столь ненавистное ему абстрактное пустословие. Для таких средств, как ложь и насилие, он делает туманную оговорку, что они допустимы «при известных условиях». Вопрос же о том, что это за «известные условия», остается без ответа. Оказавшись перед неразрешимой задачей найти критерий критерия, он пишет: «Цель оправданна, если она ведет к повышению власти человека над природой и к уничтожению власти человека над человеком». Но как узнать, ведет цель к этому или нет? Продолжим цитату: «Значит, для достижения этой цели все позволено? – саркастически спросит филистер, обнаружив, что он ничего не понял. «Позволено все то, – ответим мы, – что действительно ведет к освобождению человечества» [6, 239]. Но ведь вся проблема, вся трудность, перед которой оказался Троцкий, как и всякий рассуждающий на эту тему теоретик, в том и заключается, чтобы установить, какие цели действительно ведут туда, куда надо, а какие, наоборот, уводят. И напрасно Троцкий сердится на дотошность филистера. У того здесь прямой интерес, он хочет знать, на каком это таком основании Троцкий и его революционные единомышленники присваивают себе право распоряжаться чужими жизнями и при случае пустить пулю в его «филистерский» лоб. Не страдай Троцкий идиосинкразией по отношению к этической терминологии, он вполне мог бы сказать: цель оправдывает средства, если она сама является моральной. Но это была бы уже не просто логическая ошибка (круг) в рассуждении, а еще открытая капитуляция перед «вечной моралью», вот тогда-то «филистер» мог бы на законном основании сказать: «Вы же стоите за моральные цели, а мораль учит любить ближнего, не убивать его». Нет, Троцкий, который водит дружбу с наукой и истори-

ческой необходимостью, не хочет попадать в зависимость ни от «вечной морали», ни от филистера. Он предпочитает диалектически-резиновые формулы, которые позволяют ему сохранить какое-то приличие как теоретика и в то же время не связывают ему руки как революционеру.

Логику предметной целеполагающей деятельности человека, где цель действительно оправдывает средства, нельзя переносить на мораль. Мораль если и является целью, то особого рода – высшей, последней целью, «целью целей», по выражению Аристотеля. В отличие от всех прочих целей, она не может быть низведена до уровня средств; превращенная в средство, она теряет свое моральное качество. Это – абсолютная точка отсчета всех других целей, некое условие их возможности. Мораль является ценностью, ценностью безусловной. Ее особенность состоит в том, что она никогда не может быть осуществлена, исчерпана, завершена, и в то же время она наличествует в каждом нравственном акте.

Троцкий, с одной стороны, понимает особое место морали в жизни человека и общества. Поставив вопрос об оправдании самих целей, он приходит к выводу, что такое оправдание обеспечивается соотносительностью с задачей освобождения человечества. Освобождение человечества, следовательно, является для него последней и высшей инстанцией, то есть тем, что можно было бы назвать моральной целью. Однако, с другой стороны, он не учитывает ее особой природы, коренного отличия от прочих целей. Он рассматривает ее как конкретную, реализуемую во времени задачу, которая может оправдать и списать все издержки по ее осуществлению.

Рассмотрим этот вопрос чуть подробнее. Допустим, человек решил построить дом. Эта цель строго определяет совокупность действий (средств) для ее достижения, многие из которых сами по себе являются неудобными, неприятными (замусоренность территории, напряженный ритм работы и т.д.). Но как только дом построен, он делает жизнь человека более удобной, комфортабельной, а все неудобства остаются позади и забываются. Цель в данном случае полностью оправдывает средства. Это – естественная логика человека: он идет на определенные временные издержки в надежде и уверенности компенсировать их большим благом, которое нельзя достичь иначе, как через эти издержки. И если бы мораль была таким реальным состоянием, которое можно достичь наподобие того, как человек строит дом, то, видимо, можно было бы оправдать и все необходимые для этого аморальные средства. Но в том-то и дело, что мораль таким состоянием не является, она недостижима и потому функционирует в качестве идеала, а не цели в обычном смысле

слова. (Оставим в стороне вопрос о том, реализуема ли мораль вообще, в принципе или это так же невозможно, как невозможно проникнуть в бесконечность космоса. Достаточно сказать, что даже если она нереализуема в обозримом будущем, для данных человеческих поколений, то она уже участвует в жизни в качестве идеала, регулятивного принципа, а не конкретной программы деятельности.) И аморальные средства (ложь, убийство, подлость и т.д.) – не обычные средства, которые снимаются (оправдываются) благой целью, как удобный для проживания дом снимает (оправдывает) сопряженные с его строительством неудобства. Их отрицательный заряд неустрашим; зло, как, впрочем, и добро, раз совершенное, остается в истории вечно.

Троцкий не только не учитывает особый характер моральных целей, но он, как пронизательно заметил Джон Дьюи, вообще отступает от принципа взаимозависимости целей и средств. Отступает тогда, когда рассматривает высшую для него цель освобождения человечества как закон истории и неизбежное следствие классовой борьбы. Соотнесенность средств с целями предполагает, что мы имеем определенную цель и, руководствуясь ею, подбираем средства, исследуя каждый раз действительно ли они ведут к данной цели или нет. Здесь, разумеется, возможны ошибки, не все можно рассчитать. Однако важен принцип: цель управляет выбором средств. Но если цель рассматривается как закон, однозначный результат определенных действий, то она уже не может быть направляющим началом по отношению к этим действиям. Если классовая борьба ведет к цели освобождения человечества, значит, она сама уже не может быть предметом критического анализа и практического выбора под углом зрения этой цели. Скорее наоборот: сама ориентация на цель (решение вопроса о том, действительно ли речь идет об освобождении человечества) определяется приверженностью классовой борьбе. Цель уже не руководит выбором средств, наоборот, она оказывается вторичной по отношению к ним: «Избранная цель – зримая цель – освобождения человечества, таким образом, подчинена классовой борьбе как средству, с помощью которого она достигается» [1, 248] (Дж.Дьюи). Классовая борьба абсолютизируется и выводится из-под моральной критики. Она интерпретируется так, как если бы полностью содержала в себе собственные критерии и санкции, как если бы она сама была избранной целью.

Возникает вопрос: возможно ли гуманистическое прочтение формулы о соотношении целей и средств? Как должна быть уточнена, конкретизирована эта формула применительно к моральной сфере? На наш взгляд, самым существенным в данном случае является

единство целей и средств. Речь может идти о единстве двоякого рода: содержательном и субъектном.

Содержательное единство предполагает, что сознательно прокламируемое нравственное качество целей обязательно наличествует в применяемых для их реализации средствах. Более того, именно средства, выявляют действительный, а не прокламируемый смысл целей. Во всяком случае, в утверждении, согласно которому средства оправдывают цель, значительно больше теоретических гарантий практического гуманизма, чем в противоположном тезисе: цель оправдывает средства. И опять приходится с удивлением констатировать, что Троцкий не только близко подошел к правильному пониманию вопроса, но и дал точную его формулу: «Надо сеять пшеничное зерно, чтобы получить пшеничный колос» [6, 240]. Вот именно! Из арбузного семени, а тем более из камушка, пшеницу не вырастишь. Но как же тогда понять следующее утверждение Троцкого: «Общество без социальных противоречий будет, разумеется, обществом без лжи и насилия. Однако проложить к нему мост нельзя иначе, как революционными, то есть насильственными, средствами» [6, 230]. Странная логика: пшеницу можно получить только из пшеничного зерна, а общество без насилия можно построить только... насильственными средствами. Каким же надо быть зашоренным, как же сильно надо отдаться во власть классовых страстей, чтобы в одной маленькой статье допускать такие очевидные противоречия! Требования политических интересов сильнее правил логики – эта истина давно известна. Но оказывается, что даже тогда, когда политик выступает в роли теоретика и перед ним не поле гражданской войны, а всего лишь чистый лист бумаги, для него своеобразие страстей оказывается более сильным мотивом, чем строгая дисциплина мысли. Это доказывает лишь, что этическая теория Троцкого в психологическом аспекте является очень искренним, честным человеческим документом, а в содержательном аспекте представляет собой простую рефлексию практики классовой борьбы.

Субъектное единство целей и средств состоит в том, что они не должны расходиться так сильно, чтобы носителями целей выступали одни индивиды и человеческие поколения, а носителями средств – другие.

Только тогда, когда цели и средства заключены в одно и то же человеческое пространство и время, когда одни и те же люди, выступая в роли средств, являются одновременно и целями, можно говорить о гуманистической мере их соотношения, что, между прочим, и подразумевается второй формулировкой кантовского категорического императива («поступай так, чтобы ты всегда относился к челове-

честву и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [2, 270]).

Троцкий не дает определенного ответа на сформулированный им же самим вопрос, как оправдать сами цели. Он полагает, что его следует решать в каждом случае конкретно, и делает вывод, который в его этике несет основную концептуальную нагрузку: «Вопросы революционной морали сливаются с вопросами революционной стратегии и тактики». В философской полемике вокруг статьи Троцкого основное внимание было обращено на проблему соотношения целей и средств. Но странным образом остались в стороне органически с этим связанные и теоретически очень важные вопросы о соотношении морали и политики.

Мораль и политическая целесообразность

Статья Троцкого (и этим она отличается от марксистских текстов XIX – начала XX в.) – не прогноз, не проект, а в известной мере уже подведение итогов. Она имеет дело с коммунистическим движением, которое уже прошло значительную часть пути от захвата власти через гражданскую войну до утверждения своей единоличной диктатуры, и которое в ходе этого невероятно жестокого пути отбросило романтическое благодушие, моральные иллюзии первоначального этапа. Пролетарская правда в ходе истории так органично и глубоко переплелась с насилием, что теоретическое обоснование первой требовало этического оправдания второго. Взвываясь быть глашатаем революционной морали в конце 30-х годов нашего столетия, Троцкий был вынужден включить в позитивный контекст этических суждений такие явления, как институт заложников, террор, убийства. И он это сделал. Сознывая всю сомнительность данного комплимента, следует сказать, что он в теории, как и в жизни, прошел раз избранный путь последовательно, до конца, до этической апологии практического аморализма. Его обвиняют в приверженности иезуитскому принципу: цель оправдывает средства. Он отвечает, что иезуиты – воины Христовой идеи, в то время как представители мирной церковной иерархии были всего лишь ее лавочниками. Его обвиняют в том, что он исповедует мораль кафров. В ответ он раздражается панегириком в адрес этой морали и говорит, что они, кафры, в нравственном отношении стояли намного выше, чем развратившие их европейские миссионеры. На него взваливают вину за институт заложников в период гражданской войны. Он с гордостью принимает ответственность за эту «необходимую меру в борьбе против угнетателей» и находит для своих обвинителей крайне обидные слова.

Как пишет Троцкий в статье «Моралисты и сикофанты против марксизма» (написанной в июне 1939 г. как ответ на намеки и замечания, содержащиеся в анонимном предисловии к французскому переводу статьи «Их мораль и наша»), его критики часто совершают ту ошибку, что в вопросах этики взваливают на Ленина ответственность за его слова, а на него – ответственность за ленинские действия. Пусть судят историки, насколько он прав в этом утверждении. Но одно несомненно: сверхзадача, подлинный пафос этической теории Троцкого состоит в том, чтобы взять на себя все грехи революционной практики. И достигается это за счет того, что отождествление морали с политической стратегией и тактикой, о котором мы говорили как о центральном пункте этики Троцкого, понимается им прямо, буквально. До такой степени прямо и буквально, что политика делает ненужной этику, «освобождает» себя от нее. Допустим, стратегия и тактика борьбы требуют убийства, подлога и других средств, которые вызывают гнев моралистов, – значит, надо идти на это. Троцкий никак не хочет быть связанным суждениями моралистов, этих «карманных воришек истории», которые потому только и тяготеют к центру, соглашательству, моральной середине, что не способны подняться до «внушительных преступлений». Он пишет: «Цель (демократия или социализм) оправдывает, при известных условиях (при каких условиях? кто их определяет? – А.Г.), такие средства, как насилие и убийство. О лжи нечего уже и говорить!». Возьмем другой пример. Пролетарская революционная стратегия и тактика намертво завязаны на боевую сплоченную партию. Из этого вытекает, что для большевика партия – все, «у революционного марксиста не может быть противоречия между личной моралью и интересами партии, ибо партия охватывает в его сознании самые высокие задачи и цели человечества» [6, 230, 236].

Отвлекаясь в сторону, остановимся чуть подробнее на положении о том, что у «революционного марксиста не может быть противоречия между личной моралью и интересами партии». Оно сыграло очень важную, даже роковую, роль в политических нравах советского общества и очень многое в них объясняет. Когда оказавшиеся в меньшинстве и проигравшие оппозиционеры (например, Бухарин и его сторонники) «признавались» в невероятных преступлениях, которых они даже не могли совершить физически, они руководствовались и обманывали себя убеждением, что делают они это ради партии. А среди тех, кто осуждал и травил их, были люди, которые являлись заложниками того же самого софизма и рассуждали приблизительно так: «Бухарин, конечно, прав, но поддерживать его сейчас – значит выступить против партии, ее единства». А выступать против

партии для большевика было таким же святотатством, как для верующего выступить против бога. Словом, и палачи, и жертвы действовали в одной и той же системе ценностных координат и в этом смысле хорошо понимали друг друга. Было бы неверно думать, будто мироотношение, позволявшее видеть в партии «ум, честь и совесть нашей эпохи» [3, 93], сыграло исключительно и даже по преимуществу нравственно разрушительную роль. Оно же было возвышающей силой – в значительной мере позволило стянуть миллионы волей в единую волю, помогло простым людям собраться воедино и обусловило героический, самоотверженный дух времени. Правда, и этот героизм во многом обернулся трагедией, ибо чистота моральных помыслов оказалась связанной с ложными целями.

Желание человека выйти за узкие рамки личного благополучия и подчинить свою жизнь чему-то высокому понятно. Также понятно его стремление видеть это высокое воплощенным в конкретных, зримых целях. Но как соединить одно с другим, как от идеалов перейти к практическим целям, не растеряв моральное величие первых? Как не обмануться в целях, не спутать высокое с низким? Если говорить о нашем конкретном примере, где переход от идеалов к практическим целям понимается как переход от индивидуальной воли к воле партии, то как установить, в чем же на самом деле состоит интерес партии и ее воля? На практике, в частности практике КПСС, этот вопрос решался достаточно просто: воля партии отождествлялась с ее решениями и указаниями ее руководящего ядра. И все. Когда строишь воздушные замки, то им можно придавать любые очертания. Но когда имеешь дело с камнем и глиной, то здесь материал ограничивает фантазию. У партии как политического «материала» тоже есть своя жесткая логика, согласно которой ее члены должны быть послушными, дисциплинированными, готовыми выполнить предписания руководящих партией лиц и органов. Оставим сейчас в стороне вопрос о том, что эти предписания могут быть ошибочными, вредными, возможно, губительными. Даже безотносительно к этому, формула о гармонии личной воли с интересами партии теряет видимый нравственный блеск, ибо в своем реальном, исторически обнажившемся содержании она означает не что иное, как подчинение партийному начальству.

Л.Д. Троцкий вряд ли согласился бы с таким толкованием вопроса. Ведь сам он не подчинился воле партии, когда та обошлась с ним довольно бесцеремонно. Троцкий предпочел создать новую партию, которая соответствовала бы его личной воле. Обобщая эту индивидуально-биографическую ситуацию, следовало бы сказать: у марксиста не может быть противоречия между личной моралью и

партийными интересами в том случае, если он исходит из собственного, личного понимания последних, если для него критерием, определяющим, в чем заключается интерес партии, является его собственное представление и совесть. Но при такой интерпретации понятие партии теряет строгий смысл политического института, становится каким-то этическим термином, и все рассуждения приобретают пустой тавтологический характер.

Из всего сказанного напрашивается вывод: нельзя политический институт поднимать до уровня нравственной инстанции. Возможный вред от такой подмены состоит не только в том, что непомерно расширяется сфера и многократно увеличивается мощь политических решений. Много опасней то, что дезавуируется мораль, которая в своих простых истинах, удостоверяемых умом и чувством каждого человека, как раз и выражает общее благо, некие действительно фундаментальные основы общественной жизни. Тем самым лишается прочного основания вся ценностная структура сознания, пропадает точка отсчета общественной оценки.

Вернемся назад к рассуждениям Троцкого: в них слияние морали со стратегией и тактикой политической деятельности оказывается настолько полным, что уже сами стратегия и тактика приобретают нравственный статус.

В этой связи возникает вопрос, с какой целью здесь еще сохраняется слово «мораль»? Почему Троцкий не выбросит сам термин, если, как выясняется, он вообще не имеет собственного содержания и без какого-либо остатка растворяется в «революционной стратегии и тактике»? Что это – инерция языка? Не только. Понятие морали в рассуждениях Троцкого выполняет апологетическую функцию, которая, в отличие от этической апологетики эксплуататорских классов, призванной прикрыть плащом моральной благопристойности корыстные цели ее политики, состоит в том, чтобы до конца обнажить и замкнуть на саму себя логику классового угнетения. Оно предназначено для того, чтобы разом выдать индульгенции на все возможные в такой борьбе грехи. Когда Троцкий отрицает абсолютную мораль под тем предлогом, что ее нормы противоречат революционной стратегии и тактике, которые невозможны, в частности, без насилия, и когда он революционную стратегию и тактику отождествляет с моралью, то он фактически придает революционной стратегии и тактике абсолютный смысл – притом именно в той части, в которой они противоречат морали. Пьедестал, с которого низвергнута вечная мораль, не разрушается. На него возводится «революционная стратегия и тактика». Троцкий лишь перевернул логику вечной морали, но не смог вырваться за ее рамки... И вся его диалектическая изворот-

ливость, когда он говорит, что средства оправдываются целями, а цели оправданы тогда, когда они действительно (?) служат освобождению человечества, все его «пролетарское» бесовство, когда он утверждает, что революционеры убивали и будут убивать, если надо, – все это служит только одной цели – развязать себе руки, чтобы утвердить абсолютную власть революционной воли.

Политическая борьба даже тогда, когда речь идет о политической борьбе рабочего класса (революционной стратегии и тактике), не имеет однозначных научных решений, является во многом делом выбора, проб и ошибок. Поэтому ее нравственное раскрепощение фактически открывает неограниченный простор социальным страстям. Отказ от моральных критериев равнозначен отходу от каких-либо критериев вообще. У Троцкого «убитый Киров, грубый тиран, не вызывает никакого сочувствия» [6, 241]. Когда он писал свою статью, умер его сын, Л.Д. Седов, и это событие вызвало вполне понятное сочувствие. Этот факт заставил бы его переживать вдвойне, если бы он знал, что его сын был убит. Троцкий возмущается тем, что сталинская практика брать в качестве заложников родственников политических противников ставится на одну доску с аналогичной практикой во время гражданской войны. И он пишет, что «в обоих случаях предполагается равенство там, где его на самом деле нет и в помине». Где же инстанция, которая могла бы отличить одно убийство от другого, одну практику заложников от другой?

Троцкий – политик, к тому же политик не прагматического склада, а политик принципиальный, партийный, идейно вдохновленный. Его этические рассуждения не выходят за границы политики, и они в строгом смысле слова не являются этическими. Их даже нельзя характеризовать как разновидность политической этики. В данном случае точнее было бы сказать, что политика, разрушив мораль, незаконно присвоила себе ее собственность. Моральная терминология в контексте насквозь политизированного мышления Троцкого служит тому, чтобы абсолютизировать политику, поднять ее до уровня последней нормозадающей инстанции.

Как политик Троцкий мыслит последовательно, и упрекать его в аморализме за обоснование необходимости насилия и других больно ранящих нравственное чувство средств так же бессмысленно, как упрекать в том же, например, экономиста, который показывает необходимость безработицы в системе наемного труда или неизбежность социальной дифференциации в условиях рыночных отношений. Однако политика в его суждениях не сознает своих собственных пределов, обнаруживает неограниченную тенденцию к экспансии. Выйдя из берегов, политика залила весь социально-культурный ландшафт.

В результате этого нарушается порядок, гармония сфер человеческого бытия. И если Троцкий ошибается, то только как философ. Многомерный мир под его пером превращается в одномерно-политический.

Когда Троцкий говорит, что нужно «применять разные критерии к действиям эксплуататоров и эксплуатируемых», с ним невозможно спорить, ибо на этом различии критериев держится вся политическая жизнь классов антагонистического общества. Он прав и в таком замечательном утверждении: «Рабовладелец, который при помощи хитрости и насилия заковывает раба в цепи; и раб, который при помощи хитрости или насилия разбивает цепи, – пусть презренные евнухи не говорят нам, что они равны перед судом морали» [6, 232]. Но, ответим мы, «хитрость и насилие раба» на пути к своей свободе заслуживают положительную оценку только в пределах политической борьбы – тогда, когда они противостоят «хитрости и насилию» рабовладельца. Рассмотренные же в плоскости морали – скажем, при их сопоставлении с возможностью, пусть даже весьма абстрактной, достижения тех же целей ненасильственными средствами, – они остаются разновидностью зла. И если суд морали проводит различие между насилием одних и насилием других, отличает одно зло от другого, то только потому, что он исходит из идеала, который находится по ту сторону политики – идеала добра, ненасилия.

Основной упрек, который в данной связи мог бы выставить этик, состоит в следующем: Троцкий отождествляет практическую необходимость и целесообразность с нравственной оправданностью, политическое принуждение он возводит в моральное убеждение. А это разные вещи. Эмпирически такое различие очевидно. Философское же его обоснование в рамках марксистской традиции сопряжено с большими трудностями, оно требует переосмысления, по крайней мере, двух фундаментальных проблем: теоретической проблемы соотношения бытия и морали и нормативной проблемы соотношения морали и необходимости. Но это – предмет для другого разговора, уже безотносительно к статье Л.Д.Троцкого.

Список литературы

1. Дьюи Дж. Цели и средства. Пер. О.П.Зубец // Этическая мысль : научно-публицистические чтения. 1991. М., 1992.
2. Кант И. Основы метафизики нравов // Соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 4 (1).
3. Ленин В.И. Политический шантаж // Полн. собр. соч. т.34.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе // Соч., 2-е изд. Т. 3.

5. *Сартр Ж.-П.* Проблема цели и средств в политике (тетради по морали). Пер. О.И. Мочульской // *Этическая мысль: научно-публицистические чтения.* 1991. М., 1992.

6. *Троцкий Л.Д.* Их мораль и наша. // *Этическая мысль: научно-публицистические чтения.* 1991. М., 1992.

7. *Steven Lukes.* *Marxism and Morality.* Oxford, 1988

8. *Their Moral and Ours.* N.Y., 1986.

А.Ю. Согомонов

УДК 174+159.955

**«Устойчивый университет»
(инновации, постуниверситет, этика)***

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы цивилизационной трансформации базовых основ высшего образования и институциональной модели университетов. Университет не столько отказывается от своей исконной миссии, сколько впервые за последние пару столетий принимает на себя новые миссии. Инновации и лидерство становятся для него более важными приоритетами, чем когда-либо ранее. Развитая модель «предпринимательского университета», сформулированная приблизительно четверть века назад, сегодня дополняется новыми смыслами и ориентирами. И будучи ориентированным на «поколение next», он сам институционально становится «generation next». Но поскольку новые стратегии выбираются сугубо индивидуально и в большой зависимости от экосистемных обстоятельств, то можно говорить о медленном, но уверенном наступлении в высшем образовании новой постуниверситетской реальности.

Ключевые слова: инновации, лидерство, «поколение next», постуниверситет, постуниверситетская этика.

*Я не хочу, чтобы наставник один все
решал и только один говорил; я хочу, что-
бы он слушал также своего питомца.*

Мишель Монтень

В западной традиции на исходе века Просвещения были предельно четко сформулированы два противопоставленных друг другу принципа философии образования. Первый был предложен Фихте, который полагал, что целью всякого образования является подготовка ребенка к взрослой жизни в качестве члена общества – его впоследствии нередко «заменяли» на члена государства, как это, к примеру, произошло в третьем рейхе (учиться, чтобы служить государству). Второй принцип сформулировал Гумбольдт. Он интерпретиро-

* Четвертая статья цикла «Устойчивый университет». Первую статью см.: А.Ю. Согомонов. Устойчивый университет (генезис концепции) / Ведомости прикладной этики. Вып. 48. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. С. 142-161. Вторую – А.Ю. Согомонов. Устойчивый университет (миссия, смыслы, программы, кейсы) / Ведомости прикладной этики. Вып. 49. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. С. 151-170. Третью статью см.: А.Ю. Согомонов. Устойчивый университет (образы будущего, актуальные проблемы и тренды) / Ведомости прикладной этики. Вып. 50. Тюмень: НИИ ПЭ, 2017. С. 117-133.

вал образование как ключ к самореализации и развитию личности без какой-либо связи с прагматикой будущего жизненного пути молодого человека.

Обычно фихтеанский подход и все вытекающие из его философии педагогические школы считались консервативными, а гумбольдтовский принимался за либеральный. Иными словами, если под «образованием» вы понимаете нечто функционально значимое в своих задачах для внешней по отношению к самому человеку системе (макрокосму), то вы исповедуете фихтеанскую философию образования. Если же свою образовательную деятельность подчиняете интересам и биографическим перспективам и шансам ученика, его свободе и счастью (микрокосм), то, значит, отстаиваете либеральные, то есть гумбольдтовские принципы в образовании.

Это различие в понимании философских основ образования не нашло практического отражения в понимании миссии образовательных институтов – школ и университетов. Общие и профессиональные знания + базовые навыки социальной жизни – вот два их классических ориентира. Все остальное традиционно воспринималось как факультативное, попутное, а нередко и вовсе вредоносное. Суть классического же университета передавалась более расширенной, но тоже предельно простой формулой: «обучение + исследования». Впрочем, и эта философско-дидактическая прозрачность давно осталась в прошлом, и сегодня мы вступаем в такую цивилизационную стадию развития, когда мир образования становится гораздо сложнее и многомернее, чем он был последние два-три столетия. Университеты трактуют и как центры инноваций, и как активные субъекты регионального развития, и как главные публичные площадки, и как главные оппоненты всякого рода властей, и т.д.

Общих, пусть даже самых фундаментальных или, напротив, узкоспециализированных, знаний любому человеку отныне абсолютно недостаточно для завершения какого-либо образовательного цикла. А собственно новое научное знание сегодня производится отнюдь не только и даже, скорее, не столько в университетах и/или академических центрах, где высоки транзакционные издержки. Знаниевые роли и миссии перемешались и переместились в новые институции. А они в свою очередь конкурируют за своё настоящее и фьючерсные шансы.

Старые образовательные учреждения (особенно те, которые еще не вошли в процесс перемен) еще продолжают играть значительную роль на символическом рынке образования, но они смотрят в будущее уже без былой уверенности в стабильном завтра, как это было еще совсем недавно. А главное – фокус их внимания сместил-

ся с «обучение + исследования» на «деньги + производство услуг». Да и сами университеты перестали быть пространством свободы, критики и делиберативности, а внешне (особенно в управлении) напоминают, скорее, крупные корпорации. Не случайно, видимо, среди классически ориентированной университетской профессуры Старого Света преобладает мнение о том, что старые университеты «медленно умирают» (социологическая метафора Т. Иглтона). А новые и, как кажется на первый взгляд, успешно трансформированные институты трактуют как зацикленные на гипертехнологизме, коммерции и служении идеям и ценностям либеральной глобализации. Но это, очевидно, уже не просто иные времена, но и новая университетская этика и понимание общественного предназначения университета.

Словом, эпоха перемен наступает и в мире знаний, общественных навыков и академической науки, принуждая буквально все партикулярные учреждения и институты заново искать свою идентичность и нащупывать новаторские стратегии развития, выстраивая параллельно комфортные и взаимовыгодные отношения с государством, гражданским обществом и бизнесом в стремительно меняющемся мире *постсовременной этики*.

И, как мне кажется, главное культурное напряжение, которое сегодня очень трудно разрешаемо, – это *поколенческое нравственно-психологическое напряжение* в образовательном спросе-и-предложении, ожиданиях-и-намерениях. Старшее поколение *дидактов*, не готовое к радикальным переменам в контенте и технологиях образования, убеждено в своей педагогической правоте. Оставаясь приверженцами классических постулатов в образовании, они идут главным образом на его коммерциализацию – любыми путями. И здесь мы тоже обнаруживаем конфликт пониманий и смыслов, к примеру, между профессурой и университетской бюрократией.

Молодое же поколение *школяров* ждет чего-то нового, но что именно – в силу возрастных причин и бесконечного разнообразия внутри даже одного поколения – не может сформулировать ни конкретно, ни, тем более, системно. В результате одни настаивают на витальности старых образовательных традиций, другие вербализуют себя как аморфное «поколение next» мира индивидуализации, но без обновленного образовательного кредо и с невнятным образом будущего.

Новая повестка дня

Тем временем повсеместно в глобальном мире меняются представления о социальной «нормальности» институтов и, главное, образов жизни, причем не только молодых поколений людей. В этом

смысле, новый век разнообразия уже наступил и этому чрезвычайно поспособствовала т.н. «неолиберальная» политика в мире. Профессиональные группы и традиционные трудовые классы уступают место растущему как на дрожжах свободному и гибкому «прекариату» [подробнее: 2], рабочее и досуговое время трудно различимы между собой, дистанционные модели занятости вытесняют «офисные». Социальные риски как никогда ранее высоки. Формы социальной мобильности в обществе – как в нечто стабильном и стационарном – сменяются постоянно движущимися «потокami» людей, денег и информации, а «образы будущего» конструируются с легкостью игровых квестов. Все, что ранее казалось устойчивым и само собой разумеющимся, ставится на конвейер сомнения и стремительных перемен, причем не только технологических, прогресс которых для всех уже очевиден, но и социально-нравственных, что, разумеется, культуре современного общества бывает очень трудно принять [1, 3, 9].

То, чему мы ныне являемся свидетелями, скорее, указывает на наступившую эру транзита мировой цивилизации, толчком к которому, безусловно, послужила либеральная глобализация. А резко участвовавшие кризисы и абсолютная непредсказуемость будущего превратили «детство» и «тинейджерство», как два универсальных и предельно аморфных класса, в социально и культурно уязвимые объекты. До них руки не доходят: то не хватает ресурсов, то просто нет четкого видения, что с ними делать. Разница же стартовых позиций и желание «взрослого» мира по-прежнему управлять молодежной вселенной глубоко усиливают внутри них неравенство шансов, делая его в принципе непреодолимым.

Тем временем образовательные институты не предлагают молодежи адекватные цивилизационным переменам дидактические и методологические инновации, а правительства продолжают их регулировать и финансово поддерживать чаще все-таки по инерции или из соображений отложенной безработицы. И они в конечном итоге оказываются мотивированными лишь мировой (национальной, региональной) конкуренцией через участие в глобальных рейтингах, которые, как известно, зависят, прежде всего, от количественно-замеряемых индексов, а не от глубинных, ценностных и качественных значений. В результате, молодое поколение остается без реального смысло-жизненного выбора в образовании, ибо в суперклассе флагманских университетов всё и везде приблизительно одно и то же. Разница лишь в ежегодной рейтинговой динамике, в имиджевом позиционировании, репутационном капитале и удачном маркетинге. Что само по себе не мало, но абсолютно не достаточно. Поэтому вполне можно «согласиться» с мнением высокопоставленного прави-

тельственного чиновника в России, которая совсем недавно предложила отечественной молодежи ориентироваться на наши передовые вузы, которые «лучше, чем Оксфорд и Кембридж».

Поколение “Next”: жизнь в «разрывах»

Парадоксальным образом нам не хватает научно выверенных понятий для описания новых смыслов и даже ценностей грядущих поколений, поскольку мы по-прежнему отталкиваемся от «старых» социологических представлений обо всем этом. Более того, их стили и биографические модели непрозрачны и не открыты даже для них самих. И в этом смысле “generation next” остается для академической науки «непознанным», корректнее сказать: сложно познаваемым феноменом.

Но о чем можно в таком случае говорить хотя бы с относительной уверенностью? Пожалуй, только об одном: о *новой социальной онтологии* грядущих поколений. Масштабы перемен столь значительны, а степень непрозрачности будущего настолько велика, что, мне кажется, вполне оправданна та метафора, с помощью которой в научной литературе нередко описывается социокультурное бытие, прежде всего, “generation next”. Это – «море неопределенности» (a sea of uncertainty) [к примеру:11]. Эта метафора схватывает не только новые социальные контексты молодежи, но и хаотичное состояние институтов, всю сферу культуры и систему образования. Что же в первую очередь влияет на социогенез «моря неопределенности»? По мнению австралийского исследователя, Лукаса Волша, прежде всего речь идет о четырех фундаментальных факторах, предопределяющих контуры грядущего цивилизации [10, Ch. 2].

Глобализация изменила кардинальным образом все привычные для современного общества социокультурные пространства – национальные, семейные, групповые и т.д. И вместо них сотворила «воображаемый мир» плоского и не гармоничного, но зато открытого пространства свободных перемещений, в котором всевозможные «этнософты», «медиасофты», «технософты», «финансософты», «идеесофты» и т.д. создают для человека принципиально новые условия жизни социальных и культурных «разрывов». Этот диагноз и сами неологизмы были предложены социологом Арджуном Аппадуром более 20 лет назад [4]. Глобализация не нивелирует локальные культуры, но диктует свои правила игры, в том числе на рынке труда и символическом рынке образования. Свободная и равноправная навигация в этом «воображаемом мире» для одной части глобального сообщества молодых людей становится попросту невозможной, в то время как другая, по тем или иным обстоятельствам, извлекает из

«разрывов» дополнительные бонусы, делая конкуренцию внутри одного поколения, по меньшей мере, нечестной уже на стартовых позициях. Жизненные шансы, в том числе и в отношении накопления знающего капитала, радикально поляризовались. И речь в данном случае идет не только о массовых потоках иммигрантов, беженцев и трудовых мигрантов. Но и о т.н. «образовательной» мобильности молодежи, которая, с одной стороны, расширяет для университетов возможности предоставления платных услуг, делая их финансово более гибкими и независимыми, но с другой, – принуждает вузы к более жесткой привязке своих стратегий к глобальным стандартам и программным ожиданиям «отпрысков» из семей с высокими доходами. А как следствие, – к утрате установки на образовательный эгалитаризм, меньшую зависимость и ответственность за устойчивое развитие своей локальной среды (т.н. «третья миссия» университетов). «Разрыв» между университетом и Местом нарушает и без того хрупкий баланс между локальными сообществами и вузами.

Структурные изменения в обществе. Доступность к качественному образованию становится сегодня краеугольным камнем в очередной реструктуризации общества. Формально высшее образование остается важнейшим условием социальной мобильности, однако в реальности для многих «эскапистов» и «абстинентов» отсутствие или наличие дипломов и сертификатов напрямую не сказывается ни на их доходах, ни даже на статусных позициях молодых людей. Мы наблюдаем сегодня любопытную многостороннюю маргинализацию молодежи, когда неравный доступ к образованию детерминирован географическими, этническими, экономическими и др. факторами. В целом же общественный прогресс парадоксальным образом сопровождается ростом удельного веса образовательных аутсайдеров среди молодежи и, прежде всего, из-за «неудач» в доступе к образовательным ресурсам. В итоге, складывается опасная для устойчивого развития общества поляризация («разрыв» в труде), когда на одном полюсе концентрируются разнообразные группы «продвинутой» молодежи, хорошо образованной и подготовленной к новой цифровой эре, а на другом – массы низкообразованных людей, удел которых заполнять собой все еще существующие большие ниши на рынке дешевой и грубой физической работы.

Демографические перемены нарушают типичную для современного общества пирамиду возрастов. Старение населения естественным образом увеличивает масштабы безработицы в молодых когортах, отчего межпоколенческое неравенство в доходах и качестве жизни только растет. А существенно усилившиеся потоки молодых мигрантов провоцируют вдобавок и культурные «разрывы», рост кон-

сервативных, а то и просто расистских настроений среди коренного населения. Открытые общества изнутри становятся менее устойчивыми, чем даже одно поколение назад.

Технологический прогресс, безусловно, способствует как позитивной, так и негативной социокультурной динамике молодого поколения. Роботизация и развитие IT-технологий отвечают запросам общества, но при этом массово «закрывают» выгодные рабочие места, особенно для аутсайдеров на ниве качественного образования. В то же время всеобщая интернетизация «открывает» новые возможности для образования в сетях и свободного распространения информации, что создает серьезную конкуренцию для классического off-line университета. Интернет-образование – существенно дешевле, осуществляется без отрыва от дома, отчасти анонимное и не создает стрессовых ситуаций и психологического гнета. С годами конкуренция между ними станет еще жестче, что простимулирует не только концентрацию усилий университетов на «цифровом образовании», но и смещение акцентов с гуманитарных смыслов высшего образования в пользу технологических ориентаций. И именно эта ситуация рождает очередной «разрыв», только в данном случае в цифровой грамотности и навыках между поколениями школяров и педагогов.

Очевидно, что ближайшее десятилетие цивилизационного транзита настоятельно потребует пересмотра философских оснований образовательных стратегий. Растущая мобильность молодежи, их привязка к глобальным потокам, освоение новых правил жизни в условиях тотальной непредсказуемости будущего, отрыв от места и локального знания – все это порождает в сфере образования всеобщий «разрыв» между политикой, ожиданиями бизнеса, колебаниями на рынках труда, а также способностями молодых людей к свободной навигации в «море неопределенности», порождая, как стало сегодня модным говорить, массу «экономически неуспешных» людей.

Научение гибкости и саморефлексии, обучение с опорой на фундаментальный знаниевый капитал и мягкие навыки (soft skills) – вот, пожалуй, три базовых тренда в актуальной трансформации образовательных политических стратегий. Но значит ли это, что фихтеанский и гумбольдтовский подходы к философии образованию полностью отвергнуты, если мы сегодня уверовали в возможность реализации в современной педагогической практике универсальной модели «предпринимательского superego», то есть самоорганизующегося и полностью ответственного за себя субъекта социального действия?

Отчасти – да. Дидактическая сосредоточенность на формировании «навыков успеха» и готовности человека к мгновенным внут-

ренним переменам триумфально захватывает умы политиков и стратегов от образования, пытающихся как-то ответить на вызовы времени и глубинные потребности "generation next". От молодого человека сегодня ожидается не столько покорная готовность к принятию вакансий на рынке труда, сколько индивидуальное социальное творчество и умение видеть широко, а не узкопрофессионально.

«Общество знания», действительно, нуждается в грядущем поколении людей с новыми ценностями и установками, навыками и компетенциями. Это – прежде всего – критический ум, высокая коммуникативность, глобальная ответственность, информационная и финансовая грамотность, умение работать в командах, проектное мышление, менеджмент рисков, проблемная ориентированность, экологическая и кросс-культурная компетентность и т.д. И на это политика в буквальном смысле переориентирует *постуниверситеты*.

А *постуниверситетская этика* в свою очередь предлагает этико-прикладное обоснование инвестирования времени, культурного капитала, энергии и денег в развитие у молодого поколения именно этих актуально востребованных социокультурных свойств и, тем самым, тоже отходит от классической интерпретации миссии университета. Но не возлагаем ли мы в таком случае на высшее образование непосильную ношу и не требуем ли от университетов невозможного, а в институциональном смысле еще и неоправданного отрицания их прежних базовых смыслов?

Ведь и самому постуниверситету в таком случае, как целостной и холистической корпорации, придется стать предпринимательским, гибким, рефлексивным, высокоадаптивным, глокально ответственным, подлинно постиндустриальным институтом, а не конвенциональной «фабрикой» знаний и профессий, каковым он, по праву, считался последние пару столетий. Наконец, следует ли из этого, что привычная для нас модель университета устарела, как, впрочем, и все прочие образовательные учреждения [подробнее: 10, Ch. 6]? Однозначный ответ, видимо, не может быть дан. Но, очевидно: университетам в 21 веке *volens-nolens* придется меняться и в каждом конкретном случае их переход в свое новое качество будет, вероятнее всего, зависеть только от их индивидуальных рефлексивных стратегий и «образов» будущего, которые ими же и будут для себя сконструированы.

Инновации и лидерство, постуниверситет и его этика

Все чаще в специальной литературе утверждается, что обновленная миссия университета может быть концептуально сконцентрирована вокруг актуальной для нашего времени темы инноваций.

Причем предполагается при этом, что помимо того, что сама университетская среда является питательным бульоном для зарождения и дальнейшего продвижения локальных инноваций (идей, практик, технологий, инструментов и т.п.), так еще и поколения университетских выпускников в свою очередь выступают глобальными лидерами инноваций.

Инновации в самом широком смысле представляют собой фундаментальные сдвиги, вызванные нестандартным взглядом на существующий нормативный порядок, выходом за грани привычного, соответственно, порождающие позитивные ценности, общественные выигрыши и перемены. Чистого креатива для инноваций не достаточно (креативным может быть рядовой жулик), они опираются на куда более богатый набор навыков и умений лидеров. Как пишет американский исследователь инновационных процессов из Стэнфордского университета, Б. Банерджи, всякое инновационное действие предполагает особый дизайнерский подход в реагировании на реальные и потенциально возможные вызовы времени. Это не только креатив новых идей и подходов, но и, прежде всего, современная философия организаций, которые в свою очередь принимают установку на инновации в качестве своей ключевой ценности [5, Р. 5]. А это значит, что мы имеем дело сегодня с новой эпистемологией и праксиологией социального и про-активного действия.

Лидеры инноваций отныне не нуждаются ни в высоких статусных позициях, ни в административном ресурсе, легитимирующих их волю и политику в иерархических организациях. Они, скорее, рядовые и равноправные члены организационных команд, чьи решения направлены на эффективный менеджмент рисками и ресурсами, а результаты выражены в изменениях-выигрышах, а не в радикальных революционных преобразованиях. Иными словами, классическая централизованная модель лидерства (наподобие военного) сменяется сегодня моделью дистрибутивного, рассредоточенного лидерства, когда вместо классической парадигмы «индивид-как-лидер» мы обретаем сообщество индивидов, наделенных лидерскими «духом», устремлениями и навыками [6, Р. 53]. И это, безусловно, колоссальный шаг вперед в понимании как новой социальной сущности организаций вообще, так и всего сообщества “generation next”.

Если мы гипотетически допускаем, что новое поколение лидеров инноваций отныне и в будущем не предполагает исключительных «начальствующих» позиций, а отражает, скорее, модальность “generation next”, то нам необходимо в первую очередь эмпирически реконструировать их антропологический «код» в целях обретения

более четких ориентиров для морально-дидактического воздействия на все это поколение [далее по: 6, Р. 56].

Визионерство. Но вовсе не традиционное, когда харизматический индивид-как-лидер видит будущее и ведет к нему массы или хотя бы указывает путь к нему. Речь идет, прежде всего, о видении альтернативных образов и сценариев будущего. Его вдохновение – в научном и рефлексивном мышлении, а не в мистическом или доктринерском сознании. Будущее при этом вовсе не неизбежно, оно желаемо, то есть выступает предметом свободного морального выбора. Для нового визионера не так важно видеть четкий контур будущего, сколько понимать долгосрочные и среднесрочные сценарии его достижения. Но главное для него – это умение свои действия подчинять выбранным путям и делиться этим знанием с другими.

Переоценка намерений и успеха. Как уйти от конвенционального мышления, заскорузлого здравого смысла и переопределить общие и индивидуальные цели? Решая эту не простую когнитивную задачу, лидеры инноваций, так или иначе, вынуждены переосмыслить устоявшиеся смыслы и ценности успеха. Намеренность в их действиях становится более социально ориентированной, а собственно «успех» – по-новому морально освященным.

Креативное суждение – уже не просто чистое творчество, воображение или богатая фантазия. Скорее, это особая чувствительность лидеров инноваций к сложности постсовременного мира, разнообразию перспектив и чуткость к деталям. На сегодняшние вызовы времени возможны разные интеллектуальные и деятельностные ответы, оценить адекватность которых не каждому будет дано.

Готовность к трансформациям. Культуры, как известно, сопротивляются масштабным переменам. Но именно высокая степень готовности к переменам – в ценностях, рациональных целях, задачах и т.п. – отличает новых лидеров инноваций.

Высшие приоритеты отданы будут экосистеме. Во главу угла ставятся экосистемные выигрыши, а не эго-интересы или прибыльность и выживание тех или иных организаций, институтов и власти. Это переосмысление приоритетов добавляет антропологическому коду “generation next” особый фьючерсный пафос.

Несложно заметить по этому, разумеется, отнюдь не полному описанию смысловых инноваций внутри кода “generation next”, насколько он является холистическим, независимым, креативным, открытым и производящим новые ценности, но главное – прозрачным и внятным, а посему настоятельно требующим образовательных усилий.

Адекватная «духу» времени, дидактически адекватная подготовка поколения инновативных лидеров собственно и становится «повесткой дня» буквально всех институтов образования и университетов, в первую очередь. И поскольку в самой природе образовательных институтов (особенно, в средней школе, хотя отчасти и в университетах) заложен иммунитет на всякие перемены, то встает вопрос: как их приблизить к территории инноваций, привить вкус к переменам и минимизировать страхи перед необходимостью самим становиться институтами “generation next”?

Что может послужить триггерами перемен в данном случае [подробнее: 8]?

1. Постуниверситетам необходимо *стать* (само)критичными к той модели университета, которую они унаследовали, а также к тем образовательным философиям, которые по-прежнему лежат в фундаменте консервативной и либеральной образовательных политик. Эта модель, сложившись в эпоху позднего Просвещения, была призвана обслуживать индустриальную цивилизацию нового времени и власть. Все в ней было пронизано идеалами индустриализма – стандартизация, иерархия, эффективность, количественные индексы оценки продуктивности, правильно упакованное и готовое к употреблению знание, научный менеджмент и т.д. В информационном обществе, очевидно, эта модель должна быть пересмотрена, а постуниверситеты должны начать нарабатывать новый опыт, соответственно, постиндустриальной дидактики.

2. Постуниверситеты должны в гораздо большей степени базировать свои обучающие программы на основе мультидисциплинарного подхода. И поэтому быть готовыми к радикальному изменению функциональных обязанностей профессуры. Если раньше университетский преподаватель играл роль «распространителя» упакованного и канонического знания в какой-то одной отрасли науки, то теперь от него, скорее, ожидается режиссерское умение в проведении теоретического и практического коучинга, в ловком управлении индивидуальным и коллективным процессом познания, основанном не на педагогических директивах «сверху», а на намерениях, интересах и познавательных мотивах собственно школяров. В этих новых знамиевых контекстах студенты и университетские подразделения совместно формулируют предметность и содержание, профессура остается лишь на страже дисциплинарных фреймов, а их субстанциональное наполнение превращается в совместное творчество магистров и школяров.

Трансформированная модель университета нередко описывается как «платформа» (наподобие смартфона), интегрирующая фундаментальное и отраслевое знание, разные методы обучения и дидактику, позволяющая студенту автономно перемещаться от одного педагогического цикла к другому.

И будучи таковой, она передвигает школяра с периферии в центр постуниверситетской платформы (наподобие самого владельца смартфона, определяющего все свои действия свободой выбора). Соответственно, эту платформу можно по праву считать проблемно-ориентированной и студенто-центрической, поскольку она открывает школярам равный доступ ко всем имеющимся информационным, обучающим и инфраструктурным ресурсам. А выбор «проблем» остается за студентами.

Вузовской же администрации в этой модели отводится роль фасилитаторов, делающих путь школяров к искомому качеству лидеров инноваций увлекательным, эвристическим и холистичным. Но и сами курсы, которые по праву считают особыми микрокосмами высшего образования, также подлежат трансформации в информационно-знаниевые платформы, позволяющие студентам интегрировать дисциплины по своему усмотрению, хотя и при чутком консультировании со стороны преподавательского корпуса.

Инновационная грамотность – совсем новое понятие, которое получило хождение буквально в последние годы [8, 91-98]. С его помощью мы схватываем морально-психологический кодекс “generation next”. И оно как нельзя лучше отражает основы этой ново-поколенческой культуры, из которой собственно и вырастает весь макрокосм постуниверситетской этики.

Активное и гибкое сотрудничество. Именно сотрудничество в кодексе лидеров инноваций становится стержневой ценностью и важнейшей составляющей их этоса. Кросс-секторальное сотрудничество и междисциплинарность создают удачные контексты для командного со-творчества. Для лидеров инноваций установка на со-творчество не содержит в себе никакого пафоса, для них это главное условие успеха. Со-творчество – инструментально и лучше всего работает на стратегию развития. Со-творчество – фигуративно и лучше всего работает также и на задачи обучения через совместное действие. Со-творчество форматируется через «узы-и-мосты» (bonding-and-bridging). «Узы» характеризуют внутривидовые, а «мосты» кросс-секторальные виды сотрудничества.

Баланс функции и импровизации. Легкое, а подчас и ироничное отношение к застывшим функциональным ролям отличает этос лидеров инноваций. Они свободно перемещаются между позициями вну-

три даже строгих организаций, сохраняя их жесткий внешний каркас, но изнутри превращая их в подвижные сущности, открытые для активной динамики. В постуниверситетской этике не остается места для каких-либо застывших форм.

Подвижность ума. Интегрируя знаниевые сферы и преодолевая дисциплинарные границы, лидеры инноваций обнаруживают источники интеллектуального вдохновения. В инженерных специальностях это особенно хорошо чувствуется, когда, как показывает опыт ряда западных постуниверситетов (к примеру, Гарварда), гуманитарные дисциплины и прикладная этика становятся либо триггерами, либо барьерами на пути многих технических решений.

Обучение и действие через интеграцию знания и практики. Осознавая свою миссию в качестве «интеграторов», лидеры инноваций конструируют реальность как пространство познавательных объектов. И тем самым превращают интегральное знание в главный двигатель прогресса во имя устойчивого развития [успешные кейсы: 7].

Университеты “generation next” превращаются сегодня в очень сложные организационные суперсистемы, внутри которых разные и при этом достаточно автономные акторы и сферы (обучающие курсы, исследования, бюрократические структуры, финансы, всевозможные сервисы) накладываются друг на друга, переплетаются между собой и формируют трудно управляемую реальность мощных знаниевых и ресурсных потоков. Именно эти потоки собственно и создают *экосистему постуниверситетов*, позволяя им рефлексировать и экспериментировать со своими стратегиями, формами и векторами развития, и постоянно при этом помнить о своей обновленной миссии – формирования нового поколения лидеров инноваций.

Около 20 лет назад в специальной литературе появилось новое понятие «предпринимательский университет» (entrepreneurial university), с помощью которого, прежде всего, американские исследователи (Х. Этцкович и Л. Лейдесдорфф) попытались ухватить смещение внешних ориентиров мутирующих университетов с автономии и долгосрочного контракта с государством на местную политику и бизнесы локального значения [подробнее: 8, Р. 98-99]. Для них важно было подчеркнуть, что «предпринимательский университет» отверг привычную для нас роль университета как производителя общего и принципиально не прикладного знания, в то время как его аппликацией в экономике и социальной сфере занимались другие посредники, в пользу средовой и контекстной внешней ориентации, большей локальной и проблемной сосредоточенности. Что собственно и послужило впоследствии поводом для дискуссии о третьей, т.н. социальной миссии университетов. Не вдаваясь в подробности и удач-

ность самого термина «предпринимательский университет», отмечу, что эта модель университетской экосистемы чрезвычайно близка тому, что представляет собой актуальная намеренность многих постуниверситетов на проведение институциональных реформ. Правда к внешним ориентирам добавилась еще и экология, а также локальное гражданское общество и местная демократия, что чрезвычайно важно, так как именно экосоциальная среда постуниверситетов сегодня в гораздо большей степени выступает *condition sine qua non* инноваций, лидерства и знания, чем просто бизнес и локальная власть.

И этот новый институт не случайно получил в литературе название «устойчивого университета».

Вся послевоенная история высшего образования в развитых странах представляла собой нескончаемую череду микроремонтов и миниреформ. И только в последнюю пару десятилетий логика цивилизационных перемен потребовала более масштабных трансформаций. Постуниверситеты стали постепенно превращаться в интегративные платформы, педагогика высшего образования сместила в них свои акценты, а постуниверситетская этика в этих бесконечных потоках знаний, людей, информации и ресурсов обрела статус *базового инструмента* институционального выживания и дальнейшего развития. Своего рода – *фундаментальной гуманитарной скрепой*.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: «Логос», 2005.
2. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
3. Урри Дж. Социология за пределами общества. Виды мобильности для XXI столетия. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
4. Appadurai A. *Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization*. Minnesota: University of Minnesota Press, 1996.
5. Banerjee B. *Why Innovative?* // Banerjee B., Ceri C. (Eds.) *Creating Innovation Leaders. A Global Perspective*. Dordrecht: Springer International, 2016. P. 2-24.
6. Banerjee B., Ceri S., Leonardi Ch. *Innovation Leadership. A New Kind of Leadership* // Banerjee B. *Why Innovative?* // Banerjee B., Ceri C. (Eds.) *Creating Innovation Leaders. A Global Perspective*. Dordrecht: Springer International, 2016. P. 53-80.

7. *Filho W. L., Pace P.* (Eds.) *Teaching Education for Sustainable Development at University*. Dordrecht: Springer International, 2016.
8. *Swearer R., Hillen V., Bertola P.* *A New Kind of University* // *Banerjee B., Ceri C.* (Eds.) *Creating Innovation Leaders. A Global Perspective*. Dordrecht: Springer International, 2016. P. 81-103.
9. *Urry J.* *What is the Future*. Cambridge: Polity Press, 2016.
10. *Walsh L.* *Educating Generation Next. Young People, Teachers and Schooling in Transition*. New York: Palgrave-Macmillan, 2016.
11. *Wyn J.* *Touching the Future. Building Skills for Life and Work*. Melbourne: Australian Council for Educational Research, 2009.

В.И.Бакштановский, М.В. Богданова

УДК 174.7

**Ценности профессиональной этики
в формировании идентичности опорного университета
(аналитический обзор ректорских семинаров)**

Аннотация. Аналитический обзор двух ректорских семинаров, проведенных в Тюменском индустриальном университете в 2017 г., представляет опыт проектирования рефлексии и обсуждения актуальных вопросов жизни университета. Реконструированы предпринятые на семинарах концептуальная и эмпирическая проблематизации феномена профессиональной этики. Во-первых, этики базовых профессий научно-образовательной деятельности, прежде всего этики профессора, в условиях трансформации университета. Во-вторых, опорного потенциала ценностей этики инженера для поддержания идентичности Университета. Показан конструктивный потенциал такого рода рефлексии для развития коммуникации внутри университетского сообщества по актуальным для трансформирующегося университета проблемам его идентичности.

Ключевые слова: опорный университет, профессиональная этика, этика инженера, трансформация университета, ценностный конфликт, идентичность, рефлексия.

Сохраняющееся напряженное внимание к феномену ответственного университета обусловлено не в последнюю очередь и попытками изменения его телеологической перспективы, в том числе идентификации университетов, прежде всего опорных, в качестве «основных драйверов экономического развития». Казалось бы, такого рода идентификация, задавая вполне определенные целевые ориентиры деятельности, «снимает» с повестки дня опорных университетов вопросы ценностного самоопределения. Так, одна из идеальных моделей опорного – ориентированного на интересы региона – университета определяет его как центр притяжения талантов и генерации лидеров изменений; региональный научно-инновационный центр; центр формирования региональной элиты; источник позитивных изменений городской и региональной среды [1]. Собственно университетские задачи, например производство знания, перед опорными университетами здесь не ставятся, хотя прописанные в модели характеристики образуются, как нетрудно заметить, благодаря присущей данной институции функции – производить и транслировать знание. Способность и возможность производить знание

предусматривает развитие его собственно университетских оснований.

И незавершенность трансформаций в сфере университетского образования оставляет опорным университетам возможность самостоятельного поиска оснований для поддержания ими своей университетской идентичности. Еще сохраняющаяся эскизность новой идентичности университета дает возможность сформировать в числе своих стратегических ориентиров и ценностные установки деятельности, выходящие за приписанные им задачи: не только развивать экономику региона, но и отвечать на иные вызовы общества, профессиональных и иных сообществ, человека. Поиск и разработка таких направлений деятельности пока находится в пространстве ответственного выбора самого университета.

Тюменский индустриальный университет (далее ТИУ) – опорный университет – получил этот статус на первом этапе конкурса. Наряду с решением задач, поставленных перед опорными университетами в соответствующих «дорожных картах», в ТИУ предпринимаются и попытки рефлексии возможных направлений деятельности, которые бы содействовали развитию его университетской идентичности. Одну из таких попыток представляют ректорские семинары*. Предлагаемый ниже аналитический обзор ректорских семинаров 2017 г. можно рассматривать как опыт обсуждения, во-первых, одного из ценностных конфликтов, возникающих в процессе трансформации университета, и, во-вторых, как попытку рефлексии возможных и актуальных ценностных ориентиров научно-образовательной деятельности университета, очевидно превышающих приписанные ему статусом задачи.

Семинары объединяет проблематизация феномена профессиональной этики, содержащаяся в их тематике. В первом из анализируемых семинаров, сосредоточенном на теме «Трансформирующийся университет: профессиональная этика vs корпоративная этика», речь идет о профессиональной этике базовых профессий научно-образовательной деятельности университета, прежде всего этике профессора. Второй семинар сосредоточен на теме «Метафизика опор-

* Как уже было показано в предшествующих публикациях [см.: 2, 3], ректорские семинары – дискуссионные площадки для обсуждения актуальных вопросов жизни Университета, актуальных и для глобального, и для локального университетов (конкретно – ТИУ). Его участники – ведущие профессора университета, директора институтов, проректоры, руководители структурных подразделений.

ного университета: опорный потенциал ценностей профессиональной этики». Семинар посвящен «взвешиванию» потенциала развития в стенах университета профессиональной этики инженера (как научной и образовательной дисциплины) в качестве одной из выходящих за пределы функциональных обязательств задачи, направленной на поддержание его университетской идентичности.

В представляемом ниже описании опыта ректорских семинаров 2017 г. сочетаются фрагменты программ, сценарных разработок и стенографической записи работы семинаров. Благодаря этому сочетанию создается возможность расширить представления об идейном замысле каждого семинара, концептуализации темы и реальной ситуации ее рефлексии всеми участниками семинара, включая его разработчиков.

Согласно Программе, цель этого семинара:

активизация рефлексии Профессоров и Администраторов об университете как институции, регулируемой одновременно двумя видами этических ценностей: этикой профессии (профессиональная этика) и этикой организации (корпоративная этика).

Актуальность цели определялась обострением конфликтности двух этик в ситуации глобальной трансформации высшей школы, необходимостью осмысления последствий такой конфликтности для профессии университетского преподавателя и для университета как организации.

ФРАГМЕНТ ПРОГРАММЫ СЕМИНАРА

Алгоритм семинара

Шаг 1. За очевидными признаками динамики развития современного Университета в его глобальном и локальном масштабах участникам семинара предстоит увидеть острую проблему, которую можно определить как дуализм основных смыслов трактовки «университет как корпорация». Речь идет о трактовках:

• университетская корпорация как единица индустрии образовательных услуг – предмет корпоративной (организационной) этики.	• университет как научно-образовательная корпорация, вдохновляемая ценностями профессии Профессора – предмет профессиональной этики.

Дуализм двух видов ценностей, профессиональных и корпоративных, – отражение одновременного служения университетского профессионала в корпорации-профессии (цехе) и службы в корпорации-организации.

При этом в практике управления современных университетов корпоративная этика организации доминирует. Действительно, без организации-корпорации базовые профессии научно-образовательной деятельности университетов бессильны. Однако ориентация на ценности высокой профессии подминается ориентацией на ценности «публичных коммерческих предприятий». Такой подход пренебрегает этикой Профессора как самообязательством, ориентиром саморегулирования. Невнимание к роли профессиональной этики порождает риск придания университету духа бизнес-корпорации. Таким образом создается риск ценностного перепрограммирования университета.

Шаг 2. Участникам семинара предлагается на обсуждение гипотеза о согласовании ценностей профессиональной и корпоративной этик в университете:

<p>в ситуации трансформации университета условием уберечения его идентичности является согласование ценностей двух этик. Согласование, институционализированное в университетском кодексе. (Согласование как удержание ценностей профессии Профессора, основанием которой является производство, воспроизводство и применение научного знания.)</p>

ФРАГМЕНТ СТЕНОГРАММЫ СЕМИНАРА

ВЕРОНИКА ВАСИЛЬЕВНА ЕФРЕМОВА, и.о. ректора ТИУ. Сегодня мы решили поговорить о тех тенденциях, которые все настойчивее проявляются в нашей университетской жизни. Мы привыкаем к

ним и уже не задумываемся о смыслах, которые в них содержатся. Попробуем поговорить о двух понятиях: «профессиональная этика» и «корпоративная этика» – и даже противопоставить эти понятия, такова тема сегодняшнего ректорского семинара.

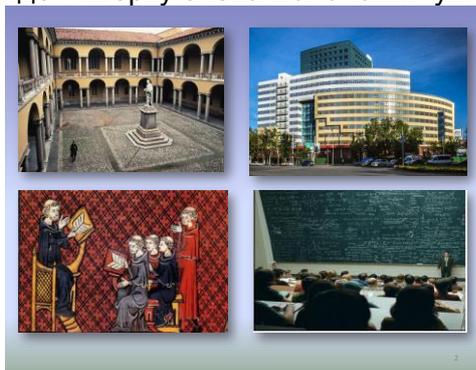
Основной докладчик – Владимир Иосифович Бакштановский, директор НИИ прикладной этики ТИУ.

В.И. БАКШТАНОВСКИЙ: Пожалуйста, обратите внимание на картинки, представленные на слайде. Вверху слева Болонский университет, справа – знакомый корпус ТИУ. А две нижние картинки – попытка напомнить известную всем нам мысль: как сильно меняются университеты, и не только по внешнему виду, но и по технологии обучения.

Ректорский семинар – не обучающий. Это важно. Мы относим семинар к статусу академического или рефлексивного. Ветераны ректорского семинара помнят, что мы пользовались такой характеристикой. Пытаемся ее продолжить.

Обращаю ваше внимание на формулировку цели нашего семинара: *рефлексия о рисках этического дуализма корпоративной самоидентификации трансформирующихся университетов*. Это риски именно этического дуализма, двойственной природы самоидентификации, на которую отечественные, да и мировые, глобальные университеты давно пошли, назвав себя корпорациями. Каждый вкладывает в этот термин свой смысл, но тем не менее корпоративная самоидентификация распространена, она укоренилась в нашем сознании. И как заметила Вероника Васильевна Ефремова, мы уже и не задумываемся о смыслах, которые стоят за этими терминами – терминами, характеризующими вполне определенные тенденции. Иногда это хорошо, иногда, по-моему, рискованно.

С одной стороны, корпоративная самоидентификация вполне естественна, потому что университет и в глобальном, и в локальном масштабах превращается в конвейер индустрии образовательных услуг. К чему это приводит? К тому, что мы с вами (*мы с вами* – профессора и *мы с вами* – администраторы, но все-таки прежде всего профессора) все более регулируем свое поведение стандартами корпоративной (организационной) этики. Без этого нельзя, но с этим

университет (когда Университет пишется с большой буквы) рискует подавить свою идентичность.

Что нам предстоит отразить, чтобы достигнуть цель семинара?

Прежде всего нам необходимо решить: противопоставление профессиональной этики этике корпоративной в названии семинара («Трансформирующийся университет: профессиональная этика vs корпоративная этика») имеет именно утвердительный характер, как это заявлено, или такая категоричность чрезмерна, и противопоставление – это, скорее, проблематизация обсуждения.

Вспомним значения термина «корпорация», чтобы отдавать себе отчет, в каком смысле можно говорить об университете как корпорации.

На слайде приведены некоторые значения термина «корпорация», применительно к университету. Два из них выделены курсивом. Во-первых, это университетская корпорация как корпорация-организация – единица индустрии. Во-вторых, университет как научно-образовательная корпорация. Я считаю,

МНОГООБРАЗИЕ ЗНАЧЕНИЙ ТЕРМИНА "КОРПОРАЦИЯ"
ПРИМЕНИТЕЛЬНО К УНИВЕРСИТЕТУ

Корпорация ученых
Корпорация студентов
Корпорация выпускников
Корпорация профессоров и студентов
Корпорация ученых, преподавателей,
сотрудников и студентов
Университет как региональная корпорация
Корпоративный университет
*Университетская корпорация-организация
как единица индустрии образовательных услуг*
*Университет как научно-образовательная
корпорация.*

что мы работаем в научно-образовательной корпорации. И здесь тон должны задавать профессора. Однако на практике вряд ли можно избежать объективного разделения этих смыслов. В то же время разделения неустраиваемы.

Предмет корпоративной этики, о которой мы сегодня говорим, это и есть университетская корпорация как бюрократически организованное предприятие. Для коллег социологов, понятие «бюрократически организованное предприятие», скорее всего, соотносится с именем немецкого социолога М.Вебера. А когда мы говорим про университет как научно-образовательную корпорацию, то имеем в виду, что это корпорация, вдохновляемая ценностями профессора, нашими с вами ценностями, – и это предмет профессиональной этики.

Тезис для обсуждения

Этический дуализм корпоративной самоидентификации – отражение одновременного *служения* Профессора в корпорации-профессии (цехе) и *службы* в корпорации-организации.

Без организации-корпорации ценности Профессора бессильны, не

очевидно ли?!
Но какова цена? Не деформирует ли корпоративная этика эти ценности?

ОБСУЖДЕНИЕ

А.А. ТАРАСЕНКО: Мне представляется, что мы несколько злоупотребляем понятием «корпорация». С прошлых семинаров у меня сложились некоторые предположения. Я поделился ими на Ассоциации инженерного образования. И получил отповедь от ректора Томского политехнического университета, который заявил, что в университете не может быть никакой корпоративной культуры – только академическая культура. Я, как «технар», конечно, сначала задался вопросом: что такое «корпорация»(?), обнаружил несколько значений, но ни одно из них не подходит для университета. Я ни при каких обстоятельствах не могу назвать то, чем мы занимаемся, бизнес-процессом, извлечением прибыли. Мы – государственное предприятие. И если говорить о профессуре, то я думаю, что в рамках академической культуры как раз все ложится на «нормальные рельсы». Поэтому никакого противопоставления здесь быть не может. Возникает вопрос: есть ли еще какой-нибудь университет, который так же, как и мы пытается назвать себя корпорацией?

В.И.БАКШТАНОВСКИЙ: Позволю себе реплику. Примерно полгода назад я получил письмо от своего бывшего соученика по Томскому государственному университету (мы с ним учились на одном историческом факультете, правда, с дистанцией большого числа лет). Он стал проректором по работе с персоналом в Томском политехническом университете, попросил меня как специалиста по этике и разработке этических кодексов прорецензировать проект создаваемого в этом университете корпоративного кодекса. Я на этот кодекс написал критическую рецензию. Через какое-то время наш ученый совет поручил в том числе мне и еще нескольким коллегам создать корпоративный кодекс ТИУ. Я, было, собрался исполнять это указание, но произошли разные события и в итоге кодекс корпоративной этики был создан без моего участия, что меня успокоило, на время хотя бы. Это к тому, что многим вузам свойственна корпоративная идентификация, хотя бы в рамках таких документов, которые называются кодексы, стандарты и т.д.

А.А. ТАРАСЕНКО: Все-таки, в основе ваших предположений деятельность профессора характеризуется, скорее, как служение, или все-таки как образовательная услуга?

В.И. БАКШТАНОВСКИЙ: Конечно, я рассматриваю свою работу как служение в профессии. И меня травмирует выражение «образо-

вательные услуги», применяемое к *высокой* профессии, в которой мы с вами работаем. Но это, вероятно, идет сверху, и вряд ли современные университеты, администрации университетов вольны отказываться от таких определений. То же можно отнести и к введению термина «обучающиеся» вместо традиционного «студенты». Мне объясняют, что это для того, чтобы среднее специальное образование подключить к высшему. Однако эта терминология спорна только для меня, а в официальных документах она уже прижилась, по моему.

И.М. КОВЕНСКИЙ: Наш университет позиционирует себя как «первый вуз корпораций». С точки зрения норм и правил русского языка несколько неуклюжее название, но не в этом дело. Не могли бы вы прокомментировать вообще, что это такое. Я стеснялся задать этот вопрос, потому что может быть мое непонимание весьма примитивно.

В.И. БАКШТАНОВСКИЙ: Этот вопрос вроде бы закрыл нам предшествующую дискуссию. Но, может и не закрыл. Я пытался понять это наименование. На мой взгляд (ИМХО), это, возможно, следствие работы наших коллег из университета Сколково?

О.Ф. ДАНИЛОВ: Нет, это наименование родилось здесь, у нас.

В.И. БАКШТАНОВСКИЙ: Я думаю, что этим наименованием стремились передать дополнительные характеристики нашего университета – подчеркнуть, что мы работаем в содружестве с рядом корпораций. На это содружество работает несколько университетов, но наш первый среди них.

М.В. БОГДАНОВА: Может быть, наименование «первый вуз корпораций» – синоним понятию «опорный университет», попытка его как-то присвоить, освоить...

Возвращаясь к теме нашего семинара – о противопоставлении профессиональной этики корпоративной в условиях трансформирующегося университета – может быть имеет смысл уточнить: мы говорим о неких идеальных моделях или о практике? Если говорить об идеально-типических конструкциях – то есть моделировать ситуацию взаимодействия ценностей профессора и ценностей корпоративной этики (организации) вне влияния на университет иных ценностных систем, – то скорее всего такое взаимодействие будет взаимодополнительным. А если мы в наших рассуждениях обращаемся к практике трансформирующегося университета, то в этом случае, наверное, обнаруживается, что ценности корпоративной этики деформируют ценности профессора.

В.И. БАКШТАНОВСКИЙ: Для меня, как для исследователя, в данном случае, категоричного ответа нет. Непросто различать мо-

раль как идеальные нормы, и как нормы, которыми мы руководствуемся. Впереди слайд, который пояснит что такое идеальные нормы. Хочется сказать, что корпоративная этика, профессиональная этика и еще разные виды прикладных этик, конечно, находятся между идеалом и нашей повседневностью. Но как про это сказать, что это такое? Мы все с вами ориентируемся на то, что идеально или на то, что повседневно?

Итак, мой короткий ответ. Общество не зря изобрело несколько видов корпоративных (профессиональных) этик: медицинскую, воинскую, судебную, преподавательскую, педагогическую и т.д., имея в виду, что надо как-то конкретизировать общие требования морали, с помощью которых регулируется наше поведение. И вроде бы тем самым приблизило мораль к земным реалиям. Но на самом деле, у меня нет сейчас готового ответа на вопрос. Вся проблема только в том, что есть идеальные профессора, есть идеальные администраторы: они руководствуются профессиональной этикой либо корпоративной этикой. А есть плохие профессора и плохие администраторы, которые искажают наши ценности и принципы, и с ними надо бороться? Так? И как только мы их изведем в своей среде или в среде административной, так наступит рай? Это было бы желательно, но невозможно. На деле в университете и этика академической профессии, и этика администратора – это нормальные ценностные системы, которые помогают нам исполнять свой долг.

Но, называть их нормальными в реальном исполнении трудно.

А.А. ТАРАСЕНКО: На мой взгляд, у профессора дела обстоят еще хуже. Если мы провозглашаем наш университет «первым вузом корпораций», то должны обучить студентов этике корпораций в условиях кризиса (как известно, степень эксплуатации в условиях кризиса возрастает кратно), чтобы показать им, как они могут обеспечить достойное жилье, зарплату себе и своим сотрудникам. И я, как профессор, не хотел бы этим принципам учить своих студентов. Однако мы будем вынуждены этим заниматься, поскольку тесно сотрудничаем с корпорациями. Поэтому либо мы должны установить какой-то моральный барьер между этими ценностными принципами – корпоративной и профессиональной этикой, – либо сами должны уподобиться этим корпорациям, и тогда университет станет корпорацией в полном и единственном смысле этого слова.

Ю.К. ШЛЫК: У меня такой вопрос: видение университета как корпорации администраторами и профессорами – это единство и борьба противоположностей? Или, может быть, такое противопоставление надуманно? В нашем университете есть студенты, администраторы, профессора. Мы работаем единым организмом, который,

как любая образовательная, инновационная система развивается, трансформируется – и работает спокойно. Но вдруг начали «наворачивать» термины, например, «корпорация» – это неуместно и диковато. Ведь в чем суть университета? Если оттолкнуться от простого – учить студента. Учить. Студенту, по большому счету, безразлично как будет называться университет. Для него главное – качественные знания. А знания дает преподаватель. Остальные сотрудники университета, на мой взгляд, являются обслуживающим персоналом. Первый человек в вузе – студент, второй – преподаватель, а потом все остальные. И никаких корпораций. Учи хорошо, и тебе спасибо скажут – и через пять, через десять и через тридцать лет.

В.И. БАКШТАНОВСКИЙ: Я не берусь рассуждать о том, как устроен у нас университет. Вполне правомерно рассуждение, что первая функция университета – учить студентов. Хотя по этому поводу у меня есть реплика: все-таки, главный человек в университете – профессор, затем – студент, а организаторы взаимодействия того и другого – администраторы. Я так для себя укладываю три структуры. Возможно, рассуждения о двух этиках (профессиональной и корпоративной) кажутся «наворотами». Наивно было бы говорить, что университет не имеет других функций, кроме образовательной, но без моральных ценностей и университет в целом, и три его основные структуры: преподаватели, администраторы и студенты, пренебрегающие моральными ценностями, – безнадежны.

Я.А. ПРОНОЗИН: У меня реплика, но не про корпорацию. Что такое корпорация, ясно. Я читаю в Интернете: «корпорация – это объединение нескольких крупных предприятий или других субъектов хозяйствования, объединенных единой экономической целью». Ничто в этом определении не соответствует основной деятельности любого университета: ни «субъект хозяйствования», ни «единая экономическая цель».

Мне немного непонятно, о чем мы говорим на семинаре? Если имеется в виду корпоративная солидарность, то, может быть, стоит говорить о профессиональной и гражданской солидарности? Уже не один век существует понимание образования как обучения и воспитания. Мы здесь обсуждаем, что это не так? Или что-то хотим привнести новое в устоявшееся понимание образования?

В.И. БАКШТАНОВСКИЙ: Обратим внимание на слайд. На нем приведены символы разных видов регулирования человеческого поведения.

Нравится нам или не нравится, но мы живем в мире, который регулируется разными способами. Он не может жить без регулирования. И некоторые способы частично представлены на этом слайде. Все ли из них надо комментировать? Самый простой способ - с указателем дорожного движения. Не менее простой – дрессировка.

Моральные ценности ориентируют нас. Известны, как минимум, два источника морали. Один источник передан через образ Моисея, а другой источник – маяк, земной ориентир. Но человеческое общество развивается, усложняется и изобретает (это мой термин) прикладные морали. Две из них продемонстрированы на этих слайдах: медицинская этика (клятва Гиппократова) и корпоративная этика (картинка с людьми и шестеренками).

Попытаемся порассуждать: какая из этих картинок больше подходит для иллюстрации доминирующего типа регулирования поведения в трансформирующихся университетах?

В.В. ПЛЕНКИНА: Я не готова говорить о том, какой из представленных на слайде видов регулирования доминирует в трансформирующемся университете. Но могу сказать, что морально-этическая составляющая ориентирования поведения (на слайде это картинка «Клятва Гиппократова») становится все менее практикуемой. Именно она уходит из университетской жизни, а в университете, особенно в университете, эта составляющая должна быть.

С самого начала семинара, с представления первых слайдов, меня не покидает ощущение, что я не знаю ответы на поставленные здесь вопросы. Это мое ощущение усилила Марина Владимировна Богданова своим вопросом об идеальном и реальном. Для меня «идеальное», исходя из постановки проблемы на семинаре и последующего дискурса, – это когда совпадают этика профессора и этика корпорации. А чем дальше они отходят друг от друга, тем больше те-

ряет университет и как научно-образовательная корпорация, и как корпорация-организация, которая призвана, прежде всего, создавать необходимые условия для эффективного достижения своих целей, и, соответственно, для людей, которые в этой корпорации работают.

Расхождение, несовпадение двух этик проявляются тогда, когда морально-этические ценности уходят и из системы ценностей профессора, и из системы корпоративных ценностей. Поэтому задача, на мой взгляд, заключается в том, чтобы осмыслить происходящие в университете процессы, найти пути удержания морально-этических ценностей в этике профессора и в корпорации. И хотя идеальной ситуации мы не сможем достичь, но таким образом нам будет по силам максимально сблизить этические ценности профессора и корпорации.

И.М. КОВЕНСКИЙ: Реплика в отношении термина «трансформирующийся» применительно к университету. Этот термин очень удачный. Потому что, как известно, трансформаторы бывают повышающие и понижающие. Соответственно и трансформации в университетах: в зависимости от ситуации когда-то мы работаем на повышение, а когда-то – на понижение.

С.В. ТОЛМАЧЕВА: Представляется, что мы спорим здесь не столько о соотношении двух этик (очевидно, что профессиональная этика должна превалировать в университете), сколько о статусе организации, в которой работаем. Университету сверху диктуют условия, которые ориентируют на доминирование в нем корпоративной этики. И, по большому счету, мы здесь спорим о деньгах. Почему? Потому что университет – государственная организация, он получает финансирование из Министерства и вынужден «играть по правилам» Министерства. Если бы он был, например, как уже упоминаемый здесь Томский политехнический университет, государственным автономным образовательным учреждением, то он мог бы устанавливать свои правила, в том числе и работать на повышение статуса профессора, профессорского профессионализма. Однако, тогда он бы не получал финансирование из Министерства, а искал бы его самостоятельно, в том числе при помощи грантов.

М.В. БОГДАНОВА: Реплика в продолжение темы о соотношении профессиональной и корпоративной этик в университете. Вера Владимировна Пленкина отметила, что морально-этическая составляющая (на слайде это образ – клятва Гиппократ) уходит из ценностной системы и профессора, и администратора.

В то же время наблюдается другая тенденция – полным ходом в университетах идет (пожалуй, уже завершилось) конструирование институтов административного регулирования. На сайтах трансфор-

мирующихся университетов (национальных, федеральных, опорных, участников проекта «5-100»), возможно, в обязательном порядке, появляются документы этического регулирования – корпоративные кодексы. Где-то эти кодексы не работают, а где-то уже созданы этические комитеты, имеющие к этике (как можно заметить из публикаций) минимальное отношение. Что отражает эта тенденция: формальный этап «дорожной карты», фактически не влияющий на жизнь университетов? Или это попытка перестроить взаимодействие субъектов университета, устраняя ориентирующую роль ценностей профессии?

В.И. БАКШТАНОВСКИЙ: Корпоративные кодексы университетов – это, действительно, ориентиры и регуляторы, без которых сложноорганизованному университету будет непросто. Важно только понимать, насколько они эффективны и благодаря чему эффективны. Проще всего сказать, что организация плохая, и ее надо изменить, трансформировать. Или профессор должен находить какую-то ловкую позицию, стремясь всемерно соответствовать ожиданиям организации – ей надо тоже отчитываться перед вышестоящими инстанциями, исполняя предназначенные роли. Или профессор должен «вразнос идти» и не признавать того, что от него ждет университетская корпорация.

Но мы сегодня обсуждаем другое. Да, нужны и корпоративная этика и профессиональная этика, но как им ужиться, ибо внутри каждой из них есть ограничения. И профессиональная этика при определенном – деформирующем – ее истолковании может подтолкнуть человека на не вполне профессиональное поведение: есть например такое понятие – «профессорское баронство». Профессора не ангелы. Но разве не рискованно нам поддаться обаянию корпоративной этики, которая помогает организациям жить и развиваться, но склонная подавлять ценностные ориентиры нашей профессии. [...]

М.В. БОГДАНОВА: Мы говорим о ценностях профессии профессора и корпоративной этики прежде всего в связи с тем, что на практике, в условиях трансформирования университетов, имеет место столкновение этих ценностей. Не просто дуализм, но конфликт. У нас на семинаре сегодня аудитория обновленная - присутствуют представители нового поколения. Среди них, скорее всего, есть и будущие профессора, и будущие администраторы. И может быть, обсуждаемые здесь вопросы, связанные с моральными ориентирами работы в университете, представляются им не важными, не значимыми – как темы из вчерашнего дня. Чем можно ответить им? Например, о роли *высокой* профессии профессора в современном

университете. Но сомнение в том, нужна ли в будущем университету *высокая* профессия профессора?

В.И. БАКШТАНОВСКИЙ: Уточняю, что говоря о профессоре, мы имеем в виду западную манеру: профессора – все преподаватели, независимо от их карьерной ступени.

В.В. ГАВРИЛЮК: Уважаемые коллеги, проблематика сегодняшнего семинара, как впрочем, и многих других ректорских семинаров, связана с неочевидной, но крайне сложной проблемой, проблемой регулирования внутри нашего сообщества. Мы с вами все понимаем, что сегодня университеты очень сильно изменились и возврат к прежним университетам, когда профессор был светоч знаний, единственный его источник, наставник молодежи и т.д., уже невозможен. Более того, некоторые социологи сегодня возражают даже против термина «трансформации». Пора перестать об этом говорить и в нашей стране, обратив внимание на весь меняющийся мир, который уже давно от утопической идеи стабильного развития перешел в ситуацию хаоса и научился оперировать терминами нестабильного сообщества.

С одной стороны, Министерство, с другой – экономический кризис. С третьей стороны, студенты, какие-то непонятные: отвечая на наши с вами вопросы, находят в Википедии в режиме реального времени все, что им нужно... Поэтому здесь речь идет не о том, как мы регулируем жизнедеятельность университета. (В конце концов у нас будет какой-то порядок, структурные преобразования закончатся, и мы будем говорить о своей профессиональной деятельности в рамках каких-то существующих структур.) Речь идет о том, что есть негласные механизмы, которые, к сожалению, уходят из нашей профессиональной деятельности. Мы ориентируемся сегодня на успех, на деньги, на гранты, на рейтинги и так далее. Но когда я вижу, как в седьмом корпусе, где работает один лифт, никто – ни один студент – не пропускает мальчика-инвалида, и тот карабкается пешком по лестнице, мне трудно сказать себе, что я хочу работать в таком университете. Мне очень трудно представить себе университет, который позиционирует себя перед абитуриентами лицами «реальных пацанов», стремясь таким образом показать наш университет как нечто такое «крутое», хорошее, куда надо поступать. Меня лично это оскорбляет именно с моральной точки зрения.

Мы понимаем, что регуляторы, о которых Владимир Иосифович Бакштановский нам сегодня говорит, к сожалению, уходят из нашей жизни. И нам проще спрятаться за нормы корпоративной этики и свои профессиональные обязанности. Мы придумали эффективные контракты, очень легко научились отчитываться. Мы уже адаптиро-

ваны к условиям «бумажного геноцида», и не хотим думать о том, что есть более высокие ценности, ценности, связанные именно с содержанием, с сущностью нашей профессии.

Однако даже в этих условиях мы все равно ответственны за того человека, которого обучаем.

Я думаю, сложность этой проблемы не только в том, что мы утрачиваем эти регуляторы, а в том, что мы их как-то легко утрачиваем, я бы даже сказала, с желанием.

В.И. БАКШТАНОВСКИЙ: И все-таки, вопрос участникам семинара: а в целом тема дуализма корпоративной и профессиональной этик нас ничем не настораживает? Сейчас в университете доминируют ценности корпоративной этики и эти ценности нас подчиняют себе. Следует ли нам пытаться понимать, почему такое полезное изобретение общества, как корпоративная этика, может нашу профессию разрушить, или хотя бы затруднить существование профессиональной этики?

Последний слайд, который я хочу вам показать – «Профессия в современной корпорации: нравственные риски», – демонстрирует, что трудности нашего существования в сфере, которая регулируется корпоративной этикой, не исчерпывается теми, о которых каждый из выступающих больше или меньше сказал.

Итак, слайд: мне, профессору, хорошо под крылом корпоративной этики – мне многое дает корпоративная этика. Но иногда у меня, может быть, не хватит нравственного чувства понять цену – что ждет от нас корпорация. Без чего она не может жить, без чего она не может нами управлять, именно потому, что мы – профессора самоуверенные, самодостаточные, ценим сами себя и не готовы ничем поступаться ради корпоративных ценностей.

ПРОФЕССИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КОРПОРАЦИИ: НРАВСТВЕННЫЕ РИСКИ	
PRO	CONTRA
* защищенность профессионального статуса, удовлетворение потребности в профессиональном признании, общении	зависимость моральной позиции университетского профессионала от корпоративной солидарности, чреватой жертвой ценностями высокой профессии во имя «моральной спайки»
* корпоративная лояльность	отчуждение индивидуального выбора, перенос ответственности за моральный выбор с индивида на организацию
* солидаризация профессионала с интересами корпорации	патронально-клиентельные установки, отказ от не предписанной «инстанциями» суверенности решений и оценок внутрикорпоративной политики с помощью нравственных критериев

Я сталкивался с несколькими интересными исследователями корпоративной этики, которые говорили: «Моральный выбор индивида очень ненадежен, неизвестно, куда он поведет. Поэтому, лучше полагаться на моральную ответственность организации в целом». Таким образом, не мы, а корпорация – субъект нашего морального выбора. Но чем это для меня, профессора оборачивается? Я должен

отказаться от своих моральных решений, если они не предписаны инстанциями. Я не могу апеллировать к нравственным критериям, если они не согласованы с внутрикорпоративной этикой. Как быть в этой ситуации: профессор, морально чувствительный субъект, который без организации не может работать, не может свою профессию реализовать, но организация предъявляет ему свои условия. Вот из-за чего, собственно, была затеяна тема сегодняшнего семинара.

Л.Л.МЕХРИШВИЛИ: Мы уже привыкли, что на ректорских семинарах затрагиваются «болевы́е точки» жизни университета, заставляя нас задумываться над очень важными вопросами.

Я бы опять хотела вернуться к тому вопросу, который Марина Владимировна изначально задала – о соотношении идеального и реального. О чем мы все-таки говорим? Если об идеальном уровне, то что тут обсуждать? Этика профессора была, отголоски ее сегодня есть, и мы, конечно, всеми силами хотим ее сохранить. А если мы все-таки говорим о реальном сегодняшнем уровне, то нам нужно признаться, что трансформационные процессы касаются не только системы вузовского образования. Мы вообще живем сегодня в трансформирующемся мире и хотя многие элементы этой трансформации мы не приемлем, но они объективно существуют. Межсистемный кризис, о котором говорят сегодня социологи, порождает множество конфликтов. И неясно к чему эти конфликты приведут. Ситуация вузовской системы – маленький элемент конфликта мирового.

Мы сегодня говорим о дуализме двух этик. Очевидно, что дуализм, конфликтность детерминированы и объективно, и субъективно. Объективность конфликта обусловлена внешней средой, которая задает корпоративные правила жизнедеятельности университета. Задает и навязывает. Субъективность обусловлена тем, насколько вуз это принимает в организацию своей жизнедеятельности, и пытается ли он сохранить традиции академической культуры. И профессиональное сообщество, и конкретно каждый профессор. С одной стороны, профессор должен умудриться как-то жить в этих корпоративных нормах и правилах. С другой стороны, он должен попытаться сохранить профессиональную мораль. А сохранение системы ценностных ориентаций профессии в современных условиях требует от профессора очень больших усилий. И главная проблема сегодня, как мне представляется (об этом уже говорила Вера Владимировна Гаврилюк), – насколько сильны сегодня устои академизма профессорского? Вообще сегодня они еще остались? И в каких масштабах? И будут ли они в ближайшее время востребованы.

В чем кризис системы высшего образования? Я отношу себя к среднему поколению профессорского сообщества. И стоит ли нас

сегодня убеждать – корпорация мы или академическое сообщество. Конечно, мы скажем, что академическое сообщество. И если спросят, важны ли для нас академические этические принципы? Мы ответим: конечно, важны. Но очень сложно сказать: насколько они будут нужны уже завтра в условиях межсистемного конфликта.

Хочется верить, что система себя сохранит, если мы будем заставлять, побуждать себя сохранять моральную основу нашей профессии, которая пока еще пишется с заглавной буквы.

В.Н.СЫЗРАНЦЕВ: Я отношусь к плеяде профессоров старшего поколения. Хотел бы обратить внимание на следующее: сколько за последние пять лет у нас в университете появилось новых профессоров, с ученым званием «профессор»? (Это относится напрямую к вопросу о поддержании академической среды, той среды, в которой мы работали.) Ответ может быть таков: несколько, либо единицы. Лет через пять у нас уже профессоров останутся единицы. В такой ситуации, к сожалению, академическая среда сама исчезнет. Можем ли мы сопротивляться этому? Вряд ли. Министерство сейчас поставило нас в такие рамки, когда для получения звания «профессор» нужно выполнить практически невыполнимые нормы. Это стало настолько сложным, что профессорами могут быть единицы. А не будет профессора – не будет и этики профессора, на мой взгляд.

Теперь, если попробуем сравнить, как мы учились, что мы могли делать и то, что сейчас молодые ребята делают, то увидим, что это разные миры. У меня было очень много работ по России, мы создавали новую технику. Сегодня я вижу, что ребята, которых мы учим, вряд ли смогут создавать новую технику. Надеюсь, что все-таки сложится ситуация, когда общество поймет: надо учить так, чтобы мы могли что-то создавать в процессе учебы и дальнейшей работе. В этой связи я бы хотел обратиться к картинке (на слайде «Виды регулирования поведения»), на которой изображен обруч. Полагаю, что первым, кто прыгает через этот обруч, следует поставить кого-то с бородой – профессора, а уже за ним молодежь. То же самое можно отнести и к картинке с шестеренками: люди, которые бегут сверху, должны быть профессора. Если профессура еще может бегать (тогда и все шестеренки вместе начинают вращаться), то и университетская корпорация работает. Но не так просто заставить шестеренки работать – здесь должна быть плеяда профессуры, которая еще что-то может делать и знает, как «ноги переставлять».

Н.А.КОСТКО: Я согласна со многими высказанными здесь суждениями. И хотя иногда они выглядят как противоположные точки зрения, на мой взгляд, они об одном и том же.

Первый мой тезис о ценностях. XXI век, как известно, век борьбы за ценности. Ценности не исчезнут, и мораль не исчезнет. Вопрос в том, как ценности будут выстроены, кем они будут выстроены, какие системы ценностей будут восприниматься как более привлекательные.

Второй тезис. Корпорация-организация действует по законам менеджмента, у нее есть свои цели, задачи и свой субъект управления. Цели и задачи субъекта управления университетом не всегда совпадают с целями и задачами субъекта университетской корпорации – профессорско-преподавательского состава. Когда цели и задачи организационно-управленческого блока замещают ценности и интересы профессорско-преподавательского состава, на первый взгляд, видно, что корпорация развивается. Она получает новый статус и новые качества. Но это явление временное. Подлинное развитие университетской корпорации невозможно без развития таких субъектов, как профессура и студенты.

Если корпорация хочет избежать развала, гибели, уничтожения, потери своих конкурентных преимуществ, – субъекты управления университетской корпорации должны находить механизмы взаимодействия с другими субъектами корпорации, а не подавлять их.

Обратите внимание, как только студенты и профессура, выпадают из диалога с субъектами управления, так университетская корпорация со своими задачами не справляется. И это закон, на котором надо постоянно акцентировать внимание. На мой взгляд, даже сегодняшний наш диалог, это как раз одна из площадок, где происходит диалог субъектов университетской корпорации, в процессе которого могут обнаружиться точки соприкосновения. Я согласна с Ламарой Ленгизовной Мехришвили, что мы после этих семинаров выходим с пониманием того, что надо осмыслить происходящее. В повседневной нашей деятельности мы не всегда уделяем этому время – приходится заниматься другими вопросами. И нам не следует уходить от разговора о ценностях, за них надо бороться, их надо проговаривать, формировать.

Еще маленькое дополнение. У нас в Тюменской области докторов-профессоров 184 человека. Эта цифра на 2015 год, в 2004-м году было 64. Как видим, рост почти в три раза. Может, следующий семинар в таком составе проведем?

Л.Н.РУДНЕВА: Мне бы хотелось вернуться к слайду «Виды регулирования». Наверное, каждый из нас посмотрел и подумал: а как мою деятельность в вузе можно регулировать. Что «нельзя» – я давно усвоила, наверное, этого и не делаю. «Клятву Гиппократата», в силу своей профессии, я не давала. Картинка «Маяк» понятна.

Следующие картинки навели на такое размышление: когда-то, до 1996 года, мы еще писали учебные планы, все работало более или менее слаженно – был заведенный механизм, который работал без сбоев, крутились шестеренки. И вдруг бежать стало невозможно – скорости начали меняться, маховики между собой перестали согласовываться. Обычные регуляторы перестали работать. И в такой ситуации, пожалуй, единственный регулятор, который всегда работает – это «кнут». Когда я писала образовательные программы, встречалась с преподавателями, столкнулась с нежеланием работать даже в рамках своей профессии, даже когда у нас личностные отношения. Действительно, трудно не согласиться с тем, о чем как-то сказал один руководитель крупной нефтяной компании: сегодня есть единственный мотиватор – это страх, страх снижения заработной платы, страх потери работы... Это актуально и для нашей профессии. Сегодня, чтобы быть в профессии, нам надо учиться каждый день, для того чтобы быть впереди студента на шаг. Но мы к этому не готовы. Я вижу пока только этот регулятор. Мы все время говорим о том, что нас, профессоров, недооценивают. Но, по большому счету, мы сами себя недооцениваем. Не ценим себя, когда не доносим до студента то, что должны донести: порой приходим на лекцию не подготовленными, полагая, что и так что-нибудь «наговорим»; когда сами над собой не работаем.

Трансформации в университете и университета (позитивные и негативные) начинаются с каждого из нас. В первую очередь нам самим необходимо трансформироваться - исходя из этики профессора.

А.В. ПАНФИЛОВ: Я не профессор, а только учусь..., тешу себя надеждой, что отношусь еще к молодежи. Изначально, получив приглашение на этот семинар, задумался: а есть ли вообще противоборство корпоративной и профессиональной этик? Насколько я понимаю, если здесь было правильно применено слово «цех», то очевидно, что корпоративная этика родилась из этики цеховой, т.е., сообщества профессионалов. И, следовательно, если мы говорим о правильно выстроенной корпоративной этике, она должна в первую очередь отражать этику профессионала, на ней строиться, на ней зиждиться.

Второе, что меня немножко смутило, это заглавие «Трансформирующийся университет». Вот Вера Владимировна Гаврилюк сказала, что трансформация должна иметь какую-то конечную цель, переход из чего-то во что-то. Мы же имеем дело именно с хаотическим развитием, когда нас кинули в какой-то котел. И что из этого получится, на настоящий момент пока не понимает никто – как в плане общего образования в стране, так и, в частности, на каждом отдельном

этапе. И здесь, мне кажется, надо говорить не о противоборстве – в рамках классической формулы «единство и борьба противоположностей», – а именно в рамках, наверное, концепции кентавристики, где говорится о том, что есть две части, которые хотя и противоположны друг другу, несовместимы друг с другом, но жить не могут одна без другой. Думаю в этом плане наше направление надо двигать.

Далее, по роду профессии я привык работать с мыслеобразами, поэтому хотел бы вернуться к слайду «Виды регулирования». Если в нем картинки «знак поворота» и «маяк» поменять местами, то будет хорошо видно, что верхний уровень регулирования – это вариант служения: служения человеку, Богу. «Маяк» немного спорный момент, потому что мы его ставим в особо опасных местах. А нижний уровень – это и будет именно служба. И вот тогда эта граница становится более ясной с точки зрения того, куда двигаться. Единственное замечание к картинке с шестеренками: мои основы технических знаний позволяют сказать, что механизм не работает. И в этом может быть и есть основная идея: что механизм не работает, работать он сможет тогда, когда мы сами поймем, что мы хотим и к чему движемся.

В.И.БАКШТАНОВСКИЙ: Итак, мое заключение. Мотив выбора темы семинара отражен в образе Сизифа – как его осмыслил Альбер Камю. Когда я пытаюсь говорить в аудитории, в которой я не обучающий, а сорефлексирующий, и когда заранее могу представить, как аудитория будет реагировать на размышления о моральной проблематике, да еще в тех условиях, в которых мы живем сейчас, в том числе в университете, то я примерно могу предвидеть набор аргументов: скептических, пораженческих, просто нейтральных, пофигистских. Я и сам могу рассуждать скептически, пораженчески, пофигистски при разговорах на моральные темы. Но моя позиция, которую можно назвать высоким словом «кредо», в такого рода ситуациях выражена на картинке – постоянном символе ректорского семинара. Сизиф, как вы помните, в интерпретации философов-экзистенциалистов, действовал с установкой безнадежной решимости, без надежды на успех – его вел долг. В этом сюжете есть своя религиозная подоснова, но в переводе на светский язык можно говорить о нравственном долге, который человек исполняет независимо от того, гарантирован ли ему успех, или шансов на успех очень мало.

Я хочу предложить нам всем попытаться отрефлексировать возможность применения этой позиции, сформулированной для человека, который решает свою *жизненную* цель, к решению ситуаций из жизни *профессии* – к ситуации профессиональной этики профессора.

В.В.ЕФРЕМОВА: Уважаемые коллеги, я скажу только три тезиса как участник, наблюдающий за этой дискуссией. Обсуждалась профессиональная этика профессора и корпоративная этика университета. Мне понравилось две вещи, насторожила и немного опечалила одна. Начну с печальной. Эта печаль, как мне показалось, звучала во многих выступлениях. Уважаемые профессора, был период ваших выступлений, когда вы говорили о корпорации, ассоциируя ее с вузом, а себя ставили отдельно от него. Это крайне печально звучит и крайне настораживает. Я надеюсь, что это вы говорили о неком абстрактном вузе, а не о том вузе, в котором мы имеем счастье иметь вас сотрудниками. Я не спрашиваю вас, а делюсь своим впечатлением.

Безусловно понравилось, что новые участники семинара – молодежь – досидели до конца семинара. Они очень просились на семинар, их не брали, они просились. Им разрешили, они примчались.

Мне понравилось, уважаемые профессора, и спасибо вам за то, что вы говорили каждый о своем личном понимании того, что происходит сейчас в контексте этических норм в университете. Спасибо Вам за эту откровенность.

Цель второго ректорского семинара 2017 г. – испытание гипотезы об опорном потенциале ценностей профессиональной этики для опорного университета. Гипотеза содержала три тезиса.

ФРАГМЕНТ ПРОГРАММЫ СЕМИНАРА

Гипотеза: тезис первый

Чтобы опорный университет сохранил метафизическую сущность своих ценностных ориентиров («Идея университета», «Миссия университета»...), т.е. остался собственно *Университетом* – ему предстоит задуматься о внесении в понимание его Миссии элемента, *превосходящего* функцию «фабрики профессиональных компетенций для экономики региона».

Для опорного университета одним из базовых элементов Миссии, *превосходящей* функцию «фабрики профессиональных компетенций для экономики региона» («кузницы кадров»), может и должно быть формирование ситуации, в которой рождаются смыслы и ценности профессиональной, прежде всего инженерной, этики.

Профессиональная этика, инженерная этика помещают заботу о потребностях экономики в более широкий контекст: Мира в целом, Общества, Культуры, Знания, Личности.

Как образовательная дисциплина, исследовательское направление, как практикуемая мораль, как мораль кодифицированная, профессиональная этика ориентирует на ценности профессии, формирует культуру размышления о ее смыслах.

Гипотеза: тезис второй

Профессиональная этика выделяет в профессии нравственную составляющую. Ключевыми для понимания природы профессиональной этики являются признаки «морального измерения» профессии: идея профессионального призвания и служения;

альтруистическая мотивация;

саморегуляция в широком смысле слова, которая предполагает самоопределение к профессии, свободу и автономию профессии, этические кодексы.

Признаки, профессионально-нравственной ситуации Университета.

✓ Массовизация профессий, ослабляющая роль призвания как доминанты морального сознания профессионала, усиление прозаического функционализма. Профессия все в меньшей степени оказывается объектом морального выбора: призвание не поддается тиражированию.

✓ Включение профессионалов в деятельность больших организаций и утрата их автономности.

- ✓ «Дикая» коммерциализация, усиление ориентации на профессиональный успех, безотносительный к средствам его достижения.
- ✓ Понижение роли профессиональных сообществ.
- ✓ Серьезные ошибки, совершаемые деятелями науки, образования, инженерного дела в профессиональной практике; рост безразличия к последствиям собственной деятельности. Профессии теряют доминанту Служения, обесценивают свою миссию.

Мировоззренческий аспект профессиональной этики

«В прошлом инженерная этика занималась главным образом проблемой, как добиться, чтобы работа была выполнена правильно. Сегодня же – самое время подумать о том, добьемся мы или нет, чтобы выполнялась правильная работа?» (инженер Стефан Унгер).

Установка на исполнение правильной работы – это мировоззренческий аспект профессиональной этики. Акцентирование предназначения профессиональной этики позволяет увидеть в последней элемент, *превосходящий функциональность*, ориентирующий такую этику на критическое отношение к практикуемым профессиональным нравам. На ее преобразующую роль относительно нравов профессии. Роль этических стандартов профессии приобретает даже большее значение для общества, чем непосредственное исполнение самих функций специализированного труда.

Профессиональная этика нацелена на выявление границ, пределов *власти над людьми*, которая возникает в процессе реализации специализированной деятельности. Профессиональная этика призвана, с одной стороны, оправдать власть профессионала в сфере его деятельности (без этого он не сможет выполнять свои задачи), с другой – ограничивать полноту власти, которой располагает воспитатель над воспитанником, ученый – над человечеством, политик – над гражданами, врач – над больным, журналист – над получателем информации, администратор университета – над профессором и т.д.

ВОПРОСЫ К ТЕЗИСАМ ГИПОТЕЗЫ

Насколько реалистична в опорном университете идея формирования и развития среды, в которой рождаются новые смыслы и ценности профессиональной, прежде всего, инженерной, этики – как опоры для опорного университета?

Насколько реалистична опора опорного университета на ценности профессиональной этики, формирующие миссию университета?

Гипотеза: тезис третий

Основным субъектом развития ситуации, в которой рождаются смыслы и ценности профессиональной, прежде всего, инженерной, этики является профессор. И метафизические сущности «Идея университета», «Миссия университета» конкретизируются в ценностях этики профессора.

Профессор – «первая и последняя инстанция», от которой зависит сохранение собственно *университетской* идентичности университета. Производство и трансляция научного знания – категорический императив Профессора. И основной ресурс конкурентоспособности университета в современном научно-образовательном пространстве – тоже Профессор.

ВОПРОСЫ К ТРЕТЬЕМУ ТЕЗИСУ ГИПОТЕЗЫ

Сохраняет ли этот тезис свою значимость для опорного университета? Или в таком университете роль Профессора как «Человека университета» *вторична* – уступая приоритет высококвалифицированным практикам с производства?

Университет, естественным образом позиционируя себя в регионе и в обществе, в состоянии ли инициировать и решать задачу культивирования профессиональной, прежде всего инженерной этики, не дожидаясь ни указаний «сверху», ни окончательного созревания запроса на эту задачу «снизу» – со стороны рынка труда, бизнес-структур, региона и общества в целом?

ФРАГМЕНТ СТЕНОГРАММЫ СЕМИНАРА

В.В.ЕФРЕМОВА: Уважаемые коллеги, по традиции продолжается и развивается в контексте актуальных для университета тематик семинар, который уже более двадцати лет назад получил название «ректорский». Второй в этом году семинар проходит осенью, дабы интеллектуально развеять осеннюю депрессию, если вдруг у кого-то она была.

Мы подготовили и попытаемся обсудить на сегодняшнем семинаре тему, основное понятие которой часто и, как мне представляется, не всегда правильно используется в определении нашего университета. Мы получили статус «Опорный университет», понимая, как создатели этой программы, что предполагала конкурсная документация с точки зрения понятия «опорный университет». Однако у нас сложилось впечатление, что далеко не каждый наш сотрудник и, что самое главное, профессор университета, готов быть сопричастным этому пониманию.

Поэтому мы хотим сегодня обсудить с вами смысловое содержание этого термина: как вы его понимаете, как будете его ретранслировать и, соответственно, какое участие каждый из вас – профессор, уважаемый в вузе человек – будет принимать в том, чтобы университет перешел из формального статусного – «опорного», к реально опорному для региональной экономики, российских отраслей экономики и вышел на мировое пространство в этом направлении.

Готовясь к семинару, мы обсудили наше понимание этого термина с ведущим нашего семинара – Владимиром Иосифовичем Бакштановским, и решили представить это понимание в названии семинара следующим образом: *«Метафизика опорного университета: опорный потенциал ценностей профессиональной этики»*.

Я хотела бы настроить вас на философское восприятие понятия еще и потому, что мы проводим семинар между двух больших научных праздников: вчера был Всемирный день социолога, завтра Всемирный день философии. Вот в рамках социально значимых позиций университета, с одной стороны, философского наполнения категории – с другой, мы и попробуем поговорить о смысле понятия «опорный».

Владимир Иосифович говорит о теме семинара как о гипотезе.

В.И.БАКШТАНОВСКИЙ: Я на большее и не решился бы. Уважаемые коллеги, раз вы сюда пришли, значит получили и приглашение в виде программы семинара. А поскольку вы получили программу семинара, значит кое-что уже не будет совсем неожиданным. И это даст меньший шок, чем могло бы быть, если бы вы программу не открывали.

Вероятно, вы обратили внимание на цель семинара:

испытание гипотезы об опорном потенциале ценностей профессиональной этики для опорного университета.

Мы говорим о гипотезе. Два раза здесь упоминается слово «опорный». Оно появилось в рамках очередной трансформации университета. И по нашим семинарам, и каждый по своим собственным профессиональным занятиям, мы знаем, что сегодня об университетах как только ни говорят с точки зрения их трансформации. Массовизация, коммерциализация, бюрократизация, индивидуализация – и еще многие иные прилагательные относительно термина «университет» звучат сегодня в публичном пространстве.

Как в этих постоянно меняющихся характеристиках сохранить или хотя бы не забыть идентичность университетов? Старые смыслы

все больше теряются, утрачиваются, а новые еще не сформировались. И вот появился новый смысл – «опорный университет».

ФРАГМЕНТ СЦЕНАРНОЙ РАЗРАБОТКИ

«Опорный университет» по отношению к разным внешним субъектам становится базовой или дополнительной (но очень важной) *точкой опоры*. Университеты являются опорой и в региональном, и в глобальном, и в отраслевом, и в профессиональном, и, конечно, в этическом аспектах. Наш опорный университет формируется

«Опорный», как известно, означает: прочный, надежный, значимый, постоянный и т.п. На такой университет в своих стратегиях могут полагаться территории, отрасли, бизнесы, города, регионы.

не с нуля, но на определенной основе, у него есть своя предыстория. Индустриальный институт и Строительный институт – Нефтегазовый университет и Архитектурно-строительный университет – Индустриальный университет. На этом пути предпринимались попытки осмысления нового имени, статуса, миссии... В центре внимания при этом стояла и разная степень понимания феномена Университета.

Казалось бы, «опорность» – признак очевидный, понимание такого типа университета не требует особых размышлений. Но так ли это?

ФРАГМЕНТ СТЕНОГРАММЫ

В.И.БАКШТАНОВСКИЙ: Прежде чем решиться внести в тему семинара слова «метафизика опорного университета», мы подумали, что уже много лет ректорский семинар навязывает его участникам метафизический уровень размышления. Может быть, сейчас настало время говорить на прагматичном языке и уйти от метафизики? Большой соблазн и у руководства университета, и у тех, кто участвует в разработке программы «Опорный университет», избавиться от этой метафизики. Но можно ли избавиться от характеристики «метафизика университета», если мы говорим об университете? О таких его характеристиках, как: дух университета, самосознание университета, идея университета, миссия университета?

Университет – это не только ранг вуза, который нам присвоило Министерство. Имя «университет» несет в себе – и мы из этого исходили, готовя семинар, – сверхзадачу, встающую за пределами функциональных обязанностей. Сегодня, наверное, здесь будет основное напряжение нашего обсуждения: это достоинство университета, если

он называется опорным или слабость его? Опорный университет рискует – такова гипотеза, выносимая на обсуждение, рискует стать настолько прагматичным, стремясь оправдать свой статус, что жертвует своей «университетскостью», своей идентичностью.

С одной стороны, от него ждут еще большей прагматичности (служить региону, обслуживать регион, обеспечивать регион). А с другой стороны, он может, вольно или невольно, утратить свои качества университета. Размышляя над этим противоречием, мы подготовили для вас некоторые аргументы.

Напомню, что в этой аудитории мы чаще пользовались таким метафизическим термином относительно университета, как «миссия» и реже термином «идея университета». Хотя среди исследователей природы университета принято рассуждать прежде всего об Идее университета – о концепции, которая дает то или иное понимание предназначения университета.

«Идея университета» – это метафизическая характеристика, она выражает смысл деятельности университета (во имя чего университет), а в Миссии выражена «цель целей».

Рефлексия классических и современных версий Идеи университета – условие определения университетской идентичности.

Некоторые версии Идеи университета представлены на слайде. В первоначальном варианте их было в два раза больше. Этот перечень включает только классические версии, а в целом их гораздо больше, в том числе суперсовременных версий Идеи – о суперсовременных университетах. Размышлять об университете, тем более о миссии университета, что более привычно нам, без соотнесения ее с Идеей университета – неконструктивно.

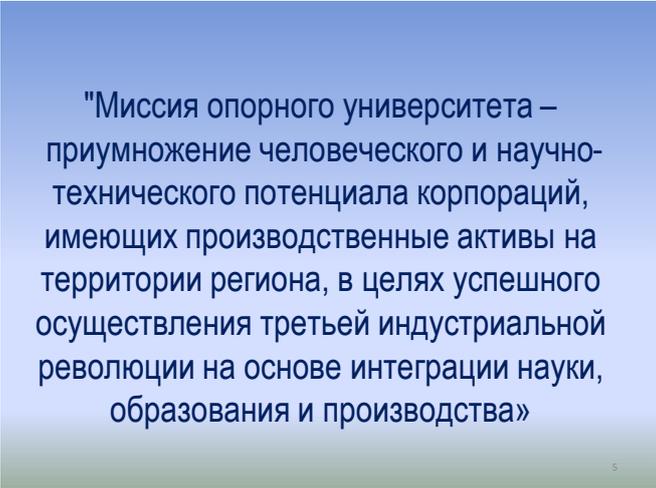
Версии Идеи университета

- совместный поиск истины сообществом исследователей и учеников (*К.Ясперс*)
- воспроизводство ценностных регуляторов, культурной подсистемы общества, поддерживающей рациональную организацию общественной жизни (*Т.Парсонс, Д.Платт*)
- университет – место, где обучают универсальному знанию... Его назначение – интеллектуальная культура (*Д.Ньюмен*)
- просвещение человека, приобщение его к культуре времени (*Х. Ортега-и-Гассет*)

И здесь возникает вопрос: на какую Идею университета ориентируется наш университет? Может быть, для этого стоит посмотреть на то, как сегодня определена наша миссия.

ФРАГМЕНТ СЦЕНАРНОЙ РАЗРАБОТКИ

У ТИУ – опорного университета – есть формулировка миссии. Этот новый – по сравнению с Миссией ТюмГНГУ – текст зафиксирован в специальном документе:

"Миссия опорного университета – приумножение человеческого и научно-технического потенциала корпораций, имеющих производственные активы на территории региона, в целях успешного осуществления третьей индустриальной революции на основе интеграции науки, образования и производства»

ВОПРОС ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ: А нам достаточно для понимания «цели целей» опорного университета такой трактовки: не слишком ли она прагматична?

ФРАГМЕНТ СТЕНОГРАММЫ СЕМИНАРА

А.А.СЕРЕБРЕННИКОВ: Мне представляется, что создатели этого текста при формулировке миссии ориентировались на какой-то период, а это не совсем верно. Сейчас все изменяется быстро, поэтому в миссии, наверное, правильнее было бы отражать какие-то фундаментальные смыслы. Увидев этот текст, я начинаю понимать, что, возможно, из миссии и появился девиз, который везде озвучивается: мы – первый вуз корпораций. Когда меня просят объяснить, что это такое, я отвечаю, что не знаю. Но если спросят студенты, то я должен что-то им сказать, а я, честно говоря, не понимаю, что работаю в первом вузе корпораций. Что заложено в этот девиз – надо, наверное, знать всем. И, может быть, я соглашусь с этим девизом, когда мне объяснят. И как корпорации признали нас первым вузом?

Вообще, Владимир Иосифович, мне кажется, что Вы нас направляет к обсуждению на тему: можно ли поставить знак равенства между пониманием «опорный вуз региона» и «региональный вуз». Для меня однозначно, что невозможно. Но, к сожалению, в выступлениях представителей руководства региона я неоднократно слы-

шал, что они вполне однозначно говорят о Тюменском индустриальном университете как о «кузнице кадров». Именно в этой роли они нас видят. Мы сейчас пытаемся сказать о том, что для нас это, наверное, не совсем так. И в этой связи важно понимать, что же все-таки от нас хотят. Потому что, как бы успешно мы сейчас ни теоретизировали, потом может получиться так, что это пустое сотрясение слов – если мы будем считать себя великими и на мировом уровне, а от нас не этого совсем ждут. И хотелось бы, чтобы здесь какое-то понимание было обозначено.

Региональный вуз в моем понимании – это все-таки вуз без особых амбиций, не претендующий на серьезные свершения и свою значимость. Опорный вуз региона, на мой взгляд, это весомый статус, значимое место, которых мы стремились достичь и достигли.

В.И.БАКШТАНОВСКИЙ: Видим ли мы в таком понимании миссии опорного университета, которое представлено на слайде, те метафизические смыслы, о которых пошел разговор? Скорее, это, как мне кажется, гиперпрагматизм. Мы должны себя спросить: мы готовы быть лишь «кузницей кадров»? Или мы хотели бы не забывать, что живем и работаем в Университете, и статус «опорный» не лишает нас статуса «университет».

В.В.ПЛЕНКИНА: Я хочу пару слов сказать в качестве замечания. Вероятно, ведущему семинара сложно отойти от выстроенных заготовок, траекторий движения наших мыслей. Представляется, что Вы опять хотите нас вернуть к разговору про черное или про белое.

Далее, я хочу ответить Анатолию Александровичу на его вопрос о том, откуда эта цитата. Я решила проявить инициативу и, получив программу семинара, открыла еще раз, не знаю в который, программу развития опорного университета. Так вот, уважаемые коллеги, то, что мы сейчас с вами читаем на слайде, это миссия, которая сформулирована для нашего университета в программе развития опорного университета, которая, как известно, имеет определенные временные рамки. И, я так полагаю, в какой-то степени созвучна, но не вполне коррелирует с нами, как с опорным университетом, если мы пришли на площадку «опорный университет» всерьез и надолго. Этой миссией открывается целый раздел «Миссия, стратегическая цель, стратегические задачи». И если дальше читать, то мы обнаружим: опорный университет в миссии-предназначении имеет уже акцент не только на крупные корпорации, но также на развивающиеся малый и средний бизнес в сфере высокотехнологичных услуг и уровня экономики. А если дальше идти по направлениям деятельности и по целевым задачам в отдельных направлениях деятельности, то тут в области образования можно прочесть следую-

щее: стать ведущим инженерно-образовательным центром, стать ведущим научно-инновационным центром в разработке техники и технологии и создании эффективного инновационного пояса; стать центром, обеспечивающим подготовку кадров по прорывным направлениям экономики. То есть, если посмотреть на этот текст миссии системно, то тогда, наверное, что-то высвечивается более-менее приемлемое для восприятия.

Я бы сейчас не стала сосредотачиваться на тексте этого определенного исторически документа, под который университету дают финансирование, под который его мониторят и т.д. Надо, наверное, подумать о том, что нам предстоит сформулировать миссию опорного университета как не имеющую каких-то временных ограничений и территориальных притязаний, то есть на более отдаленную и значимую перспективу. И тогда идеи, которые представлены на слайде «Версии Идеи университета», и в этой миссии были бы представлены не через «или, или, или», а через «и, и, и», то есть не через противопоставление, а собраны воедино.

В.И.БАКШТАНОВСКИЙ: Хорошо, что мы можем уточнить текст этой миссии, в том числе по тем признакам, о которых сказала Вера Владимировна Пленкина. Однако, как бы мы его ни уточняли, как бы ни стремились сделать более гибким, более разносторонним, чувствуем ли мы разницу ценностных посылов, заложенных в перечисленных ранее на слайде Идеях университета (совместный поиск истины сообществом исследователей и учеников; воспроизводство ценностных регуляторов, культурной подсистемы общества, поддерживающей рациональную организацию общественной жизни; университет – место, где обучают универсальному знанию) – и в представленном здесь тексте Миссии ТИУ? Возможно, кто-то скажет, что надо искать некую третью позицию, или более гибкие формулировки находить. Но я сохраняю свой тезис: мы излишне прагматизируем понимание опорного университета, даже если попытаемся это понимание усовершенствовать с помощью подхода, который защищала Вера Владимировна.

Е.В.АРТАМОНОВ: Я полностью поддерживаю предложение Веры Владимировны. Исходя из этого, предлагаю сконцентрировать внимание в обсуждении на какой-то из версий. Куда дальше вести разговор: или рассматривать вариант, административно существующий сегодня, или вневременную перспективу нашего опорного университета. Может быть, стоит, действительно, разделить два направления. Есть официальное направление, принятое на сегодняшний день, и мы в нем живем и работаем. И есть – мы же думаем не об одном дне университета, а на десятилетия вперед – перспективное

видение университета, которое сегодня может и не родиться, но мы можем попытаться наметить общий подход, общее понимание опорного университета без привязки, допустим, к индустриальной революции, сиюминутным задачам.

В.В.ЕФРЕМОВА: То есть, получив статус – стать? Я конкретизирую, почему именно об этом сейчас идет разговор, не давая оценки фрагментам документов, которые мы сегодня используем. Дело в том, что понимание статуса в системе высшего образования, как оказалось, – в последнее время вещь условная. В 2018 г. заканчивается программа развития научно-исследовательских университетов, федеральных университетов. Это были программы развития. История опорных университетов и ее видение учредителем – Министерством образования и науки – несколько, мы надеемся, иная. Только у конкурса на этот статус появилась третья волна. Иными словами, в идею опорного университета закладываются дополнительные шансы для вузов.

Любые программы развития предусматривают изменения, но для нас главное – обозначить свое новое предназначение. Об этом мы и хотели поговорить, и мы вполне естественно вышли в дискуссии на вопросы о том, что такое статус и всегда ли статус для вуза имеет значение.

В.Н. СЫЗРАНЦЕВ: Несколько слов о понятии «опорный». Поскольку я машиновед, то для меня эти термины: «прочный», «надежный» – выражают целое научное направление. И я хотел бы вот о чем сказать (вряд ли присутствующие здесь, в основном гуманитарии, это знают), когда рассматривается прочность: опереться можно только на то, что сопротивляется, иначе болото, и можно легко провалиться. Если мы говорим, что наш университет называется «опорный», то надо знать, на кого или на что мы будем опираться, для того, чтобы, действительно, соответствовать этой характеристике.

Я приведу пример: с 1 января 2018 г. в Томском политехе будут ликвидированы институты, кафедры, останутся только научные школы. Томский политех будет опираться на научные школы. А на что будем опираться мы? Сопротивляться могут профессора, которые не воспринимают многое из происходящего, – и это правильно. Правда нас никто не спрашивает. Сопротивляться будут предприятия – это мы испытали по полной программе, перестраивая практико-ориентированное обучение. Если мы определим для себя свои опоры, тогда я согласен, что перестанем быть просто университетом, а станем опорным.

М.В.БОГДАНОВА: После такого уточнения характеристики «опорный», на ум гуманитария приходит разве только понятие «антихрупкость» Нассима Талеба.

Что за сущность «опорный университет»? Просмотр ресурса на сайте НФПК (как известно, он является координатором проекта «Опорный университет»), где представлены новости всех существующих на сегодняшний день опорных университетов, не помогает в обнаружении специфических признаков такого вида университетов. Пожалуй, остается один способ – дискутировать и анализировать дискуссии на соответствующие темы.

Например, все присутствующие здесь знают, что в двадцатых числах сентября в Тюмени проходил Тюменский нефтегазовый форум. Интересны, на мой взгляд, в контексте нашего сегодняшнего разговора были выступления трех спикеров на панельной дискуссии «Кадры решают. Новые подходы к обучению персонала ТЭК», модератором которой была Вероника Васильевна Ефремова. Одно из них – выступление Евгения Задорожного, генерального директора ООО «РН Уватнефтегаз» (это те самые транснациональные корпорации, которым – по цитированному выше тексту миссии – мы должны содействовать в приумножении активов). В своем выступлении он апеллировал к университету не как к сфере обслуживания. По крайней мере, я так его выступление услышала. Он говорил о том, что на производстве есть нерешенные и не решаемые сегодня наличными у корпорации интеллектуальными ресурсами проблемы. Эти проблемы накапливаются и через какое-то время станут основным препятствием для развития и деятельности. И он обращался к университету как к партнеру – чтобы помочь коллективно решать эти проблемы. Как я поняла из выступления, он говорил о том, что именно знание может помочь восполнить непонимание грядущих перемен.

Другой спикер – Игорь Шпуров, генеральный директор предприятия «Государственная комиссия по запасам полезных ископаемых» – в своем выступлении обратился к университету с призывом работать над тем, чтобы развивать экспертный потенциал в сфере запасов полезных ископаемых. И это было обращение к университету как к партнеру, субъекту, обладающему уникальным ресурсом для такой деятельности.

Третий спикер – Вадим Шумков, заместитель губернатора Тюменской области. Была транслирована позиция власти, в соответствии с которой предназначение нашего университета: обслуживать регион, служить интересам региона, быть кузницей кадров.

Три субъекта транслировали в дискуссии различные подходы, разное понимание, разные ожидания – различные идентификации

университета. И когда мы пытаемся определить для себя, что такое опорный университет, то, наверное, стоит поразмышлять над тем, как мы себя определяем и как университет видят субъекты региона, с которыми мы взаимодействуем. И, может быть, так мы точнее определим наши опоры.

В.И.БАКШТАНОВСКИЙ: Я хочу напомнить нашу гипотезу, которая представлена в программе.

Гипотеза: тезис первый

Чтобы опорный университет сохранил метафизическую сущность своих ценностных ориентиров, т.е. остался собственно *Университетом*, целесообразно задуматься о внесении в понимание его идентичности элемента, *превосходящего* функцию «фабрики профессиональных компетенций для экономики».

Для опорного университета одним из таких базовых элементов может и должно быть формирование среды, где рождаются смыслы и ценности профессиональной, прежде всего, инженерной, этики.

Профессиональная этика, инженерная этика помещают заботу о потребностях экономики в более широкий контекст: Мира в целом, Общества, Культуры, Знания, Личности.

Опорный университет лишен и возможности, и права пренебрегать требованиями заказчика. Но речь идет о том, что есть ориентиры, которые не сводят, не дают свести идентичность университета к кузнице кадров. Своим заказчиком университет должен видеть не только производст-

венную сферу, но и общество в целом.

В этой гипотезе есть претензия на то, чтобы понимание миссии университета поднять выше функции «фабрика профессиональных компетенций для региональной экономики». Очевидно: было бы наивно пренебрегать требованиями заказчика в виде региона или высших инстанций. Но не только на такой заказ работает университет.

О.М.БАРБАКОВ: На мой взгляд, сейчас здесь происходит диалог физиков и лириков. Потому что видение представителей технических направлений можно понять четко. Действительно, есть четкий заказ региона, и мы никуда от этого не денемся. Это мы должны исполнять. Как понимаю, вы, Владимир Иосифович, говорите, что из этой миссии уходит то, что представлено в классических определениях университета: дух университета, нравственность, интеллектуальная культура и т.д. В цитированном выше тексте миссии опорного университета этого нет. Однако, если совместить прагматику и Идею университета, тогда мы могли бы какой-то компромисс достигнуть - иначе, на мой взгляд, физики и лирики никогда не достигнут взаимопонимания.

О.Ф.ДАНИЛОВ: Я согласен с гипотезой, ее первым тезисом. Но я бы разделил аудиторию не на две группы – лирики и физики – а на

три. Ведь здесь еще и управленцы есть. Именно они и формируют, может быть, по заказу Министерства, участвуя в грантах, некие прагматичные термины, определения, которые появляются потом на сайте. Мне кажется, Владимир Иосифович, то, о чем Вы говорите, очень важно. А нельзя ли нам все-таки выделить в миссии университета три составляющие: физический смысл, метафизический и прагматический смысл? Почему мы их должны противопоставлять-то друг другу? Прагматичность здесь совершенно очевидно появилась - в связи с условиями программы опорного вуза. И как бы ни звучала здесь миссия, она была вызвана тем, что термин «опорный», как вы его определили, это действительно что-то крепкое, прочное, на что можно опираться. Именно поэтому в миссии и обозначено: первый вуз корпораций – это прагматичное определение. Но это не мешает нам сформулировать и метафизический смысл. Ведь то, что касается воспитания гражданина, личности – это тоже университет. И как не поддержать гипотезу, если в тезисе первом гипотезы как раз об этом и идет речь. Я категорически это приветствую. Мне кажется, что метафизический смысл мы должны более широко истолковать с помощью социологов и философов и взять его за основу как один из смыслов нашего опорного университета.

Е.Ю. ДЕЕВА: Я как управленец хочу прояснить ситуацию с формулировкой миссии. Когда формировалась Программа развития опорного вуза, к этой программе был предъявлен целый ряд требований. Некоторые из наших стратегических проектов, как я предполагаю, не были приняты потому, что они носили более научный характер. И те люди, которые выдвигали требования по этой программе, говорили: «Это другие программы». То есть, программа опорного вуза не призвана описывать университет в целом, она четко, определенно под конкретные задачи была поставлена, и так формировалась. О наших ТРИЗах, которые были о науке, сказали: «Это все хорошо, но это не сюда. Потому что это про науку». И мне кажется, ставить знак равенства между пониманием опорности и университетом в целом нельзя. Это и не было предусмотрено. Это разные вещи. Это один из аспектов деятельности университета.

В.В.ЕФРЕМОВА: Дискуссия уже вышла и должна была выйти за рамки программы. Основной ее вопрос: кто мы для региона. Статус – это мы, или статус нам присвоен, потому что мы выиграли программу. Вот об этом речь идет в нашей основной дискуссии. И кому как не вузу самому определяться.

Я хочу Олегу Федоровичу Данилову ответить. Я бы не делила аудиторию на три части, потому что управленцы тоже имеют базовое образование и условно могут отнести себя к какой-то группе на-

ук. Поэтому мы и хотим выстроить понимание вуза внутри региона, внутри России и в мире на будущее так, чтобы эти статусы прирастали любыми другими определениями. Статус «опорный университет» по сравнению со статусами, например, «федеральный университет», «научно-исследовательский университет» не очень звучит, не правда ли? Его создатели говорят, что искали вузы – основные для отраслевого развития страны. Те, кто не побежит впереди, а будет содействовать развитию отстающих по разным причинам отраслей народного хозяйства.

Давайте, подумаем все-таки о том, какая у университета будет амбиция на будущее. Что мы для этого региона? Вуз, который куёт инженеров и только? Или все-таки намного шире? За нами корпорации? Я не соглашусь с тем тезисом, что предприятия не хотят с нами сотрудничать. Они, скорее, сопротивляются нашему нежеланию идти навстречу им. А то, что запрос с большой для региона трибуны к нам, как к экспертам, был озвучен трижды, я считаю заслугой нашего университета, какой бы статус мы сейчас ни обсуждали. Может быть, в этом для них и состоит смысл «опорный университет». Если мы получили этот статус, попытаемся осмыслить его. И прав был Анатолий Александрович Серебренников: студентам это надо объяснить. Они-то далеки от наших программ, попыток занять какое-то место. Им университет важен в другом отношении.

В.В. ПЛЕНКИНА: Я думаю, что мы сегодня в рамках отведенного времени не сформулируем в окончательной редакции миссию опорного университета, основанную на какой-то конкретной идее. Но, договориться, какие отдельные признаки, целевые ориентиры эти понятия должны содержать, наверное, можем.

Меня смущает, когда дискуссия, особенно в таком формате как семинар, начинает апеллировать диагностическими понятиями типа: физики-лирики, материалисты-идеалисты и т.д. Каждый из нас, в зависимости от базового образования, несет в себе эти начала. В день зарплаты мы становимся материалистами, в процессе труда мы хотим идеальных условий и результатов достичь, жить общечеловеческими ценностями. Безусловно, Владимир Иосифович, то, что Вы предлагаете, имеет смысл, во всяком случае, это пища для размышлений о формулировке идеи, миссии опорного университета и вообще о том, по какому вектору университету дальше жить и развиваться.

Но видеть университет как структуру, которая прежде всего формирует профессиональную инженерную этику, наверное, не совсем правильно. Тут должен быть разумный прагматизм – мы живем в этих условиях. Конечно, стоит поразмышлять, какие признаки опор-

ного университета делать определяющими, что идет следом за ними. В целом я со всеми гипотезами, предложенными на семинаре в основе своей согласна. Но они должны быть увязаны и с теми реалиями, в которых мы сегодня живем.

О.Ф. ДАНИЛОВ: Мне представляется, Вера Владимировна, что мы не должны на нашем семинаре формулировать миссию. И мне кажется, наш модератор правильно ведет к обсуждению ценностей. В первом тезисе гипотезы, если обратиться к слайду, речь идет о смыслах и ценностях, которые вырабатывает университет.

И нам предстоит сформулировать ценности, которые должны быть основой, стержнем опорного университета. Прагматические ценности – быть экономическим фундаментом региона, «кузницей кадров». Никто не снимал с нас эти задачи. И прагматические ценности – воспитание гражданина, условно говоря. И еще многие другие ценности, о которых сегодня говорил с нами Владимир Иосифович и о чем мы давно не говорили, кстати.

В.Г. ПОПОВ: Может быть, нам стоит кодекс разработать, допустим, для преподавателей разных направлений, для студентов. Таким образом мы сможем объединить профессиональные, гуманитарные компетенции. И потом уже работать с этими компетенциями. Так мы сможем точнее определить, куда нашему университету двигаться. Имея определенный текст, легче говорить о ценностях, анализировать эти ценности.

М.Л. БЕЛОНОЖКО: Мне представляется, что сложности с определениями миссии вызваны тем, что мы пытаемся как-то усовершенствовать понимание классической миссии университета. Есть понимание классической миссии университета, к которому мы привыкли. Есть классическая цель университета и его предназначение, характеризующие, для чего были созданы университеты еще в средневековье. Но то, что сегодня закладывается в понятие университетского образования, устраняет классическое определение миссии университета.

Мы сколь угодно долго можем спорить о том, что не правильно, а что правильно из происходящего сегодня в сфере университетского образования. Что, например, нельзя профессора считать ниже практика, который приходит в аудиторию с производства и будет рассказывать о современном опыте. Мы знаем, что многие практики таковыми просто не являются. Но тем не менее это реальность, в которой мы живем. Мы здесь сегодня в основном теоретизируем, но это какая-то параллельная реальность. Мы как угодно можем формулировать миссию и цель университета, но мы прекрасно понимаем, что не можем себе позволить не «играть по правилам», которые

нам заданы извне. Это первая моя мысль. А вторая мысль – я согласна с Еленой Юрьевной Деевой в том, что никто не подразумевал убирать высокое понимание миссии университета, что предложенное в исходных документах понимание миссии опорного университета – это была определенная программа развития вуза, ориентированного на развитие конкретного региона. Именно эта программа и легла в основу текста миссии.

В.И.БАКШТАНОВСКИЙ: Наши коллеги – Тольяттинский опорный университет – на своем сайте разместил текст.

Он немножко похож на кодекс, о котором только что мы говорили, немножко на манифест, немножко на методическое пособие. Но определенное видение профессиональной этики инженера здесь представлено. Я в этом понимании инженерной этики сконцентрировался на последней строчке: «способствовать повыше-

нию качества проделанной работы». Вообще-то это нормальное требование, но я в нем увидел некий «подвох». Потому что современная этика профессии не может, не должна сводиться к тому, чтобы ценностно обеспечивать правильное исполнение работы. Те, кто помнит наши прежние семинары, возможно, вспомнит и рассуждение инженера С.Унгера: «В прошлом инженерная этика занималась главным образом такой проблемой: как добиться, чтобы работа была *выполнена правильно*, а сегодня самое время подумать о том, добьемся мы или нет, чтобы выполнялась *правильная работа*». И это, действительно, так. Мы слишком долго были сосредоточены на том, как обеспечить правильное выполнение работы. Нормальное требование, значимое требование, без него не может развиваться профессиональная этика. Но, обеспечиваем ли мы выполнение правильной работы? Работа должна быть правильная – это мировоззренческое требование от профессиональной этики, и его-то мы предложили в своей гипотезе для того, чтобы рассуждать о ценностных опорах для опорного университета.

А.А.СЕРЕБРЕННИКОВ: Это, действительно, очень интересный тезис – «чтобы выполнялась правильная работа». Однако целесообразно продумать, что мы подразумеваем под словами «правильная

работа». Полагаю, они означают умение правильно стратегически планировать. А это очень важный критерий – понимать, что мы хотим получить через три, пять лет в нашей профессиональной деятельности. Если нам удастся обозначить такие реперные точки, тогда и нашим заказчикам, региону, области, и нашим студентам, и преподавателям будет понятна перспектива. И мы сможем уточнять, анализировать, корректировать нашу траекторию.

В.И.БАКШТАНОВСКИЙ: Заключительная реплика. Наш семинар шел с вполне естественной дозой трудности. И хотя мы достаточно регулярно встречаемся на ректорских семинарах, остается рассогласование гуманитарного языка и языков естественно-научного и технического. Семинар был задуман для того, чтобы усилием руководства университета, рабочих групп, которые помогают университету обеспечить выполнение взятых на себя обязательств, связанных с новым статусом, помочь сделать более открытым свой слух и свои глаза на простую мысль: освоение статуса опорного университета предполагает рефлексию об определенных ценностях. И если мы иногда забываем, что говорим на языке ценностей, то мы всегда чего-то недоговариваем, чего-то не проясняем себе при обсуждении самых насущных, прагматичных тем и вопросов.

В.В.ЕФРЕМОВА: На первый взгляд, слова инженера С.Унгера о «правильной работе» представляются некой абстракцией. Однако их использование в осмыслении метафизики опорного университета настраивает на особое восприятие инженерной этики, инженерной деятельности, инженерного образования. Если говорить об инженерном образовании, то речь идет, наверное, о том, чтобы наши студенты – будущие инженеры – учились думать и говорить о своей профессии целостно.

Благодарю вас, уважаемые коллеги за то, что вы пришли сегодня на наш семинар. Это наша с вами задача – думать над будущим университета. Используя запас опыта и интеллекта, вырабатывать правильные понятия, осмысливать в контексте университета понятия, которые порой незаметно, без осмысления входят в нашу университетскую жизнь, создавая риски подмены ценностей университетской деятельности.

Обзор ректорских семинаров демонстрирует опыт рефлексии профессорами и руководителями структурных подразделений ТИУ как ценностных конфликтов, возникающих в процессе трансформации университета, так и возможных направлений научно-образователь-

льной деятельности университета, превышающих приписанные ему статусом задачи. Этот опыт показал и проблемные зоны. Одни из коллег еще не столкнулись в своем опыте с такой проблематизацией, поэтому их больше волнует прагматика, чем этика. Часть участников ректорского семинара не склонна думать о роли морали, считая ее лишь «бантиком», поэтому «не видят» вообще ситуаций морального выбора, «проходят» мимо них. Другие, вероятно, не готовы вслух рефлексировать, опасаясь административных последствий.

Заявленные на семинарах темы и их проблематизация являются в целом острыми, но имеют свои особенности. Рефлексию такого рода проблематизаций организовывать, скорее всего, целесообразнее в два этапа. Сначала *отдельно*, как минимум, с тремя группами: администраторами, профессорами, поколением будущих администраторов и профессоров, а затем – на общем, итоговом семинаре.

Ректорские семинары 2017 года показали, что рефлексия как нового статуса университета, так и университетской идентичности в условиях трансформации высшего образования, является актуальной, в том числе и как способ внутриуниверситетских коммуникаций.

Список литературы

1. Аржанова И.В., Дерман Д.О. Опорные вузы России: ориентация не на индикаторы, а на результат // Федеральный справочник - Образование в России. № 12. 2017. С. 171-175.

2. Бакштановский В.И., Богданова М.В. «Исполнение правильной работы» – доминанта этики инженера (аналитический обзор ректорского семинара) // «Что такое хорошо и что такое плохо?» в инженерном деле. Ведомости прикладной этики. Вып. 44 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2014.

3. Бакштановский В.И., Богданова М.В., Новоселов В.В. Рефлексирующий университет: Рабочая книга ректорского семинара. Монография. – Тюмень: ТюмГНГУ. 2013.

Императивы Этики Севера

В рубрике «Из истории инновационной парадигмы» в 51-ом выпуске «Ведомостей» публикуется один из результатов работы институции, ставшей ближайшим предшественником НИИ ПЭ – лаборатории прикладной этики ИПОС. Здесь представлены избранные тексты из сборника материалов экспертного опроса, проведенного в 1990г. лабораторией прикладной этики в рамках ее проекта «Арктические ценности: выбор сбалансированного пути развития (циркумпольная аксиология и праксиология)»¹.

Это был один из проектов серии гуманитарных экспертиз процесса нового освоения в Тюменском нефтегазовом регионе. Имея самостоятельное значение, проанализированное в специальных работах², эти экспертизы принесли опыт «экспертизы экспертиз» – гуманитарной экспертизы подходов и результатов серии частнонаучных экспертиз и, в содержательном плане, опыт рефлексии этической значимости понятия «человеческое измерение».

В рамках проекта «Арктическая политика: человеческое измерение» была предпринята экспертиза концепции сбалансированного развития, точнее – идеи, которой еще только предстояло развернуться в концептуальную систему. В процессе экспертного опроса и построенного затем на его основе игрового моделирования версиям сбалансированного развития Севера предстояло, во-первых, отстоять себя средствами морального обоснования и оправдания не только перед альтернативными императивами типа «закон-тайга» или «человек человеку и природе – Друг», но и перед результатами реконструирования стоящих за идеей нравственных идеалов, ценностей, норм и, во-вторых, испытать себя на толерантность к иным моральным ценностям, на сотрудничество с ними. Участникам экспертизы предстояло, в том числе, отрефлексировать этическую значимость самого понятия «человеческое измерение», попытавшись определить его, реагируя на суждение о том, что это лишь «речевая

¹ «Арктическая политика: человеческое измерение. Материалы экспертного опроса к международной конференции / Под редакцией В.И.Бакштановского / АН СССР. Сибирское отделение. Ин-т проблем освоения Севера. – Тюмень, 1990.

² См., напр.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в политическую этику. Москва-Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера СО АН СССР, Философское общество СССР, Гл. 4.4, 1990; Этика Севера. Т.1. / Под ред. В.И. Бакштановского, Т.С. Караченцевой. Томск: Изд-во Томск.гос.ун-та, 1992. С. 5-29.

фантазия» эпохи перестройки. Экспертиза стала и испытанием гипотезы авторов проекта о том, что одно из решений проблемы «освоение без отчуждения» пребывает в координатах этно-экологической этики, придающей арктической политике «человеческое измерение». А одна из трудностей морального выбора заключается в возможно маскирующем характере идеи «сбалансированного развития», за которой могут стоять скрытая конкиста, прогрессорство, высокомерие индустриально-урбанистической цивилизации и т.п. Профилирующим средством эксперты посчитали идею «сбалансированной аксиологии».

Вслед за опросами экспертов «Самотлорский практикум – 2» (1988) и «Освоение без отчуждения» (1989) в этом проекте было продолжено исследование ситуации морального выбора в арктической политике с точки зрения экспертизы подлинности и мнимости конфликта инновационного и традиционного в развитии общества, консультирования выдвигаемых моральным сознанием императивов этики Севера.

Участникам опроса – исследователям, представляющим многообразие научных дисциплин, связанных с новым освоением: этнографы, экологи, философы, социологи и деятели культуры – были разосланы два предложенных на экспертизу текста.

УВАЖАЕМЫЙ ЭКСПЕРТ!

Лаборатория прикладной этики Института проблем освоения Севера СО АН СССР проводит экспертный опрос по теме: «Арктическая политика: человеческое измерение».

Замысел организаторов опроса:

а) определить ценностные ориентиры субъектов политической деятельности страны в целом и выявить возможность применения этого знания к деятельности субъектов арктической политики, связанной с освоением и развитием Севера; б) диагностировать типичные ситуации «арктической конфликтологии»; в) определить этические критерии разрешения конфликтов.

Основной предмет коллективной экспертизы – идея «этики социально-нравственного консенсуса».

Просим Вас ответить на ряд вопросов.

1. Является ли этически значимым понятие «человеческое измерение» или оно – суть схоластика, «речевая фантазия» эпохи перестройки?

Беспредельно ли применение этого понятия или оно действует в рамках определенной сферы социально-экономических, культурных, по-

литических явлений общества? Как его можно приложить к арктической политике?

2. Допустимо ли говорить об особом направлении приложения этики: «Арктическая аксиология», «Этика Севера»? Если да, то чем оно, по-Вашему, может отличаться от этики других направлений «Розы ветров» (этика Юга, Востока и т.д.)? Каковы должны быть гуманитарные основания такого направления этики, ее нормы, ценности? В чем, по-Вашему, ценностные основания, драматизирующие арктическую политику?

3. Каковы, на Ваш взгляд, типичные конфликты, ситуации социально-нравственного выбора – культуры, ценностей, образа и стиля жизни – в условиях определения арктической политики?

4. В последнее время все чаще говорят о необходимости «сбалансированного развития» любого общества. Многие специалисты особенно настаивают на необходимости «сбалансированного развития» Севера (советского, американского, канадского и т.д.).

Как Вы считаете, каково этическое содержание этого понятия, вернее, возможна ли «Этика Сбалансированного Развития»? Мы были бы признательны Вам также и за критические замечания по поводу этой популярной в наши дни идеи развития (например, о соотношении этой идеи и идеи приоритетного развития традиционного для народов Севера образа и стиля жизни).

5. Мы будем Вам благодарны, если Вы внесете предложения как критического, так и конструктивного плана в проект декларации «Базовые ценности и основные принципы арктической политики», созданный участниками январской (1990 г.) деловой игры в Тюмени.

Заранее благодарим за сотрудничество!

Второй текст, предложенный участникам проекта на экспертизу – Декларация базовых ценностей Арктической политики, созданная участниками этической деловой игры в ИПОСе.

Проект

Д Е К Л А Р А Ц И Я

«Базовые ценности и основные принципы арктической политики»

На арктических территориях Советского Союза сложилась критическая ситуация. Ее основные черты:

- непосредственная угроза исчезновения народов, издавна населяющих Арктику;
- угрожающее состояние природной среды в результате хищнической хозяйственной деятельности;
- сосредоточение в районах с экстремальными природно-климатическими условиями больших масс людей, адаптация которых затруднена.

Одна из главных причин обострения арктических проблем – от-

существование научно обоснованной, гуманитарно и экологически ориентированной советской арктической политики.

Высшей ценностью, на которую ориентируется разработка арктической политики, является, как максимум, гармоническое развитие Арктики как компонента становящейся ноосферы (планетарного единства природы и человека) и, как минимум, выживание Арктики как своеобразного социально-природного феномена.

В рамках гармонического развития Арктики необходимо обеспечить как реализацию внутренних, сущностных тенденций личности, каждого народа, независимо от его численности, общества в целом и природной среды, так и согласованность их совместного существования и развития.

При реализации этих ценностей предлагается исходить из следующих основных принципов:

- примат гуманитарных и экологических интересов над технико-экономическими, последние выступают средствами и факторами реализации первых, а не наоборот, как это пока имеет место;

- недопустимость деления народов, проживающих в Арктике, на «отсталые» и «цивилизованные», исходя из узко понимаемых критериев современности и прогресса;

- возрождение, сохранение и развитие любого народа, населяющего Арктику, и избранного им образа жизни;

- поиск консенсуса как принципа принятия решений в арктической политике, недопустимость принудительного навязывания субъектам арктической политики способа реализации решений;

- минимизация ущерба состоянию физического и психического здоровья людей, привлекаемых для временной работы в Арктике;

- арктическая политика должна базироваться на комплексном научном исследовании Арктики с учетом как общих характеристик, так и особенностей и взаимосвязей всех составляющих ее компонентов (подстилающей поверхности, покрова, атмосферы, человеческих сообществ);

- необходим дифференцированный подход к различным территориальным частям Арктики;

- обеспечение предсказуемости экологических, гуманитарных и социальных последствий любого сколько-нибудь значительного социального и хозяйственного проекта;

- арктическая политика всех приполярных государств и общественных организаций *должна исходить из единства принципов и международной кооперации.*

В числе задач по реализации арктической политики:

- организация комплексной экологической и гуманитарной экспертизы текущего, прогнозируемого и планируемого состояния Арктики как объекта освоения;

- разработка и реализация нормативных международных актов, запрещающих все техногенные воздействия, имеющие губительные последствия для природы и населения Арктики;
- обеспечение свободного волеизъявления коренных народов Арктики в процессе совершенствования административно-политического статуса и структур власти;
- приведение социальной сферы в соответствие с особенностями жизнедеятельности в условиях Арктики;
- приоритетное внедрение трудосберегающих технологий и техники «в северном исполнении»;
- всемерное содействие организации деятельности и материальной базы вознаграждения и развития культур народов Арктики;
- создание единого информационного центра и координации научных разработок по проблемам арктической политики.

Е.Д.Айпин

(Хантыйский писатель, народный депутат СССР, г. Ханты-Мансийск)³

Обеспечить самодвижение жизни

2. Если мы приняли «человеческое измерение», то развитие «этики Севера» не только необходимо, но и, может быть, более значимо, потому что – осознаю спорность подхода – человеческая жизнь на Севере дороже, чем в других регионах из-за экстремальности условий, трудности выживания, сохранения человеческой общности, культуры.

Разумеется, человек, не испытавший на себе, что такое жизнь на Севере, может оспорить этот тезис, не принять такого особого подхода к ценности человеческой жизни.

Почему на Севере высоко ценилось тепло человеческих отношений? Потому что были огромные пространства и мало людей на этих пространствах. Поэтому люди ценили человеческую жизнь.

Гостеприимство, например, принято у любого народа. Бескорыстная помощь любому человеку характерна и на Севере. Первым делом его прими, накорми, напои, спать уложи и т.д. и не спрашивай, когда он уедет, что ему надо, если он гость. Но в чем особая ситуация? Если вы проявили негостеприимство в деревне, где плотно живут; в городе, где очень плотно населена местность, то каждый первый /второй/ может показать пальцем и сказать: «Это не гостеприимный человек, обошелся плохо с гостем». Общественная ситуация довлеет над ним. На Севере, поскольку люди жили маленькими группами – дом, селение – на больших пространствах, позора он мог вообще не бояться. Один раз приехал человек, уехал, и никто не узнает, что ты выгнал гостя. Ты отвечаешь лишь перед своей совестью, перед самим собой, перед своим богом. Исследования специально этики Севера или Арктической аксиологии я бы принял, но как другие народы на это посмотрят?

3. Типичная конфликтная ситуация, на мой взгляд, заключается в том, что мы утратили приоритет интересов человека. Это можно увидеть и в нравственной области, и в культуре, образе жизни. Прежде всего, конечно, все это было задавлено нашим индустриальным развитием. Это главный конфликт. От него в равной степени, скажем, пострадали в социальном, бытовом, культурном, во всех отношениях народы Севера и даже русскоязычные старожилы. Из-за такого нашего разбойного освоения все оказались в одинаковой ситуации.

Я думаю, что промышленное развитие никакой культуры нам не принесло, наоборот – антикультуру: ни культуры производства, ни культуры че-

³ Сведения об авторах даны в соответствии с первой публикацией материалов экспертного опроса.

ловеческих отношений, ни культуры вообще, в общечеловеческом смысле.

Говорят нередко еще и о конфликте культур. Культура – в том смысле, какой мы вкладываем в понятие культуры, – я думаю, всегда сочетается с другой, вполне возможно было бы их нормальное уживание. Одна культура обогащала бы другую, и от этого появлялась какая-то третья культура. А уж если у промышленного освоения культуры как таковой не было, то что ждать от этого?

4. Идеальный вариант – отдать приоритет традиционным отраслям, традиционной культуре, традиционному образу жизни народов Севера. Это, конечно, идеальный вариант, потому что лучше природы никто ничего не придумал и никто ничего, видимо, никогда не придумает. Не зря, скажем, природа, любая земля принимала такое количество людей, которое она могла выдержать, прокормить и обогреть, чтобы они себя нормально чувствовали. Почему мы никогда научно не обосновываем развитие промышленного освоения Севера, Дальнего Востока, других регионов Арктики?

Ни один ученый не просчитывал, сколько может земля выдержать, какое количество людей. Скажем, в нашем регионе миллион с лишним приезжего населения, мы никак не сможем свести концы с концами, чтобы прийти к гармонии на первой ступени, гармонии жизни – чтобы продержаться и этот миллион населения и сохранить традиционные отрасли, нормально развивать промышленность. Тут явный перебор. Необходим процесс постепенный, чтобы обеспечить самодвижение жизни. Ничего искусственного не делать, не вносить. Север должен развиваться постепенно, жизнь сама разумно диктует, что и куда должно идти.

Хотя мы прекрасно с вами понимаем, что сейчас не можем обеспечить приоритетное развитие традиционному образу и стилю жизни, надо на путях сбалансированного развития что-то искать. Это – способ приближения к идеалу, потому что деваться больше некуда.

Это, может быть, дело какого-то далекого будущего, но под понятие «сбалансированное развитие» надо подключить весь Арктический регион, побережье Союза, побережье Канады, Аляски и, таким образом, все приполярные страны. Тогда многие проблемы легче и проще было бы решать. Если мы погубим свою Арктическую зону, то это скажется на жизни других, прежде всего, арктических народов. В этом плане сбалансированность развития – то, что в это понятие входит, это и есть рациональное зерно.

5. Декларация в целом привлекает. Прежде всего теми принципами, которые важны для всей страны, а не только для Севера, для арктической политики.

Что мне понравилось, так это примат гуманитарного над технико-экономическими интересами. До сих пор было наоборот. Важен и второй пункт – «недопустимость деления народов на отсталые и цивилизованные и т.д.». Любая культура прежде всего ценна сама по себе. Она сама имеет

свои точки отсчета, свои вершины, свои достижения. В принципе сохранения и развития любого народа, населяющего Арктические регионы, я думаю, тоже верный подход. В Декларации, по-моему, отмечено многое, что сегодня отражает жизнь народов Севера.

А.А.Арбатов

(Комиссия по изучению естественных ресурсов
и производительных сил при Президиуме АН СССР)

О такой этике мы подумали в самый последний момент

1. Не являясь специалистом в вопросах этики, я просто отвечаю в рамках своего понимания. «Человеческое измерение» во многом повторяет расплывшиеся сейчас понятия – «социально ориентированная политика», «политика, обращенная к человеку» и т.д. Само по себе, если разобраться со строго научных позиций, оно может быть и не вполне правомочно. Однако с точки зрения нашего общества, которое большую часть своей истории работало и жило без большого внимания к каждому члену общества, я думаю, такое понятие сейчас не помешает, и люди прекрасно понимают, что оно значит. Поэтому, я думаю, что выражение «человеческое измерение» имеет право на жизнь.

2. На мой взгляд, «Этика Севера» столь же правомочна; это такая же этика, только немного запущенная и забытая, как и этика других стран света. Север – и не только наш, но и зарубежный – представляет собой такую географическую зону, которая была мало населена, и там сравнительно поздно, только в последние десятилетия возник вопрос о взаимодействии человека, индустрии и природы. О Юге мы уже много знаем: проблемы политические, национально-этнические... На Севере все то же самое, но там все эти проблемы были в большей степени законсервированы. Не из-за климатических условий, конечно, а в силу того, что на Севере проживает относительно мало народу, и были сравнительно ограничены интересы промышленно развитых стран.

Сегодня, когда все больше и больше эти страны обращаются к Северу, этот вопрос встает с той же остротой. Поэтому об этике Севера можно говорить, как и об этике любой другой стороны света, но только как об этике, о которой мы подумали лишь в самый последний момент.

Драматизм арктической политики? Возникла угроза исчезновения или сильной деформации целого ряда северных цивилизаций. Но каждая из них, сколь бы она ни была малочисленна и, на первый взгляд, экзотична, казалось бы и не применима к современной жизни (если смотреть с утилитарных позиций), каждая цивилизация имеет самостоятельную ценность, как чисто человеческую, так во многом и практическую, о которой мы сейчас мало знаем.

3. Мне представляется, что суть ситуации – выбор между развитием современного образа жизни и сохранением сложившихся здесь локальных цивилизаций. Все народы имеют право и, наверное, должны жить по возможности более комфортно. Но в некоторых случаях создание таких комфортных условий может нарушить сложившиеся обычаи, культуру. Здесь необходимо найти именно ту самую меру, которая позволила бы сохранить коренные народности, их культуру и, вместе с тем, дала бы максимум благ современной цивилизации.

4. Что понимать под «сбалансированным развитием»? Если в баланс включать и этические основания, то к такому развитию надо стремиться. А что заложить в основу? Каждый человек, особенно человек, от которого зависит принятие решений, понимает сбалансированность по-своему. Многие хозяйственники, например, понимают под сбалансированностью выполнение заданий плановых, с одной стороны, и создание необходимых жизненных условий сотрудникам предприятий – с другой. Человек, мыслящий более широкими категориями, включает в баланс весь набор культурных ценностей и такие условия труда, которые не угнетали бы человека, не допускали бы его деградации. Еще шире? Можно включить все этические вопросы, о которых говорили выше. Если вопросы этические включать в сбалансированное развитие, тогда вопрос отпадает сам по себе.

Г.С. Батыгин

(Институт социологии АН СССР)

Шаббат – этика Севера?

Прежде чем взять на себя смелость принять участие в экспертизе арктической политики, я обязан сделать одно предварительное замечание, хотя бы для того, чтобы оправдаться.

Дилетанту, который знает о Севере из книг либо понаслышке, не составило бы чести выдавать себя за эксперта, если бы не идея, привнесенная из, казалось бы, инородной топики и давшая автору уверенность, что его высказывания не праздные. В экспертизах даже глупости часто оказываются небесполезными, поскольку о них смогут судить профессионалы. Мыслью о парадигматической трактовке Шаббат я обязан беседам со своим коллегой Самуилом Клигером по вопросам Галахи и особенно признателен ему за возможность прочитать в рукописи статью об экологической интерпретации субботней заповеди.

Позволю себе предварить ответ на поставленные вопросы кратким описанием заповеди о субботе. Сначала текст первоисточника – Торы: «Помни день субботний, чтобы святить его; (шесть дней работай и делай все дела твои), а день седьмой – суббота Господу Богу твоему; не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабы-

ня твоя, ни скот твой, ни прозелит (пришелец), который в жилищах твоих, ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботный и освятил его» (Исход, 22, 8-11).

Казалось бы, что общего имеет еврейская Суббота с этосом Севера, где сам факт появления еврея (по твоей воле) – событие экстраординарное?

Север, привычно воспринимаемый как «район нового освоения», которым можно пользоваться безнаказанно, воспринимается сегодня как край Эйкумены – граница человеческого пространства, где происходит столкновение с предельными вопросами бытия. В спокойном (относительно) «центре земли», в Москве, например, предельные вопросы осознаются как серьезные, но далекие, а здесь, на краю света, они «даны в ощущения». Может быть, именно на Севере пролегает та граница опыта, где кончается опытное знание и начинается вера? Может быть, именно на Севере «хомо идиотес» – человек простой – дошел до запретной зоны и изумился, что суровая природа оказалась столь хрупкой и беззащитной? Оказалось, что раны от бульдозерного ножа на Севере не заживают. Может быть, именно на Севере человеку предоставлен шанс остановиться и замереть перед величием Его творения, и понять – на секунду – собственное паскудство?

Если бы требовалось ответить на вопрос, что такое этика Севера, можно было бы сказать: это этика покоя. История знает трагическую дилемму действий и покоя на протяжении тысячелетий. Человек проклят трудом не потому, что в поте лица своего обязан добывать хлеб свой, а потому, что обречен разрушать гармонию мира, внедряться в него своим органом и мнить при этом себя разумным.

Ни одно – даже самое крупное животное – не наносит вреда природе. Человек же еще не понимает своего мирского предназначения в ожидании суда. «Хомо фабер» – человек преобразующий, для которого мир – экспериментальная лаборатория, создал удобную для себя оптику полезности, порождением которой и является неудержимое стремление к интервенции в «районы нового освоения». При этом он мнит себя благодетелем туземцев, которые оказываются совершенно беззащитными перед оптикой полезности.

Шаббат не просто безделье. Это философия и ритуал отрешения от греха «полезного» вмешательства в мир и погружения в великий труд созерцания Бога. Чтение Торы, чистый огонь ритуального подсвечника, неспешный разговор с детьми, светлая атмосфера семейного единения образуют альтернативу шестидневным делам, суете и томлению Духа.

Строгость заповеди поддерживается запретом совершать дела с началом субботы, после захода солнца в пятницу, под страхом смерти: «Кто осквернит ее (субботу), тот да будет предан смерти: кто сделает в оную дело, та душа должна быть истреблена из среды народа своего» (Исход, 31, 14).

Разумеется, процессуальные нормы Санхедрина практически исключают прецеденты избияния камнями за осквернение субботы, но самое главное в том, что «полезные дела» в день покоя – величайшее преступление перед Законом. Шаббат оттесняется, как трактует Галаха, ради спасения здоровья и жизни человека.

Хитроумный секуляризированный критик может в очередной раз посмеяться над талмудическим ритуалом из-за его видимой ненаучности и совершенно нерациональной детализации прецедентов.

«Пашущий подлежит наказанию за малейшее количество работы: полющий и обрезающий сучья или ветви подлежит наказанию, какую бы часть работы они ни исполнили; подбирающий валежник (хворост) для очищения почвы подлежит наказанию за малейшее количество работы; если же валежник подбирается для топлива, то наказание наступает тогда, когда количество собранного достаточно для сварения легкого яйца. Подбирающий травы для улучшения почвы подлежит наказанию за малейшее количество работы; если же трава подбирается для корма скоту, то наказуемость наступает тогда, когда собрано травы в размер рта козленка» (Шаббат, гл. XII, 2; пер. Н. Переферковича, Талмуд; Мишна и Тосефта. Т. 2, СПб.: Издание П.П.Сойкина, 1903, с.67).

Требовать обоснования, имея в виду рациональность предписаний Талмуда, здесь бессмысленно – Галаха должна быть заучена наизусть и неукоснительно выполняться. Человек Севера в отличие от «хомо фабер» понял бы предписания Шаббат если не в их содержании, то в их интонации, поскольку традиционная – уже архаичная – культура Севера тоже опирается на детальные ритуализированные предписания, создающие этос ненасильственного существования человека на Севере. И сама природа здесь не натура, а космос, звучащий как гармоничный аккорд. Человек Севера слышит этот аккорд, и скрип преобразования равнозначен для него святотатству – как гусеничная колея в тундре, как тара и металлолом на северном побережье, как гиганты индустрии в Заполярье.

Может быть, в философии Субботы смыкаются географически и этнически не пересекавшиеся до сих пор духовные традиции, и это смыкание доказывает общность бытийных истоков и грядущей судьбы людей?

Теперь – ответ на вопросы экспертизы.

1. Понятие «человеческое измерение» – скорее всего, порождение нашего стремления противостоять технологической интервенции в мир и одновременно безъязыкости цивилизации, утраты имени. Поэтому, в определенной мере, «человеческое измерение» – элемент новояза. Измерение предполагает континуум, безразличную к бытию количественную определенность. В конце концов, Север как «район нового освоения» или полигон для ядерных испытаний – тоже результат человеческого «измерения», можно сказать, «человеческого, слишком человеческого» измерения. Если уж

продолжить эту парафразу, этика Севера, по большому счету, это – мост к сверхчеловеку, выход за пределы инструментального, полезного существования в свободу. Этика Севера в этом плане не северная этика, а шанс для человечества.

2. Этика Севера – в принципе – не отличается от этики Юга. Но речь идет не об арктической этике, а об арктической политике. Здесь нужна не созерцательная мораль, но дело, такое, которое бы совершило немислимый переход от восприятия Севера как «подручной вещи» к пониманию его самодостаточности. Если угодно, нужно сделать все возможное, чтобы превратить Север в заповедную зону.

3. Типичный конфликт арктической политики – столкновение идеологии «освоения» и экологии, в том числе этнической экологии. Идет конкиста XX века, и Север терпит поражение перед алчными завоевателями, где силой, где хитростью меняющими золото на пустую консервную банку.

4. «Сбалансированное развитие» скрывает в себе словесный маневр для продолжения конкисты. Настоящий «баланс» – эквilibrium экологической системы Севера возможен только при невмешательстве в его жизнь. Иначе получится диалектика: с одной стороны,... с другой стороны,... – тоже разновидность войны. Советские, американские, канадские границы образуют препятствие для сохранения Севера, но хорошо, что пока это препятствие есть. Может быть, здесь появится возможность международной юрисдикции?.. Что касается народностей Севера, то, по всей видимости, надо смириться с утратой реального существования традиционной культуры – возврата нет. Эту культуру надо хранить как историческую память, но жизнь на Севере возможна сегодня как подвижничество. Но не исключено, что такое подвижничество не будет редкостью.

5. Декларация «Базовые ценности и основные принципы арктической политики» по своему содержанию выходит за рамки региональных проблем и имеет общегуманитарное значение. Главная идея Декларации о гармоническом развитии Арктики, как компонента становящейся ноосферы (планетарного единства природы и человека), реализуема лишь в том случае, если новое гуманитарное мышление станет императивом человечества.

И.Э. Бекешкина
(Институт философии АН УССР)

Приоритет – личность

1. «Человеческое измерение» – безусловно, не схоластика и не открытие периода перестройки. Это – суть нравственной оценки общества еще с тех пор, как было сказано: «Человек есть мера всех вещей». Применение этого критерия в принципе претендует на абсолютность, но сталкивается с такими же претензиями со стороны иных способов измерения человеческой

жизни – экономической эффективности или независимой от человека объективной истины /хотя и они, конечно, тоже являются формами человеческого бытия в мире/.

«Человеческое измерение» в арктической политике означает признание в качестве приоритета не идеи светлого будущего человечества и даже не глобальной экономической пользы для страны в целом, а жизненных интересов человека, живущего на Севере. А для этого народ должен стать хозяином земли проживания, ее недр и всего содержимого на ней.

2. «Арктическая аксиология», «Этика Севера», конечно, существуют, хотя сегодня модно делать акцент на «общечеловеческих ценностях». Однако подобно тому, как по-прежнему различаются христианская этика и этика ислама, а в русле христианской – этика православия и протестантизма, так же, очевидно, специфичны и нравственные представления коренных народов Севера. И дело здесь не в географическом направлении «розы ветров» (Юга, Востока, Севера), а в неповторимости истории и образа жизни. Может оказаться, что у народов Арктики больше общего с индуистским буддизмом, чем с мышлением современного шведа.

Вопрос о том, каковы *должны быть* нормы и ценности арктической этики, вряд ли правомерен, ибо она *есть*, реально существует, и задача ученого – ее изучение и перевод на рефлексивный язык.

Драматизирует арктическую политику то обстоятельство, что она должна одновременно охватывать человеческие общности, базирующиеся на двух различных культурно-ценностных основаниях: патриархальную культуру коренных народов и индустриальную цивилизацию переселенцев. От того, насколько удастся наладить диалог и взаимопонимание между ними, зависит будущее Арктики.

3. Наиболее типичный конфликт (и не только арктической политики) в выборе приоритетов. Традиционно в нашей стране была принята следующая иерархия: государство – класс – коллектив – семья – личность, то есть первенствовала всегда общность как можно большего масштаба. Критика тоталитаризма пока не привела к коренной перемене принципа, переворачиванию пирамиды в пользу личности. Более того, сегодня, с возрождением национального самосознания, эта приоритетность все более перемещается к нации, народности, и личность опять остается величиной производной, вторичной.

Видимо, при определении в качестве приоритета арктической политики сохранения северных народов следует решить: остается ли право у индивида, составляющего народ, на выбор культуры, ценностей, стиля жизни, или он обязан следовать здесь за традиционными для народа ценностями? Раньше индивид лишался выбора, поскольку насильно, грубым вмешательством извне уничтожалась сама основа традиционного образа жизни – среда обитания и традиционных занятий. Поэтому, естественно, первый шаг на

пути реализации права на выбор – сохранение самой основы этого выбора. Однако можно удариться в другую крайность, лишить индивида выбора иным, противоположным образом: заранее, с рождения условиями воспитания и образования крайне ограничить возможности, обрекая на традиционный круг занятий и образ жизни. Это – не пустые опасения; во время практикума «Самотлор-2» приходилось в разговорах с национальной интеллигенцией слышать об «излишности» среднего образования, которое может подвинуть индивида к иному, нетрадиционному выбору жизни за пределами ареала обитания коренных народов.

Как показывает опыт истории, всякая попытка сохранить существование за счет урезания личностной самостоятельности, изоляционистское отгораживание от мира как способ сохранить свою самобытность неизбежно ведут к консервации достигнутого уровня развития, а затем – к застою и упадку. Поэтому жестко встает задача бесконфликтного соединения традиционного образа жизни, ценностей северных народов с достижениями современной цивилизации.

4. «Сбалансированное развитие» не означает равномерного, пропорционального развития всех сторон общества, это, скорее, подчиненность принимаемым приоритетам. Если в качестве такового считать этическое измерение, то это означает, что все развитие подчиняется интересам человека. Эта идея вполне согласуется с идеей приоритетного для Севера развития образа и стиля жизни до того рубежа, пока за личностью признается такое же право выбора своей жизни и судьбы, что и за народом. Если же каждому индивиду из коренных народов заранее определена его судьба, это входит в противоречие с этическими приоритетами и означает тот же национальный тоталитаризм, который ничем не лучше державного.

5. Относительно замечаний к проекту декларации «Базовые ценности и основные принципы арктической политики»:

- в Декларации говорится о необходимости дифференцированного подхода «к различным территориальным частям Арктики», однако отсутствует принцип дифференцированного подхода к различным социальным общностям, населяющим Арктику, различающимся по национальному, культурному, образовательному признакам, времени проживания на Севере;

- неясно, кто же является субъектом арктической политики, кому, собственно, рекомендованы разрабатываемые в Декларации принципы и задачи: даже если это не центральные ведомства, у которых на Севере специфические интересы, а органы местной советской власти, то и тогда, в силу действия демократических механизмов принятия решений большинством, эти решения далеко не всегда будут в пользу коренных народов Севера. Следовательно, необходимо подумать над механизмом реализации хороших принципов и задач;

- совершенно обойдена основополагающая хозяйственная сторона

жизни северных народов. Как скажется на приоритетах арктической политики всеобщий переход всех территорий страны на хозрасчет и самофинансирование?

Л.С. Березин

(Тюменский государственный университет)

Север без мифов

Человеку всегда свойственно мифологизировать окружающий мир, усложняя семантику отражающих его понятий, «нагружая» их неочевидным (но всегда, впрочем, объяснимым, доступным «расшифровке») семиотическим содержанием. Причем в еще большей степени, чем к любым другим, это относится к понятиям, отражающим пространственные параметры и координаты жизнедеятельности общества, что, очевидно, обусловлено пространственной ограниченностью как индивидуальной, так и коллективной жизнедеятельности. Чем менее экономически, информационно ассимилирован тот или иной феномен в социальную жизнь, тем большую семиотическую «надстройку» он приобретает.

Что такое Север? Любой словарь легко даст вам ответ: точка горизонта, сторона света, земля, там лежащая. Чисто географический термин, отсылающий нас к «меридианам и полюсам Земли». Отчего же так часто мелькает он в речи социолога и экономиста, политолога и филолога, а теперь еще и этиков? Очевидно потому, что семантика этого слова намного богаче его сугубо географического содержания. Такого рода констатация, очевидная сама по себе, оставляет тем не менее ряд вопросов, касающихся интерпретации семиотических значений слова «Север» и ее границ. Этот подход, впрочем, в той же мере применим и к трем другим географическим координатам.

С феноменом семиотизации слова «Север» мы сталкиваемся еще в детстве, в волшебной сказке, где Север зачастую выполняет многоцелевую функцию, во-первых, персонажа, во-вторых, сказочного пространства с, вообще говоря, строго определенными параметрами. В первом случае Север выступает в качестве потенциально, а зачастую и актуально, враждебной герою могущественной, «надчеловеческой» силы. В таком представлении отражается то чувство опасности, которое вольно или невольно внушает Север как предельно дискомфортная и, в известной степени, «внечеловеческая» среда, предельно обнажающая противоречие «культуры и природы». Стоит отметить, что ни одна другая сторона света не получила подобной семиотической «надбавки». Во втором значении волшебная сказка изображает Север в качестве специфического пространства, всей своей организацией иницирующего размеренность, осторожность, созерцательность, постоянную готовность к возможным неожиданностям как главные требова-

ния к поведению героя. Сюрпризность, описываемость в терминах «лунного пейзажа», обязательное одиночество героя, романтическая интерпретация ландшафта отражают в волшебной сказке неизведанность, неосвоенность Севера, где «внеземность» пространства означает его незначительную ассимилированность культурой, социумом.

В этом последнем смысле, казалось бы, Север является идеальным пространством утопии, как народной, так и, в большей степени, литературной, одной из наиболее распространенных форм, которой выступают так называемые «утопии пространства» или «утопии бегства». Последние, как правило, располагали идеальное государство в неопределенно далекой географической точке, хотя и с вполне ясно описанными координатами. Главное требование к ней заключалось в неочевидности параметров территории, неполной верифицируемости ее изображения. Однако среди литературных утопий практически нет ни одного примера пространственной организации утопии в северном ландшафте. Причина, очевидно, в том, что даже при известной романтизации Севера внушаемое им чувство опасности и дискомфорта явно противоречит неявно сформулированным, но вполне определенным требованиям к физико-географическим параметрам территории идеального общества. Север – пространство преодоления, а не наслаждения, и в этом смысле – антиутопическая, сугубо прагматическая среда.

Все предшествующие рассуждения специфицируют Север в ряду других сторон Света, а уравниваются они в идеологической интерпретации. Да, Север здесь уже наравне с Югом, Западом, Востоком, это «идеологическое понятие» и знак. И не только в терминах геополитики, которая страны и народы располагает на двух взаимосвязанных «осях» – Восток и Запад, Север и Юг. Север получил наряду с этим и вполне определенное значение политико-идеологической репрессалии, и объекта «бытового расизма» в укоренившихся стереотипах конкистадорского освоения.

Следует отметить, что аналогичные семиотические значения могут получать и другие, отнюдь или не вполне северные территории, в том случае, если они обладают, пусть и не в полном объеме, сходными параметрами: суровостью климата или рельефа, слабой социально-экономической освоенностью и т.д.; таким образом, сама географическая определенность пространства имеет здесь лишь вторичное значение. В этом смысле понятие «этика Севера», так же как, допустим, «этика Востока», не имеют собственного содержания, точнее, вкладываемое в них содержание им самим не принадлежит, будучи «делегировано» либо идеологическими (нравственные нормы, отождествляемые с той или иной политико-экономической системой), либо этносоциальными (традиции и нормы поведения определенных этнических групп, неотъемлемым элементом которых данная территория является) факторами. Этическое измерение здесь отражает столкновение культур, общностей, различие которых идеологически или этнически

обусловлено, т.е. ситуацию универсальную, индифферентную к ее географическим координатам. Использование термина «этика Севера» здесь, на наш взгляд, выступает, с одной стороны, уступкой, а с другой – развитием мифологии Севера, имеющей давние традиции и приобретающей сегодня, очевидно, новых adeptов. Попытка безобидная, но лишь в том случае, если не уведет нас от здоровой прагматики, выступающей главным критерием эффективной политики на Севере.

В чем сейчас в первую очередь нуждается арктическая политика, так это в отказе и осуждении экономических, политических и духовных основ конкистадорства как средневековой, по сути, формы колонизации, построенной не на ассимиляции, а на тотальном разрушении существующей на территории цивилизации да и самой территории. В этом, если угодно, ее «человеческое измерение», хотя сам термин представляется, скорее, публицистичным, нежели научным по причине как своей предметной неопределенности, так и явной идеологичности. В политическом лексиконе он означает не больше и не меньше как необходимость соразмерять деятельность по экономическому, социальному и культурному «освоению» северных территорий (кавычки здесь представляются уместными, поскольку этот регион давно освоен, и сам термин отражает не более чем высокомерие индустриальной цивилизации) с потребностями и интересами населяющих их людей, т.е. с этической, социологической и любой другой точки зрения. Если же все-таки принять этот термин, то его предметная область должна включать в себя, по нашему мнению, взаимодействие социальных (в специфическом – социально дифференцирующем – значении) факторов и сред, с одной стороны, и всех иных – физико-географических, экономических и т.д. – с другой, а также меру корреляции социосферы с интересами и потребностями индивидов и групп, т.е. ее социально-воспроизводственный потенциал. В этом смысле термин «человеческое или социальное измерение» содержательно связан с концепцией взаимосвязанного или сбалансированного развития территории, основанной на принципе взаимосоответствия природной, техногенной, этносоциальной, политической и культурной сфер, с одной стороны, и консенсусе социальных групп и общностей – с другой. Проблема в том, что и та, и другая части «баланса», их критерии характеризуются высокой степенью неопределенности.

Перспективы консенсуса на Севере объективно осложнены изначальным различием, жесткой дифференциацией потребностей и ориентаций населяющих территорию групп, а также присутствием лишь частично репрезентированных здесь общерегиональных и внерегиональных интересов. Основными социальными субъектами выступают: 1) коренное население, представленное народами, ассимилировавшими данную территорию как составляющую своего этноса, а также приезжими, занятыми традиционными формами хозяйства; 2) приезжее население, занятое индустриальной

деятельностью и ее обслуживанием, как постоянное, так и временное; 3) население региона в целом, в той или иной форме воспринимающее давление северных проблем и иницирующее характер и цели их регулирования; 4) население страны в целом. Нет нужды говорить о противоречивости, конфликтности данного континуума интересов, разнонаправленности присутствующих здесь ориентаций, среди которых: 1) патриархальная, 2) популистско-перераспределительная, 3) либерально-сциентистская, 4) державно-идеологическая.

Очевидно, что ни одна из этих ориентаций, репрезентированных, как правило, самостоятельными социальными субъектами, не может быть реализована в чистом виде; не они являются объектами нравственного, политического выбора. Только признав это, мы сохраняем возможности «северного» консенсуса. В противном случае, мы остаемся пленниками мифа о Севере, приобретающего все более разрушительную роль.

О. А. Донских
(ИПОС СО РАН, г.Новосибирск)

...С точки зрения культурологии

1. Понятие «человеческое измерение» для меня не схоластика и не «речевая фантазия», поскольку мне понятна стоящая за ним интенция, но и не этически значимое понятие. Для меня оно стоит в ряду с «человеческим фактором» и этически некорректно, ибо как «фактор», так и «измерение» подразумевают геометричность, машинообразность и несовместимы с понятием человека – носителя свободной воли; то есть данное понятие внутренне противоречиво, соответственно, и продуктивное использование его невозможно.

Кроме того, я полагаю, что вопрос о применении того или иного понятия может рассматриваться только в контексте системы понятий, а здесь я ощущаю интенцию, а не систему.

2. Мне трудно судить о том, что допустимо и что недопустимо в категориальном смысле, так как за предлагаемыми словосочетаниями для меня не стоит система категорий; попробую объяснить, почему.

Во-первых, мне непонятно словосочетание «гуманитарные основания этики». Может ли этика иметь негуманитарные основания?

Во-вторых, я не уверен, что этика может создаваться целевым назначением. За ней, как минимум, в качестве основания должна стоять другая этика, принятая потенциальными создателями, и необходимо зафиксировать ее принципы. Таким образом, вопрос сразу распадается на два – об исходных принципах и желаемых. А вообще, я думаю, реально лишь распространение уже имеющихся этических установок некоторой социальной группы, вопрос в том, существует ли подобная группа. Но буду рассуждать

в рамках предложенной парадигмы.

В-третьих, мне кажется, имеет смысл говорить об этических нормах разных социальных общностей: ханты, ведущих традиционный полукочевой образ жизни; покорителей Севера; жителей северных городов, задавленных повседневной суетой... С позиции такого различия становится понятным, что речь не может идти о преобразовании этических установок коренного населения или об изменении моральных принципов тех, кто пришел завоевывать Север. По-видимому, необходимо обсуждать возможность выработки принципов некоей метаэтической системы, принимаемой всеми жителями Севера (коренными, пришедшими давно или недавно, временными и постоянными жителями). Сразу оговорюсь: о создании такой системы невозможно судить в отрыве от экономических, социальных, политических и правовых принципов. Так, многие действия покорителей недр подлежат не моральной оценке, а уголовной. И вопрос упирается в применение закона, т.е., в создание правового государства. Опять же, если не будет закона о собственности кочевников на определенную территорию (в той или иной форме), теряют почву этические поиски. Примеры легко умножить, т.к. при отсутствии четких правовых и экономических норм жизни упомянутая метаэтическая система не может быть создана в принципе.

Но представим себе, что такие нормы определены и глобальная этика Севера (именно как метаэтика) создается. В этих условиях, мне кажется, основные ценности и принципы будут вполне тривиальны. Главные ценности: человек с его самобытной культурой и природа в ее первозданной чистоте. Норма – действия, которые не только не несут прямого ущерба ни тому, ни другому, но и способствуют их восстановлению, сохранению и умножению. Соответственно, недопустимы никакие действия, последствия которых нельзя уверенно предсказать, даже если, на первый взгляд, они не кажутся вредными.

Я не уверен, что правильно понимаю вопрос о драматизации арктической политики, но я бы указал, в первую очередь, на ошибку понимания прогресса как безусловного блага (конечно, имея в виду не моральный, а технический и социальный прогресс). Мы постоянно сталкиваемся с тем, что люди, практически лишенные культурных корней, самоуверенно считают и заставляют считать других (в том числе и носителей глубинных традиций), что их образ жизни заведомо лучше. Поэтому, разрушая жизненный уклад коренного населения, покорители недр убеждены в своей исторической правоте и даже в том, что несут благо.

Я уже говорил, что исходные и желаемые принципы – это разные проблемы. В принципы этики создатели, несомненно, включают прогресс как благо. Но если прогресс ценность, то названные ценности – человек с его уникальной культурой и первозданная природа – с ним несовместимы. Если он даже оказывается как зло, остается вопрос, неизбежен он или нет.

Если да, то я думаю, основной этической проблемой окажется проблема соотношения прогресса и традиции.

3. Основные очевидные конфликты: между индустриальной цивилизацией и природой Севера, между населением временным и постоянным. Но особенно тяжел, с этической точки зрения, конфликт, раскалывающий на две неравные части само коренное население – небольшая часть желающих сохранить традиционную культуру (как правило, живущие на стойбищах) и много более значительная часть тех, кто принимает ценности агрессивной техноцивилизации.

В условиях, когда принадлежность к традиционной культуре ощущается как принадлежность к людям второго сорта, говорить о возрождении и даже о сохранении этой культуры бессмысленно. В рамках такого сознания попытки обучать языку, ремеслам и т.д. воспринимаются как стремление оттолкнуть от пирога цивилизации. Зачем ханты учить свой родной (уже забытый) язык, если он живет и работает в русскоязычном коллективе? Конечно, только для того, чтобы он не вышел в люди. Возникает парадоксальная ситуация: сохранность коренных северных культур начинает в пожарном порядке отстаиваться чуть ли не вопреки желанию их носителей.

Я надеюсь, что ситуация изменится с появлением обществ типа «Спасение Югры» и развертыванием серьезных экономико-информационных связей между всеми народами Севера, включая население северных территорий зарубежных стран.

4. «Сбалансированное развитие» – в любом случае подразумевает развитие, т.е. приоритет идеи прогресса. И здесь вступает в силу этический конфликт, о котором я сказал ранее. Думаю, следует говорить не о развитии, а о соблюдении баланса наличных интересов с поправкой на приоритетные ценности, это – основная цель. Ведь развитие (неважно, обоснованное научно или нет) предполагает движение в пространстве со множеством неизвестных. Дай нам Бог разобраться с известными! Так, традиционный образ жизни нужно не развивать – он складывается сотнями и тысячами лет! – а сохранять и восстанавливать, создавая соответствующие условия и не принося интересы одних групп населения в жертву другим.

Необходимая оговорка. Я писал с точки зрения культурологии, имея в виду реальную угрозу близкого исчезновения ряда самобытных культур и оставляя за скобками интересы многочисленного русскоязычного населения, жизнь которого также очень мало походит на сказку. Мне представляется, что сама задача создания условий жизни, достойных человека, подразумевает все группы населения, и ее нельзя решать по частям.

Н.Д. Зотов
(Тюменский государственный университет)

Не уронить достоинства

1. «Человек есть мера всех вещей», по Протагору. В этом смысле он ко всему подходит со своей, человеческой мерой, все воспринимает в «человеческом измерении» и преобразует человечески. Понятие «человеческое измерение» философски интересно и значимо. Однако тот смысл в осуществлении Арктической политики, который хотят не упустить организаторы опроса, на мой взгляд, более точно выявляется понятием «ценностное измерение». Посредством этого понятия достигается наиболее корректное обозначение духовно-гуманистического содержания в совершающейся человеческой жизни. В предметно-практических действиях, в деятельно-практическом отношении к миру человеку свойственно опираться на понятия «цены», «стоимости», «пользы» и т.п. Но его волнуют при этом и духовные свершения бытия. Они репрезентируют высший смысл, которым поверяется любая деятельность, социально-экономическое освоение региона в том числе. В постижении этого смысла потребны уже не «цена» и «стоимость», а «ценность» и «достоинство», то есть другой понятийный ряд.

Понятие «человеческое измерение» отражает специфически человеческую меру освоения действительности во всей его (освоения) содержательной полноте. Ценностное измерение означает духовные цели и определения бытия и в пределах человеческой меры, человеческого измерения является высшей составляющей.

Ценностное измерение предполагает критику деятельности, человеческой практики с точки зрения смысложизненных определений; такая критика осуществляется средствами философии, этики как философии и моралистики. Философия как весьма специфическое постижение мира и человека, как саморефлексия Духа не относится к положительной науке. Существенное место в ее предметной области занимают ценности: истина как правда жизни, добро, красота, творчество. Философия, взятая в отвлечении от ее методологической функции, сосредоточенная на вопросах жизненного, духовного самоопределения человека, выступает в ипостаси Аксиологии.

2. То, что в экспертном запросе лаборатории прикладной этики фигурирует под именем Арктической аксиологии, по-видимому, призвано обозначить философско-аксиологическое исследование процессов экономического и социально-культурного освоения северных регионов. Конечная цель исследования, как я понимаю, – содействовать приведению этих процессов в возможно более полное соответствие с требованиями морали и правды жизни.

Потребность в специальном философско-аксиологическом обоснова-

нии ценностной стороны процессов экономического освоения Севера вытекает из того, что государство, поглощенное политикой и экономикой, по самой его природе не склонно соизмерять свою деятельность с ценностями духовного порядка. Отсюда – необходимость в разумной внешней оппозиции государству со стороны общества, оппозиции, которая бы дополнила политику освоения северных регионов формулированием ценностных требований. Арктическую аксиологию правомерно рассматривать как один из видов такой оппозиции (государству) по поводу вызванных экономическим освоением «аномалий» в существовании человека на Севере. Ее инструментарий – социальная теория в философско-моралистическом и этико-прикладном преломлении.

Целесообразность корректирующего влияния средствами арктической аксиологии обусловлена в первую очередь тем, что традиционный образ жизни коренных северян, обеспечивающий существование их как этнической общности, не имеет необходимой социальной и правовой защиты. Крайне неустойчивая ситуация на Тюменском Севере усугубляется особенностями мировоспитания тех, кто пришел «взять» нефть и газ: осознание временности своего пребывания на «малой земле» со всеми вытекающими отсюда последствиями и «Я-концепция» героев, предпринявших «штурм» северных недр. А всякий штурм, как известно, разрушителен. Таким образом, государство, бросившее мощные силы на экономическое освоение Заполярного региона, приобретает по отношению к аборигенам характерные черты «Левиафана». Чтобы окончательно ему не уподобиться, государство, не будучи в состоянии осуществить «изнутри» ценностную критику своих действий, должно само признать необходимость такой критики извне. Претворение в жизнь обоснованных средствами арктической аксиологии предписаний, ограничений и запретов предполагает последующее обращение к общественному мнению как к силе, способной потребовать у государства соответствующих законов.

«Этика Севера» есть наиболее важная часть арктической аксиологии, ее ядро. Она призвана исследовать особенности моральных проявлений человека – особенности его нравственного самоопределения, нравственного мировосприятия и миропереживания – в обстоятельствах жизни на Севере вообще, а также в условиях его экономического освоения. Особенности эти обусловлены не только общей экстремальностью ситуации, своеобразием северного быта, характером целей и ценностей северян-пришельцев, но и в немалой степени не передаваемым на языке понятий загадочным воздействием на человека самого полярного ландшафта. Знаменитый Роберт Пири метафорически называл это воздействие «гипнозом севера».

Нравственное мировосприятие, нравственное миропереживание человека на Севере при всех возможных оттенках «внутри» и «между» представлены двумя основными типами.

(а) *Нравственно возвышенное восприятие действительности.* Жизнь на Севере, аскетическая и суровая, среди просторов Белого безмолвия, где каждый для другого значителен и ценен, где сама обстановка беспощадно «проявляет» любого, – такая жизнь настраивает человека на высокий и чистый лад:

«Север, воля, надежда, страна без границ,
Снег без грязи – как долгая жизнь без вранья.
Воронье нам не выключает глаз из глазниц -
Потому что не водится здесь воронья». (В.Высоцкий)

(б) *Нравственно сниженное восприятие мира.* Оно есть следствие сугубо утилитарного отношения к факту своего (заведомо временного) пребывания на Севере, да и к самому Северу тоже. Конечно, часть из тех, кто приезжает на Север, первоначально имея в виду чисто практические цели («... а я еду, а я еду за деньгами, за туманом едут только дураки»), с течением времени оказываются во власти великого «обаяния» Севера, во власти его «гипноза» и переходит в разряд людей, влюбленных в Север, преданных ему, содействующих его благу. Эти люди перестают быть пришельцами-разрушителями, поскольку навсегда выбирают Север, выбирают как судьбу. Но это только часть...

По-видимому, для «Этики Севера» небезразличен вопрос: «Предопределено ли качество моральной позиции северян константными особенностями их личности или, скорее, оно обусловлено особыми обстоятельствами самого освоения?». Наверное, был бы интересен осуществленный средствами этики (с привлечением социологических и социально-психологических исследований) сравнительный анализ нравственного мироотношения следующих групп населения: а) аборигенов; б) людей, укорененных на Севере помимо кампании по его экономическому освоению; в) прибывших на Север на «волне освоения» в роли рядовых участников. При этом задачи вспомогательным исследованиям социологов и социальных психологов должна ставить (формулировать) «Этика Севера». Необходимо специальное исследование моральной позиции непосредственных руководителей освоения в ранге высоких начальников и позиции совокупного морального субъекта в лице государства.

Очевидно, «Этике Севера» предстоит ответить и на вопрос о возможности практических моральных воздействий на процессы освоения и, коль скоро ответ будет положительным, разработать и обосновать способы воздействий. В ряду этих способов, вероятно, будет представлено и моралистическое влияние на процессы освоения средствами самой «Этики Севера». Этика никогда не существует в виде рафинированной теории, в ней всегда с необходимостью присутствует и моралистическая функция. Можно ожидать, что моралистическое наполнение «Этики Севера» будет повышенным сравнительно с обычным, средним для этической теории уровнем.

Это предполагается направленностью «Этики Севера» на конечную цель утверждения моральных ценностей в обстоятельствах сложной социальной ситуации.

О возможности видов этики, соотнесенных с другими географическими пространствами, затрудняюсь судить. Скажу только, что выражение «Этика Севера» звучит естественно, а вот словосочетание «Этика Юга» как-то не выговаривается. «Этика Востока», правда, слух не режет, но только потому, что сознание привычно соотносит его с «Востоком» в смысле его историко-культурной специфики, но не с Востоком в географическом понимании.

3. Все типичные конфликты и ситуации «трудного» выбора так или иначе восходят к той фундаментальной проблеме, к той непреходящей коллизии бытия, о которой пойдет речь в ответе на пункт 4.

4. Идея «сбалансированного развития» общества порождена извечной необходимостью согласования в практике жизни духовных, моральных ценностей и стремления к благам, которые обеспечивают наше телесное существование. «Нарушение» баланса может происходить двояко: как предпочтение «достоинства» перед «стоимостью» или наоборот. Когда происходит первое, то рождается: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут. Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» (см. Евангелие от Матфея, гл. 6). А когда предпочитают «стоимость» и потребности тела, то рождается: «Бытие определяет сознание», а в плане практическом – деформированный социализм, общество высокого массового потребления; людьми овладевает дух вульгарного гедонизма. Они хотят вначале быть сытыми и «удовольненными», а уж потом, и непременно на фундаменте сытости – благородными. (...)

В конкретных обстоятельствах освоения Тюменского Севера нарушение «баланса» приняло формы чрезвычайные и драматические. Преодолеть обозначившийся здесь резкий «дисбаланс развития» простым смягчением ситуации – через сближение ценностей соприкоснувшихся культур, усиление морального самоконтроля субъекта освоения, через ужесточение правовых ограничений, регламентирующих процесс освоения – уже невозможно, даже если к этому добавляется публицистическое негодование со стороны «перестроившихся» средств массовой информации. Сложившаяся обстановка угрожает аборигенам Севера этническим исчезновением, жителям новых, стремительно выросших городов – общей стагнацией жизни в перспективе, всей стране – серьезным экономическим ущербом «на финише» освоения. Поэтому требуется квалифицированный анализ происходящего именно в ценностном измерении и философско-моралистическое обоснование ряда абсолютных запретов с целью радикального изменения арктической политики государства.

Вот почему я с удовлетворением воспринял появление на философском горизонте арктической аксиологии. С ее скорейшим становлением связываю надежду на развитие событий в Заполярье под знаком идеи сохранения тех ценностей, которые помогут народам Севера благополучно продолжить национально-культурное существование в истории, а стране в целом, государству – не уронить достоинства в глазах мировой общественности.

И.И.Крупник
(Институт этнографии АН СССР)

... Мы все быстрее входим в этот нравственный круг

1. С моей точки зрения, понятие «человеческое измерение» – суть схоластика, советский речевой конструкт, не имеющий аналогов и не переводимый на другие языки. Применимо ли это понятие к арктической политике? На мой взгляд, от него лучше отказаться и искать новые, вернее, общепринятые этические термины.

2. Допустимо ли говорить об особом направлении приложения этики – «Арктическая аксиология», «Этика Севера»? И если да, то чем оно может отличаться от этики других направлений? С моей точки зрения, говорить об «Арктической аксиологии» допустимо, особенно если очень хочется так говорить. Поскольку задача состоит в том, чтобы найти особую Этику Севера, то ее, по-моему, нужно искать. В чем она заключается? Чем этика Севера отличается от этики Юга, Востока и т.д.? Думаю, что в условиях Севера, в условиях Арктики в конце XX века впервые был поставлен предел экспансии европейской индустриальной цивилизации не столько на основе прагматического расчета или силового давления, как это было на Юге или на Востоке (где проходила деколонизация), сколько на основе экологических или гуманитарных ценностей. Прежде всего – охрана природы, сохранение природы, национальных меньшинств. В этом смысле существует этика Севера и существует гигантский нравственный смысл и нравственный опыт, не скажу – для человечества, но для индустриального мира, индустриальной цивилизации. Впервые в условиях Севера пришлось сделать этот выбор и сделать его именно в таком направлении.

3. Главный конфликт – имперская колониальная идеология, старые и новые экологические и гражданские ценности. Имперское сознание постоянно оправдывает колониальную модель освоения Севера, экспансию и неограниченное использование северных ресурсов и, соответственно, старую модель взаимодействия с местным населением. Нефть, газ, золото и прочее важнее, чем судьба немногочисленных, крошечных народов. И дальше начинается весь набор имперских колониальных стереотипов: «мы» «их» вынули из нищеты, научили есть хлеб, мыться, жить нормальной жизнью, мы

провели им электричество. Этим оправдывается все то, что мы делаем для страны, «ради них».

Что же необходимо сделать? Перевернуть нынешнюю пирамиду ценностей. Сейчас наверху находятся ресурсы (нефть, лес, золото и пр.), добываемые в Арктике, а внизу – люди, как коренное население, так и приезжие. Внизу находится этика, т.к. в условиях колониальной модели освоения Севера вся она подчинена анонимной, бесконтрольной выдаче ресурсов. Пока не произведен поворот этой пирамиды, конфликт будет продуцироваться постоянно, на всех уровнях.

4. Этика сбалансированного развития возможна, потому что здесь мы сталкиваемся с поставленной еще в начале 70-х годов проблемой «пределов роста» – движение, построенное на расчетах, математических моделях развития цивилизаций, использовании ресурсов. Сейчас мы имеем дело с «пределами роста» в чистом виде, но, прежде всего, на основе экологических и гражданских критериев. Речь идет не только и не столько о том, что мы сталкиваемся с исчерпаемостью северных ресурсов, сколько о том, что поставлены экологические и гражданские критерии освоения. И этика сбалансированного развития возможна, особенно за счет отказа от худших форм все того же, что я называю экспансионистским, колониальным освоением. Она возможна в условиях Арктики не на основании прагматического расчета как своего рода ареальной модели Западной цивилизации. Магистральный путь – не за счет баланса между наличием и применением ресурсов, а за счет высшей формы эффективности используемых ресурсов и минимизации затрат. Поскольку этот магистральный путь будет характерен для основных районов развития Западной Сибири, то для, скажем, таких специфических районов, как Арктика, имеющих особый этический смысл, вполне возможна Этика Сбалансированного Развития, построенная на экологических и нравственных принципах.

Вот этим, видимо, определяется специфическое положение Арктики в сознании и идеологии Западной цивилизации, к которой мы, безусловно, активно подключаемся. Мы входим все быстрее и быстрее в этот этический, нравственный круг, потому что начинаем понимать эти проблемы и говорить о них их собственным языком.

А. И. Пика

(Институт социально-экономических проблем народонаселения, г.Москва)

**«Мы за ценой не постоим ...» –
антипод человеческого измерения**

1. Человеческое измерение в приложении к социальным ценностям и приоритетам – для нас естественная реакция на прошедшие годы и десятилетия, когда ценность человеческой личности, смысл и оправдание ее суще-

ствования измерялись степенью пригодности для достижения прагматических целей, поставленных государством. В пример ставились те, кто жертвовал жизнью, здоровьем, человеческим счастьем и достоинством (часто чужим, а не своим) ради осуществления планов правящей верхушки советского социалистического тоталитарного государства. Это были многочисленные герои труда и войны, «сталинские соколы», челюскинцы, стахановцы и павлики морозовы. На пути от тоталитаризма к демократии мы вынуждены постоянно доказывать и подтверждать соответствие своих действий интересам широких слоев населения. Человеческое измерение – это инструмент для определения такого соответствия. Применение этого понятия для оценки социальных, экономических, культурных изменений в обществе возможно в любой сфере, в том числе при разработке принципов арктической политики.

На Севере, как нигде в мире, природа хрупка и ранима, и для малых северных народов непосредственный контакт с природой исключительно важен для удовлетворения базовых потребностей человеческого существования. Приоритет экологических интересов над экономическими менее осознается жителями других регионов, нуждающихся в промышленных ресурсах и привыкших брать их на Севере. Как приложить здесь критерий человеческого измерения для определения правоты или неправоты желающих сохранить и жаждущих воспользоваться? Как далеко может зайти большинство в стремлении удовлетворить свои интересы за счет меньшинства? Ответ на эти вопросы даст человеческое измерение. Нужно только не забывать, что человеческое измерение не спор и противоборство, а поиски согласия как принципа принятия решения. Вообще, здесь еще много нерешенных проблем как в философско-этическом плане, так и социальной практике: какие процедуры поиска обоснования принятия решения могут быть выработаны и установлены, чтобы результаты социальной политики отвечали интересам государства и не ущемляли интересов других народов.

2. Особая «Этика Севера», на наш взгляд, существует. В основе лежит понятие «граница», и смысл здесь в том, что люди, приезжающие на Север, как в прошлом, так и сейчас, попадают из жестких тисков общественных законов и правил, установлений в мир относительной свободы и бесконтрольности. «Закон – тайга» – говорили раньше, и это значит, что человек может и должен сам делать свой этический выбор на основании внутренних качеств и побуждений, менее, чем на Юге, соотносясь с общественными установками. Граница и Север – это динамичное, маргинальное пространство, где особенно много злодеев и много защитников, много правдоискателей и меньше заурядных людей, обывателей. Это создает особую, активно тревожную эмоциональную атмосферу жизни на Севере, которая затрагивает какие-то особые струны мужской психологии. Отсюда известное особое притяжение Севера. Оно больше характерно для мужчин, что-то заставляет

их вновь и вновь возвращаться на Север. Там мало государства и много свободы, там настоящая жизнь. Это ощущение свободы, подкрепленное материальными возможностями и дефицитом нравственности и добра, может сделать людей циничными и гордыми разрушителями Севера. Таковы многие наши нефтяные и газовые «короли». Эти новые герои так же, как и старые маршалы и генералы в годы войны, не желают думать о последствиях и цене своих успехов и побед.

«Мы за ценой не постоим» – это наш социалистический принцип, и это – антипод человеческого измерения. Что касается этики отношения с коренным населением, с малыми северными народами, нужно отметить, что тут знаменитое «золотое правило» этики «не поступай в отношении других так, как бы ты не хотел, чтобы поступали в отношении тебя» не срабатывает. То, что позволено между людьми, не всегда хорошо между этносами. Как раз большинство проблем возникает тогда, когда один этнос навязывает другому, конечно, «из самых благородных этических побуждений» свои ценности, стереотипы жизни. Большой «добрый» народ-патерналист поступает по отношению к малому народу так, как хотел бы, чтобы поступали по отношению к нему. И этим уничтожает этот малый народ. Между этносами своя этика, и она не сводима к этике межличностных отношений.

Сбалансированное развитие общества – это такое развитие, когда все обязаны считаться с интересами всех, и каждый уважает интересы каждого. Ни одна территория, ни один регион, ни одна отрасль хозяйства не должны развиваться за счет других и в ущерб им. Ни одна социально-этническая группа не должна устанавливать своего доминирования и опеки над другой. И это будет сбалансированное социально-экономическое развитие. Но баланс нужно сохранить и в отношении с природой. Поэтому принципы равновесного природопользования тут тоже должны присутствовать. Мы не видим никакого противоречия между идеей сбалансированного развития и современными требованиями приоритетного развития традиционного природопользования малочисленных народов Севера. Баланс между индустриальным освоением Севера и традиционным природопользованием сейчас нарушен. Необходимо восстановить справедливость. Приоритетность интересов традиционного хозяйства и природопользования коренных жителей Севера на данном этапе – это необходимое условие для восстановления такого баланса.

Г. С. Райшев
(Хантыйский художник)

Научить волка жить в стаде?

У каждого есть свое понятие о том, что такое этика. Я это представляю как правила поведения, сформированные на нравственной основе.

Это внутренние правила. Как говорил Кант, внутри нас нравственный закон. Опираясь на него, мы вывели правила поведения, которые должны соблюдаться обоюдно – только тогда правило станет действенным. Но у нас правило не стало действенным, потому что Слово и Дело не смогли взаимодействовать. В результате я как человек выступаю за одни какие-то свои действия, а как гражданин – за другие. Парадокс. Гражданин и человек не совмещаются. Потому что гражданин в моем представлении – это обязательство человека, взятое на себя. Взяв обязательство на себя, став соучастником какой-то группы, сообщества, через некоторое время убеждаюсь, что меня обманывают. Навязывают мне обязательства, долг и этим долгом меня «пришибают», лишают моей личной свободы, свободы действующего человека, личности, которая никакой цены не имеет. И я ухожу снова в личность, в первозданность. Чтобы сохранить биологический статус, данный природой, я защищаюсь от этого привнесенного для меня правила жизни, ибо вижу, что гибну. Таким же образом и народ в целом, и малый народ тоже. Он как человек. А государственные люди очень похожи на человека в машине, который, создав эту машину, обезопасив себя, двигается и очень быстро психологически перерождается, т.к. люди идущие, для него – мошки. Он защищен, он срастается с этой машиной, и внутренний биологический закон, данный природой – беречь и лелеять сотоварища по человеческой жизни – уходит от него. Он становится придатком машины. В результате я не могу, да и любой народ не может верить государственным людям, которые отторжены от изначального, первородного человеческого договора о помощи друг другу при создании неких благ. Через некоторое время за счет большой силы механизма они эти блага отторгают от людей и становятся единственными распределителями благ. Касается ли это личности или народа – одинаковый подход. Малый народ так же чувствует себя беспомощным, как идущий пешеход, как идущий человек перед машиной. Государственному человеку, этой «машине» трудно вменить какую-то этику. Он потерял нравственный закон в себе как деятель, отторженный от человечества, живущий совершенно другой жизнью. Люди должны бы, образно говоря, вытащить его из машины и заменить его, как только увидят, что он не уважает пешехода, т. е. идущего человека. Нравственный закон попирается, если «пешеход» должен сторониться и пропускать «машину», попран страхом перед идущей «машинной».

Государственное мышление в корне противоречит самой сути человеческой личности, когда оно бесконтрольно. Когда же «машинной» узурпируются всякие правила, она подминает, отторгает все.

Когда большинство людей считают, что надо сесть в «машину», она переполняется желающими спастись. Каждый думает: «Пусть затопчем пешехода, зато я спасусь». «Машина», в сущности, есть цивилизация. Простой человек очень точно понимает, когда ему говорят: «Вот тут вышка. Она

даст много нефти, и ты будешь ездить на моторе». Он-то знает, что нефть есть – рыбы нет, мотор есть – опять рыбы нет.

Каков же смысл такой цивилизации, если естественный продукт уничтожен, если меня кормят химией. Но «люди-машины» хитрые. Они приобретают себе оазисы, на которых питаются, другие туда не допускаются. Выходит, что государство живет не для человека, а для определенной группы людей с государственным мышлением. Что же такое государственное мышление? Это не человеческое мышление, а машинное. Поэтому обратиться надо к человеческому мышлению, т.е. к такому, которое оставляет человека жить на Земле, дает такую возможность. Но мы потеряли контроль за управлением этой «машиной». Можно ли обратиться к людям, которые в этой машине, чтобы они стали гуманными? Может быть, в ней найдется с десяток гуманных людей, но они не в состоянии справиться с этим молохом. И вряд ли будут стараться, т.к. они изнутри видят этот огромный молох, который перемалывает все. Страх перед «машиной», маховиком, который крутится со страшной силой, заставляет их отступить и сказать: «Ничего сделать не можем». «Машина» катится к обрыву, т.е. цивилизация таким образом катится к обрыву.

Лев Толстой хорошо сказал, что художник – это первооснова, соблюдающая нравственный закон в себе. Вот почему художники как бы анти политики, вне политики. Они в жизни и за жизнь. Это их кредо.

Можно ли говорить об уязвимости природы только Севера? А природа Юга разве менее уязвима? Возьмите Арал – также уязвим. И говорить об особом, отличном, специфичном – это значит запутать проблему, уводить ее в специфические какие-то, узкие суждения. Надо, мол, осваивать, но очень осторожно. А в сущности ведь надо просто поставить препятствие такому колонизаторскому освоению.

Сейчас проходит Съезд, там есть пакет предложений, и теперь посмотрим, будет ли совмещено Слово и Дело? Будет ли создана этика поведения государственных мужей и простых людей, населяющих Сибирь? Будут ли они тормозить «машину» или нет? Если этого не произойдет, то говорить об этике не представляется возможным. Будет та самая приятная игра в слова: «Мы друг друга не оскорбили. Словесный бой вели по правилам».

Чтобы Вам не превратиться в организацию, которая ведет борьбу по правилам, нужно стать контролирующей организацией. Вы же пожелали научить волка жить в стаде, чтобы он не зарезал больше овец, чем ему надо. А у него инстинкт давить и давить...

До съезда народов Севера Договора ведь не было. Пришли люди и узурпировали право на территорию, жизнь. Будет ли действие соответствовать Договору?

Являются ли этики государственными людьми? Все, кто получает го-

сударственную зарплату – государственные люди, все – часть «машины». Но этиков запустили в виде тормозов, образно говоря. Вам за это и платят. Это одно из правил «вождения машины». Чтобы не разбиться окончательно, ей нужно иметь тормоза. Некоторые организации являются в этой машине тормозами. Но если закончится гласность, то вас упразднят как ненужный механизм.

Есть и другие тормоза – Законы, контроль. Когда «машина» давит людей и с «шофера» спрашивают за это, он отвечает, что не виноват, что задавил много людей, т.к. «тормоза» плохие, несовершенные или их нет. Сталин создал эту «машину» без «тормозов», узурпировав власть, право. Поэтому «машине» и государственным людям все дозволено, никаких тормозов. О каких правилах, нормах и этике может идти речь? Безнравственный человек – лучший человек в таком государстве. Можно и по-другому сказать: «Если ты государственный человек, то ты безнравственный». Политика ассоциируется с безнравственностью, она за пределами жизни, на услужении определенной касты людей.

Художник не может работать за деньги, т.к. иначе он узурпирует свободу. Свобода творческого полета – это по закону жизни. Профессионализм – это не свобода, а ремесло, не творение, а обслуживание за определенные материальные блага.

Жизнь коренных народов Севера гармонична с природой, это творчество, они приспособляются к природе, а не ломают ее. А государственный человек переходит границы, ломает эту гармонию, устойчивость. На каком основании? На основании выгоды. Хотя и выгода, нажива сомнительны. Нравственный человек, приехавший на Север, неволен, его везет машина. Он – винтик машины. Даже если он будет строить дома для местных жителей, то это милостыня, подачка. Уничтожит реку, пастбище и построит дом, живите, мол, пользуйтесь благами цивилизации, ешьте хек вместо нормальной рыбы, которая когда-то была основой жизни этих людей.

Это не просто конфликт между Малыми народами и Большими народами, а конфликт цивилизации и «биологического человека» (т.е. изначального человека любой национальности). Ведь в «цивилизованную машину» бросились «спасаться» крестьяне, забросившие свои российские деревни. Это разращение «машиной» нравственных устоев людей. Всем надо грабить и жить за счет других.

Крестьянин, живущий на земле, был единственным мерилom нравственности народа. Это отмечали Достоевский, Толстой... Единственное мерило, потому что здесь – жизнь. Разрушили крестьянский уклад, основу жизни, и разрушилась нравственность.

Этики – это механизм торможения в этой государственной «машине». Когда идет пожар, нужно не инструкции создавать, а тушить пожар. Поэтому Ваша работа должна быть быстрой, творческой. Нельзя медлить, чтобы

«инструкции по тушению пожара» не превратились в красивые, но не нужные уже никому документы.

Этика сегодня – это скорая медицинская помощь для человека, а не для «машины».

В.Н. Сагатовский
(Крымский госуниверситет)

Альтернатива консенсусу – катастрофа

1. «Человеческое измерение» – пока что не понятие, а образное выражение типа «социализм с человеческим лицом» и т.п. Но его можно и нужно эксплицировать до уровня понятия.

Во-первых, термин «измерение», конечно, надо заменить чем-то другим – например «аспект». Человеческое, если оно не редуцируется до уровня объекта (и тем самым теряет свою гуманитарную суть), как раз и не поддается измерению (вспомним хотя бы трудности с «измерением» ценностных ориентаций).

Во-вторых, человеческий аспект какой-либо ситуации (в нашем случае – арктической политики) имеет две стороны: а) значимость данной ситуации для человека; б) возможность человеческого отношения к иным – нечеловеческим (допустим, природным) аспектам, компонентам этой ситуации. Тогда в комплексной экспертизе ситуации, кроме ее политической, технико-экономической и иных оценок, будут учтены и обе эти стороны ее человеческого или гуманитарного среза: а) как данная ситуация влияет на участвующих в ней людей (человечество, сообщество региона, отдельные народы, отдельные личности); б) что означает и в чем может быть выражено человеческое, гуманитарное отношение к окружающей среде (в нашем случае – к самой Арктике при разработке концепции арктической политики).

Неучитывание обеих сторон человеческого аспекта рано или поздно бьет бумерангом по субъектам, его игнорирующим: противоречия между людьми, развитие экологического кризиса сводят на нет самые хитроумные политические шаги, если они вдохновляются только ценностями власти и прибыли.

2. Бесспорно, что любой регион, Север в том числе, имеет свои особенности, позволяющие говорить о своей аксиологии (системе ценностей) и этике. Эти особенности определяются условиями природной среды, типом культур, имеющих место в регионе, и сложившейся социальной ситуацией.

Природные условия Севера предполагают сложный процесс человеческой адаптации: биологической и культурной. С другой стороны, арктическая природа обладает повышенной ранимостью по отношению к антропогенному воздействию.

Соответственно взаимодействие человека и арктической природы делает возможным четыре варианта: а) органический симбиоз природы и культуры, продукт многовековой адаптации (эта возможность реализуется коренными народами Севера); б) изымание природных ресурсов по максимуму, не думая о завтрашнем дне (идеология и психология хищнических пришлых цивилизаций); в) освоение без постоянного проживания; г) синтез исторически сложившегося и современного образа жизни.

Второй и третий варианты неприемлемы нравственно, экологически и – в конечном счете – также и экономически. Было бы разумно, если бы в повестке дня остался четвертый вариант, который, по определению, должен взять за основу первый. Социальная ситуация, однако, такова, что неприемлемые варианты занимают прочные позиции и без боя не уйдут. В то же время сознание мирового сообщества, новое мышление и стремление к диалогу, естественно, требуют разработки и обоснования варианта синтеза на основе глубокого уважения исторически сложившихся форм единства культуры и природы.

Исторические и природные особенности вкупе с ныне сложившейся ситуацией заставляют сделать акцент на вполне определенных ценностях и этических требованиях. Современное человечество сможет избежать экологической и культурной катастрофы только в том случае, если в основу этики будет положено убеждение в самоценности природы и различных культур, независимо от их технико-экономической и политической мощи. Только такой подход способен преодолеть господствующую ныне утилитарно-функционалистскую этику, когда значимость чего-либо (природы, иных образов жизни) редуцируется до функции полезности относительно целей, принятых в данной культуре. Экстремальные условия Арктики оказываются критическими и для проверки указанной ориентации на самоценность *другого*. Сможет ли человек полюбить эту суровую, трудную для жизни природу? Сможет ли он взять в этих суровых условиях повышенную ответственность за ее ранимость? Сможет ли он отказаться от «прогрессистской» шкалы «выше – ниже» при оценке «нестандартных» культур? Иными словами, способен ли он к герменевтическому пониманию и со-творчеству или же – лишь к хищничеству, потребительству и пренебрежению? Таким образом, Арктика экстремальна и для проверки того, насколько антропокосмизм, эколого-гуманистические ценности действительно вошли в душу личности и культуры. Либо гармония, либо распад и гибель – третьего здесь не дано.

3. Можно перечислить следующие основные типы конфликтов на аксиологической почве при проведении арктической политики.

А. На основе ценностей потребительской технократической цивилизации, считающей себя «выше» и в принципе не способной к рефлексии, справедливой критической самооценки:

а) ведомственный вариант – интересы ведомственного «освоения»

превыше всего («стране нужна нефть» и т.п. – прикрытия могут быть разными);

б) вариант «массовой культуры» – хотим жить, «как белые люди», что нам нужно, то и возьмем.

Никакой моральный диалог здесь невозможен. Нужны политические, экономические, правовые решения и на их основе – соответствующие санкции.

Б. На основе неуважения к интересам другой страны и сохранению среды на ее территории: где-то можно осуществлять экологически чистое производство, а чьи-то просторы превратить в источник дешевых ресурсов и место захоронения вредных отходов.

Такой вариант становится особенно опасен, когда находит «союзников» изнутри, стоящих на технократических и потребительских позициях и готовых торговать чем угодно и с кем угодно.

В. На основе обратной реакции националистического толка, деления населения на «коренных» и «мигрантов», нежелания считаться с тем, что современный мир все более становится целостным, и стремления к власти маргинальных элит. (...)

С.В. Соколовский

(Институт комплексных проблем гигиены

и профессиональных заболеваний СО АМН СССР, г. Новокузнецк)

Арктическая аксиология: импорт ценностей или понимание?

Если шелеровскому европейцу задать вопрос о «человеческом измерении», то в длинной цепи ассоциаций возникнет «почти всегда» фигура Протагора из Абдер, обронившего ставшее потом знаменитым изречение о человеке как мере всех вещей. Любопытно было бы услышать и его ответ, чем по его разумению может являться «человеческое измерение арктической политики»; любопытно прежде всего потому, что точность догадки здесь невелика – смыслы скользят, и пространство возможного становится необозримым.

Можно, например, предположить, что автор понятия «человеческое измерение политики» исходил из аристотелевского человека как существа политического, а следовательно, и аристотелевского понимания политики как «своего рода общения» (государства), организуемого «ради блага». Тогда становится объяснимым и сплав этики и политики как единой «философии о человеческом». Такое понимание политики превращает «арктическую политику» в «арктическую сотериологию».

Употребление в дальнейшем терминосочетания «арктическая аксиология» заставляет, однако, отказаться от мысли, что речь идет о политике в

аристотелевском смысле: ведь этика, ориентированная на ценность, а не на благо, – сравнительно поздний продукт этической мысли. Новоевропейская «ценность» имеет в ровесниках совсем иную «политику», сущностными компонентами которой становятся «интерес» и «власть». Таким образом, в термине «человеческое измерение арктической политики» содержится, на мой взгляд, и такая тема, как власть и человек, государство и человек, и ответить положительно, допустимо ли говорить об особой арктической аксиологии, становится возможным, если существуют некоторые специфические интересы и цели, заставляющие государство осуществлять региональную модификацию своей политики. Иными словами, арктическая аксиология получает право на жизнь, если существует арктическая политика. Иной вопрос – имеет ли такое право сама арктическая политика, существует ли особая политическая ситуация, превращающая Арктику в политический регион?

Таким образом, чтобы ответить на вопрос, необходима ли «Этика Севера», нужно разобраться в политических реалиях Арктики. Известно, что государственная власть осуществляет себя через управление, организацию, руководство, контроль либо господство, основанные как на прямом принуждении и насилии, так и на косвенных формах управления – экономическом стимулировании, культурно-идеологическом влиянии, авторитете и др. Известный политолог, профессор Университета Торонто Ф.Гриффит, анализируя распределение ресурсов в Арктике, еще в начале 1980-х гг. пришел к заключению, что политические структуры и тип местной экономики тяготеют к известному типу стран «третьего мира» с присущими ему экстенсивными формами хозяйствования, отвлечением сырьевых ресурсов в метрополию, сверхэксплуатацией местного населения, колониальными формами правления. Главное отличие от «третьих стран» – отсутствие самостоятельных государственных образований (исключая Гренландию), что в классификационном отношении означает: мы здесь сталкиваемся с различными вариантами домашнего колониализма. Итак, Арктика имеет политическую специфику: здесь сохранились почти повсюду исчезнувшие специфические отношения господства и подчинения, присущие «домашнему колониализму».

Существующая специфика северных территорий делает необходимым развитие нескольких направлений этической экспертизы. Одним из важнейших, с моей точки зрения, является экологическая этика и экологическое воспитание людей, участвующих в практике освоения Арктики и осуществляющих политику освоения. Другим, не менее значимым, является этика межнациональных отношений, первоначальной задачей которой становится демифологизация массового сознания. Третьим направлением может стать переориентация всех социальных наук, имеющих в качестве объектов исследования человеческие общности, и их взаимодействие на понимающий

подход: задача этики видится в определении границ универсума, за пределами которого объективистско-манипулятивная парадигма европейского исследователя становится несостоятельной.

Если первое направление этической экспертизы уже имеет традицию, то второе и третье практически отсутствуют, что объясняется устойчивостью социальных табу и мифологем, препятствующих рациональному постижению драматических реальностей Севера. Отсутствие столь необходимых направлений этической экспертизы делает уместным рассмотрение возможных реализаций этих направлений, осмысление возникающих здесь задач.

Изложенная ранее точка зрения Ф.Гриффита на Арктику как на сырьевой придаток европейских и американских метрополий нуждается в дополнительных экономических, политических и социологических исследованиях. Арктика неоднородна в отношении властных структур – здесь есть территории, где власть осуществляется средствами идеологического производства и основана на убеждении, являющемся продуктом особых коммуникационных стратегий. Однако нередки здесь и территории, на которых управление граничит с господством, а преобладающим средством руководства является административный произвол и экономический диктат центра. Этический мониторинг принимаемых в рамках арктической политики решений требует точного диагноза и неискаженной информации о структуре властных отношений.

Ранее называлась такая задача арктической этики, как демифологизация массового сознания в сфере межэтнических отношений. Речь идет, прежде всего, о борьбе с такими стойкими умонастроениями в отношении коренных народов Севера, как патернализм, комплекс «старшего брата», бытовой расизм и т.д.; о борьбе, без которой сложившаяся структура этнических неравенств вряд ли будет перестроена на принципах гуманизма. Даже предварительное знакомство со структурой этих неравенств обнаруживает наличие господствующих, доминирующих и подчиненных, маргинальных этносов, воспроизводящейся не только за счет особого распределения властных полномочий и ресурсов, но и благодаря используемым сознательно и бессознательно символическим средствам идеологического производства. Именно они должны стать объектом пристального внимания этиков, ибо в современном обществе личность все чаще становится жертвой идеологического манипулирования, потребителем мифов, оправдывающих и обеспечивающих воспроизводство наличной структуры власти.

В современной науке уже разработан инструментарий анализа совокупности дискурсивных практик – от правительственных документов до повседневных разговоров, – лежащих в основе идеологических средств воспроизводства власти «белого большинства» над меньшинствами (Ср. работы: ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989; Он

же. Расизм и язык. – М., 1989). Здесь задачами этиков становятся разоблачение этнических предрассудков, демифологизация так называемого «здорового смысла», «вправление чистого сознания» и воспитание навыков понимания другого народа, устранение ксенофобии и расизма.

Что касается мифов научного сознания, обильно представленных в современной этнографии и этносоциологии (презумпция превосходства собственной культуры, миф об иерархии видов труда, концепции «прогрессивной ассимиляции», «интернационализации» и т.п.), то надежды на их разоблачение связаны, главным образом, с деидеологизацией социального и гуманитарного познания, переходом от «субъект-объектных» к «субъект-субъектным» технологиям исследования, что невозможно без замены манипулятивного подхода на понимающий.

Здесь кажется уместным процитировать признание одного из норвежских исследователей, отразившего его опыт общения с народами «третьего мира»: «В используемом нами подходе предполагалось, что наша культура является моделью для всех обществ – то, как мы действуем, наша экономика, наш подход к устройству общества с его рынками, производством, его культурной жизнью, религией и т.д. Этот подход с очевидностью провалился. Мы видим все больше исследовательских проектов, терпящих фиаско, и все потому, что нет понимания, нет осознания того факта, что мы основываем свои подходы на определенных ценностных системах, определенном образе действий, который мы импортируем бессознательно. Это обычно не рефлектируется, скрыто от сознания. Даже в словах, даже в том способе, как мы используем слова, мы выражаем наше собственное общество и то, как мы смотрим на вещи».

Эта пространная цитата весьма точно обозначает еще одну тему, важную для этической экспертизы – тему универсалий в ценностных системах взаимодействующих народов, тему уникальности этического наследия каждого из этих народов, без исследования которых идея этики социально-нравственного консенсуса становится мертвой.

Слова, использованные в Декларации базовых ценностей арктической политики, в этом смысле тоже – «наши слова», в которых мы выражаем собственное общество, а базовые ценности вне глубокого знакомства с ценностно-нормативными системами индигенных народов – это «импортированные ценности». Этой контрабанде с лучшими намерениями так и суждено остаться контрабандой, если не осуществится самотрансцендирование европейской (как, впрочем, и индигенной) культуры, возможной лишь на основе диалога и понимания. Пока этого не произошло, «мы» в состоянии решать лишь «наши» проблемы, делая это по возможности цивилизованным способом. И именно в этой временной капсуле, обозначаемой выражением «до тех пор, пока не» возникают цели и средства, необходимые для их осуществления, могут формулироваться «ближайшие задачи».

Внутри этой временной капсулы существуют наши собственные противоречия, слои отчасти скрытых и неосознаваемых, отчасти вполне осознанных «до тех пор, пока», однако число их конечно. Приведу одну иллюстрацию. В Декларации в числе ближайших задач названа «безотлагательная разработка и реализация нормативных международных актов, запрещающих все техногенные воздействия, имеющие губительные последствия для природы и населения Арктики». Реально, если не ориентироваться на бессрочную перспективу, а иметь в виду именно «безотлагательную реализацию» и, следовательно, отказаться от спекуляций на тему безотходных производств, это означает программу сворачивания «индустриального освоения», того самого освоения, в которое уже вложены сотни миллиардов рублей. Здесь возникает первое «до тех пор, пока не», связанное с осознанием того обстоятельства, что страна, как бы парадоксально это ни выглядело, останется сырьевым придатком более развитых держав, продолжая наращивать темпы нефте- и газодобычи. Думается, что в структуре процессов, ведущих к такому осознанию, в критике техноцентристской цивилизации существуют собственные «до тех пор, пока».

Их осмысление и повседневная работа по их разрешению дают возможность вырваться из плена «пока», рассеять мифы технократической утопии и попытаться понять другого, будь это человек, народ или государство.

Ю. М. Федоров
(ИПОС СО АН СССР, г. Тюмень)

Спасти Север может не политика, а культура

1. Объем, содержание и валентность понятия существенно предопределяются его местом и ролью в ареале значений определенной парадигмы. Для того, чтобы выявить степень соотнесенности понятий «арктическая политика» и «человеческое измерение», их необходимо предварительно поместить в семиотическое пространство одной из существующих социально-нравственных парадигм, что позволит установить тот континуум, те пределы, в рамках которых они взаимодействуют.

Структура морали состоит из четырех основных парадигм, связанных между собой иерархическим принципом. В рамках каждой из этих парадигм интересующие нас понятия сопрягаются между собой различным образом.

Известно, что человек является субъектом и объектом социально-нравственных отношений с обществом (парадигмы долга и блага); с другим человеком (парадигма добра) и с самим собой (парадигма свободы). На том или ином этапе его истории доминирующей в системе социально-нравственных отношений оказывается одна из его связей, а следовательно, и соответствующая ей парадигма (сверхпарадигма), гипертрофически изменяющая валентность и смысл нравственных знаков и значений.

Парадигма долга – это система нравственности, построенная на долженствовании. Долг перед обществом является абсолютной нравственной ценностью, тотально регулирующей поведение человека. Блага же, которыми общество должно его обеспечивать, – нечто вторичное и несущественное. Добро, продуцируемое человеком по отношению к другому человеку, лишь постольку нравственно, поскольку оно согласовывается с долженствованием, в противном случае оно – проявление «абстрактного гуманизма». Именно долженствование становится «объективной основой», позволяющей классифицировать людей на «своих» и «врагов». Нравственны лишь те степени свободы, которые позволяют человеку более эффективно выполнять свой долг перед обществом.

Парадигма блага. Принцип «долг ради долга» (И.Кант) в парадигме долга замещается принципом «благо ради блага». Парадигма блага становится господствующей в обществе, переживающем стагнацию. Если в рамках парадигмы долга осуществляется диктат общества над личностью, то здесь – диктат личности над обществом. В нравственной рефлексии акцент перемещается с требований на потребности. Нравственным признается лишь то, что приносит индивиду максимальное благополучие. Выполнение долга оказывается нечто вторичным, декларативным. В условиях стагнации всех структур, связанных с производством, наблюдается стремительный рост личностных потребностей, получивший в социологии наименование «революции социальных ожиданий». Добро, творимое по отношению к другим людям, рассматривается лишь в том случае в качестве нравственного, если оно приносит творящему дополнительные блага. Нравственны лишь те «степени свободы», которые позволяют индивиду присваивать максимальные блага.

Если парадигма долга органически вписалась в идеологию командно-административной системы, то парадигма блага превратилась в «теневую мораль» теневой экономики, мафиозного перераспределения производимых в обществе благ.

Парадигмы долга и блага составляют самый низший, социетальный уровень нравственности (социология морали), им соответствуют репрессивные формы нравственного сознания, подпорками которых являются сверхидеал и сверхнасилие.

Парадигма добра. Нравственным в парадигме добра является лишь то, что соответствует принципу гуманизма. Безнравственным – все то, что дегуманизирует экологию человеческого духа. Долженствование – лишь один из нравственных процессов, ограниченных континуумом, крайние точки которого – суть Добро и Зло. Выполнение долга по отношению к социальным институтам и, прежде всего, институтам власти, является моральным при условии, если оно согласовано с принципами «минимизации зла» и «максимизации добра». Долг, не согласованный с принципом добра, без-

нравственен. Блага – лишь «строительный материал», идущий на возведение Храма Добра. Человек является свободным постольку, поскольку добродетелен, милосерден. Перестройка в морали – это попытка выйти за социальные формы нравственности, прорыв в сферу гуманизма и свободы.

Парадигма свободы. Нравственным является все то, что ведет к расширению сферы личных свобод. Долг, оказавшись лишь производной от свободы, требует от человека восстать против социальных институтов и установлений, порабощающих его природу. Благо утрачивает свои утилитарно-потребительские и социально-статусные функции и превращается в средство духовного и социального самораскрепощения человека. Нравственны лишь те формы добра, которые подводят человека к самоосвобождению на пути творческого самосозидания. Как считал Н.А.Бердяев, «свобода укореняется в ничто». Это самая высшая форма морали, репрезентирующая собой универсум, в котором макрокосм /природа/ и микрокосм (человек) сливаются в единый социоприродный процесс и, как считал П.Флоренский, микрокосм вбирает в себя весь макрокосм.

В реальном обществе нравственные парадигмы не только сосуществуют, но и взаимодополняют одна другую. Человечество в своем историческом становлении постепенно восходит от социальных к высшим формам морали. В рамках предлагаемой нами концепции структуры парадигмальных форм морали мы и попытаемся ответить на вопросы, содержащиеся в экспертной анкете.

На наш взгляд, попытка отыскать человеческое измерение в арктической политике в лучшем случае – утопична, в худшем – апологетична. Мораль и политика соотносятся между собой лишь в пределах социальной формы нравственной практики (парадигмы долга и блага). Политика в высших ее проявлениях выполняет функцию регуляции общественных отношений в направлении достижения социальной справедливости, основанной на балансе долга и блага. Мораль в этой сфере отношений идет на «альянс» с политикой, так как не имеет своих собственных институций. Она резко выступает против политики, как только та начинает разрывать органическую связь между долгом и благом, противопоставляя их друг другу («политика кнута и пряника»). За пределами социальных форм нравственности мораль не соотносима с политикой. Высшие формы морали (парадигмы добра и свободы) принадлежат не сфере политики, а сфере культуры. Может быть «культурная политика», но не может быть «политической культуры». Человеческое измерение арктической политики, если оно и возможно, то только в качестве особой рефлексивной процедуры (гуманитарная экспертиза) с позиции парадигмы добра, то есть с более высокой парадигмальной инстанции, нежели политология, непосредственно курирующая этот объект научного наблюдения.

2. Ценности – это такие значения, которые «фиксируют» и «техноло-

гизируют» отношения человека к универсуму, отношения между микрокосмом и макрокосмом. Этим они отличаются от норм, которые технологизируют отношения человека к наличному социуму, и знаний, фиксирующих человеческие отношения в качестве законосообразных объективаций. Но если ценности универсальны, то о какой особой аксиологии может идти речь? Аксиология едина, так как исследует общечеловеческие ценности. В то же время в различных культурах объем и содержание ценностного ядра различен. Ценностное ядро европейской культуры имеет сложную и разветвленную инфраструктуру из норм и знаний. Коренные народы Севера являются носителями иного типа культуры, которая почти не имеет внешней нормативно-дескриптивной оболочки, она вся суть ценностная. Культура европейцев укоренена в «землю», культура северян – в «космос». Если принять неологизм «Арктическая Аксиология», то это такая отрасль аксиологии, которая призвана исследовать ценностные формы отношения Человека к Природе в условиях Севера (культуротворческая деятельность коренных его народов).

3. Основной конфликт, разыгрывающийся на Севере – это конфликт между такими парадигмальными формами сознания и деятельности, которые основываются на принципах «блага и долга» и «добра и свободы». Коренные народы Севера естественные носители нравственного сознания «добра и свободы».

Ведомства, осуществляющие свою экспансию на Север, являются носителями репрессивной промышленной и социальной технологий. Мотивируя свою деятельность «долгом во имя блага», они культивируют зло и несвободу. Складывающиеся на Севере общности «второпроходцев» по своим ценностным ориентациям также представляют угрозу для этносоцио-био-геоценоза. Спасти Север может не политика, а культура. Чем быстрее «второпроходцы» адаптируются к ценностям «первопроходцев», тем больше шансов возродиться Северу в качестве уникального социоприродного процесса.

4. «Сбалансированное развитие» Севера возможно лишь в том случае, если осуществится процесс конвергенции двух Культур на базе общечеловеческих ценностей. Но пока в культуре мигрантов и ведомств будут преобладать социетальные формы морали, любые разговоры о «сбалансированном развитии» – это лишь уловка, за которой стоят интересы ведомств, а не народов. Так как именно малочисленные народы Севера являются носителями высших форм нравственности, а вторгшиеся на их территории ведомства – репрессивных форм нравственного сознания, речь может идти только о приоритетном развитии. При этом под «приоритетным развитием» мы понимаем такую форму инновационной деятельности индивидов, групп и этносов, которая по целям и задачам полностью согласовывается с принципами парадигмы «добра и свободы» и влечет за собой появление и закреп-

ление новых элементов ноосферы.

А.Б.Франц

(Институт маркетинга при НПО «ПолярЭКС», г.Свердловск)

К «этике севера» – от «человека севера»

1. Ответ зависит от того, о какой этике идет речь. Если о публицистической этике, об этике проповеди, этике лозунга, этике листовки, то понятие «человеческое измерение» работает здесь ничуть не хуже, чем любое другое. Более того, в силу своей недифференцированности, неопределенности, оно, пожалуй, даже более практично и эффективно в использовании, чем какое бы то ни было другое.

Что касается понятия «человеческое измерение» как инструмента теоретического анализа, то это довольно беспомощный, на мой взгляд, инструмент, опять-таки в силу своей неопределенности. О чем идет речь?

- О человеческой телесности, условиях его «плотского» бытия, и соответственно, о технологии властного манипулирования телом – о «политической анатомии тела»?

- О смыслообразующих структурах в человеческой коммуникации, об идеальных формах человеческой жизнедеятельности?

- Об эмпирически находимых условиях человеческого общежития, о том, что условно называют «соцкультбытом»?

- О типе человеческой коллективности, организующей собою эти эмпирически находимые условия?

Иными словами, понятие человеческого измерения допустимо лишь тогда и постольку, когда и поскольку за ним явно и недвусмысленно стоит совершенно определенная философская концепция человека, задающая для него способ интерпретации. Поскольку «эпоха перестройки» такой концепции сколько-нибудь явно не формулирует, то отнесение понятия «человеческое измерение» к речевым фантазиям напрашивается само собой.

2. Разумеется, допустимо. С тою же, впрочем, оговоркой, что и по поводу «человеческого измерения». А именно: «Этика Севера» возможна постольку, поскольку имеется концепция «Северного Человека», «Арктического Человека» (не путать со Снежным человеком).

Соответственно, «Этика Севера» отличается от южной, восточной и западной этик так же, как «Человек Севера» отличается от человека Юга, Востока и Запада.

Что же касается ценностных оснований, драматизирующих арктическую политику, то драма, как представляется, заключена в отсутствии единых ценностных оснований. Слишком уж многолик «Человек Севера» (это, впрочем, достаточно тривиально), слишком разнообразны его интересы. Это охотник и буровик, рыбак и газопромышленник, чиновник нефтегазо-

вого концерна и вахтовый рабочий, абориген и пришелец. Думается, что «Человек Севера» – не слишком благодатная почва для построения консенсуса.

3. Типичный конфликт – по поводу распределения ресурсов: ресурсы территории, ресурсы недр, ресурсы свободы, ресурсы групповых честолюбий. Собственно, других конфликтов и не бывает.

Что касается типичных ситуаций социально-нравственного выбора, то они связаны: а) с непосредственным либо опосредованным обретением искомого ресурса; б) с предпочтением одного ресурса другому.

Что предпочесть – взять все сегодня (не оставив ничего на завтра) или брать «сбалансировано»; что предпочесть – материальный ресурс (беря на совесть геноцид по отношению к коренному населению) или же такой немаловажный ресурс, как «доброе имя»?

4. Возможна ли «Этика Сбалансированного Развития»? Трудно сказать. В социальном плане этот вопрос имеет эквивалент такого рода: возможен ли механизм полной и безоговорочной гармонизации различных интересов? Даже рынок и механизм представительной демократии не являются эталонами в этом отношении, хотя, безусловно, они здесь лидеры.

В мировой практике на повестке дня стоит вопрос о существовании малых территориальных сообществ, не выходящих за порог величины, после которого начинаются необратимые процессы отчуждения. Вероятно, что если в социальном плане модель малых сообществ и их ассоциаций окажется жизнеспособной, то возникающие в них ценностные структуры заложат основания для «Этики Сбалансированного Развития».

В.И.Бакштановский

(Институт проблем освоения Севера Со РАН СССР)

Категорический императив этики освоения Севера?

(послесловие редактора)

«... Все усилия своего отдела Мак-Интош сосредоточил на самаритянской программе. Этическая проблема в ее чистом виде, как он себе представлял, – это двое на плоту, выдерживающем только одного; и он все старался построить автомат, который разработал бы четкий алгоритм этического поведения для таких обстоятельств. Задача не из легких. Первая модель, “Самаритянин-1”, прыгала за борт с величайшей охотой, но прыгала ради спасения любого предмета, оказавшегося рядом с ней на плоту, от чугунной болванки до мешка мокрых водорослей. После многонедельных жарких препирательств Мак-Интош согласился, недискриминированная реакция – явление нежелательное, забросил

"Самаритянина-1" и сконструировал "Самаритянина-2", который жертвовал собой ради организма, хотя бы уже не менее сложного, чем он сам...».

Майкл Фрейн. Оловянные солдатики

Сотрудникам отдела этики – героям научно-фантастического романа – предстоит сконструировать и испытать программы «Самаритянин-3», «Самаритянин-4» и т.д. Организаторам опроса, результаты которого публикуются в этом сборнике (дело читателя определить отношение данного эпиграфа к его содержанию), предстоит провести 2-й и 3-й, и т.д. туры диалога экспертов, объединенного темой проекта «Арктические ценности: выбор сбалансированного пути развития (циркумполярная аксиология и праксиология)». Цель Проекта – этико-прикладное исследование ситуации морального выбора в арктической политике; основные задачи: а) экспертиза подлинности и мнимости конфликта инновационной и традиционной культур; б) консультирование выдвигаемых моральным сознанием императивов этики освоения Севера.

Перспектива серии экспертных опросов побудила меня посвятить это Послесловие не «выводам», «заклучениям», а постановке программных вопросов к следующим турам.

1. Смутное время, тотальная переоценка не только ценностей, но и понятий, «загруженность» большинства из них негативными значениями требуют уточнения смысла выражения «арктическая политика» (плюрализм истолкований «человеческого измерения» очевиден после ознакомления с материалами этого опроса).

На самом пике эффективности идеи гуманитарной экспертизы политических решений, призванной своими результатами консультировать практику политического выбора (см.: В.И.Бакштановский. Лаборатория в Храме Свободы (II) – Тюмень, 1990), вдруг взорвалась новой актуальностью важнейшая в эпоху застоя проблема морального квиетизма, морального нейтралитета, неучастия в политике. Становится все более насущной заботой эпохи тотальной политизации моральная защита от политического выбора.

Наша сегодняшняя свобода оказалась настолько обремененной отчуждением – неподлинным выбором, политическим аморализмом, – что приходится ставить специальную научно-практическую задачу по развитию культуры неучастия в мнимом выборе, предлагаемом наличными политическими альтернативами. Как разрешить парадокс этапа зарождения свободы, когда эйфория от тотальной политизации и общественной, и частной жизни заглушила инстинкт морального самосохранения, затянула в водоворот свободы выбора те моменты моральной регуляции субъекта, которые призваны уберечь его от отчужденных альтернатив, самосохранять ук-

лонением от неумеренной политической активности?

Но что же, свобода выбора сама по себе обрекает на аморализм политических решений? А как же с тезисом о нравственном возрождении именно через «воспитание выбором» (сравните, например, само название моего Послесловия к сборнику материалов одного из первых экспертных опросов: «Самотлорский практикум: воспитание выбором» - см.: сб. «Самотлорский практикум-2». – Москва-Тюмень, 1988)? Тезис вполне правомерен. Но, видимо, целесообразно в дальнейшем исходить из более строгого различения задач морали в ситуациях: а) подлинного выбора, где подразумевается воспитание достойным выбором; б) неподлинного выбора, где речь пойдет уже о воспитании выбором неучастия, уклонения, отказа и т.д.

Не разумнее ли обусловить употребление понятия «арктическая политика» обязательной дозой скепсиса уже относительно масштаба его применения в поиске средств «освоения без отчуждения»? Разве политическая жизнь – единственная сфера проявления гомо моралес? «Человеческое измерение» политических решений – единственное направление приложения идеи гуманитарной экспертизы и консультирования? Политика – единственная надежда спасения Севера, даже если речь идет о политике, цели и средства которой контролируются моральными ценностями и нормами?!

И, наконец, не является ли более плодотворным, прежде всего, тот широкий смысл понятия «арктическая политика», который во многом совпадает с понятием «новое освоение»? Может быть, такая версия позволит избежать указанных ранее парадоксов и негативных смыслов?

2. Знак вопроса, поставленный в названии моего Послесловия, относится и к возможности именно категорического императива для «частной» этики, и к возможности собственно этической теории освоения Севера.

Что могут сказать нам, по мнению М. Сагоффа, Каний, Роулс или утилитаристы по поводу кислого дождя? Трудно не увидеть здесь все то же двойное сомнение: возможность «чисто» этического, внемеждисциплинарного подхода, с одной стороны, и, полагаю, скепсис в приложимости именно категорического императива – с другой. Может ли быть безусловным моральный императив, формулируемый для определенных условий, – при освоении Севера? Остается ли он именно категорическим, устоявшим перед рефлексивным скепсисом – прогнозом, сформулированным самим Кантом: «Нужно еще считаться с возможностью; не гипотетические ли в скрытом виде все те императивы, которые кажутся категорическими» (И.Кант. Соч. в 6-ти томах, т. 4, ч.1., с. 258).

Еще предстоит определить контуры этики освоения Севера, ее статус-прописку в комплексе научных дисциплин, объектом которых является Север. Но долго ли придется искать аргументы, снимающие последнее сопротивление против трактовки этики как ядра междисциплинарного гуманитарного комплекса? Шквал «кровосмесительных» работ, особенно в становя-

щейся арктической этноэкологии, не показывает ли риторичность этого вопроса?

Приложение этических исследований к процессу освоения Севера легче всего дается тем версиям науки о морали, которые активируют проблематику этики как «практической философии». Именно этим версиям предстоит сегодня предложить парадигму, избавляющую этику от устаревшего образа мышления, от парадокса – этика вчерашнего дня занимается днем завтрашним. Исследовательский проект этики освоения Севера претендует на преодоление этого парадокса? Значит, предстоит убедиться в действительной инновационности подхода, в рамках которого этика стремится привлечь на правах парадигмального соавторства весь этически ориентированный арсенал гуманитарных исследований; при этом еще предстоит в процессе дискуссии между сторонниками данной парадигмы решить вопрос о природе самого этического «ядра» этого междисциплинарного комплекса – образует ли такое ядро «прикладная этика», «социология морали» или ...?

3. Арктическая политика сегодня – прежде всего экстракт этноэкологической политики. Соответственно, этика освоения Севера – во многом этноэкологическая этика. Если написать это предложение без неизбежного знака вопроса, придется предложить без такого знака и тезис о том, что категорическим императивом этики освоения Севера является принцип «освоения без отчуждения», который среди многих стратегий воплощается в ценностях и нормах сбалансированного развития.

Разумеется, сегодня этот тезис без глубокой рефлексии не приемлем. Возвращая на законное место знак вопроса, предстоит подвергнуть глубокой рефлексии и опасения в маскирующем характере самого выражения «сбалансированное развитие» (скрытая конкиста, прогрессорство, высокомерие индустриальной цивилизации и т.п.), и аргументы против этической регионалистики (подрывающей идею морального Абсолюта, с одной стороны, мифологизирующей моральную атмосферу Севера – с другой, нивелирующей множественность моральных систем на Севере – с третьей).

Важно попытаться выявить весь «банк» императивов освоения Севера. Версии о приоритете сбалансированного развития предстоит отстаивать себя средствами морального оправдания не только перед альтернативами типа «закон-тайга» или «человек человеку и природе – Друг», но и дискуссией о смыслах самого сбалансированного развития. Этот императив должен быть испытан процессом реконструирования стоящих за разными его толкованиями нравственных идеалов и ценностей, и особенно толерантностью к иным моральным системам, и способностью к сотрудничеству с ними, и к моральному консенсусу.

Полагаю (пусть и со знаком вопроса), что сбалансированное развитие – это не просто «сбалансированная» политика, но «сбалансированная» ак-

сиология освоения Севера. Императивом является паритет различных систем моральных ценностей (прежде всего между традиционной культурой и культурой индустриального общества), обуславливающий и паритет выражающих эти системы стратегий освоения. Да, освоение без отчуждения невозможно без признания равноправия и равноценности (экономической, политической, идеологической) индустриальных и аборигенных форм образа жизни и природопользования. Этическое обоснование этой этноэкологической парадигмы (см.: И.И.Крупник. Арктическая этноэкология. – М., 1989) и содержится в идее морального консенсуса, который является предметом не только гуманитарной экспертизы, но и этического консультирования и, возможно, этического проектирования.

Заключая эти «воспоминания о будущем», обращаюсь к символу, вынесенному на обложки публикаций лаборатории прикладной этики. Моральная ангажированность донкихотов – эталон человека, пришедшего на Север, уже освоенный иной культурой. Способность донкихотов принять как абсолют «лодку» этой культуры – залог освоения без отчуждения.

SUMMARY

Section: THEORETICAL SEARCH

***Prokofiev, A.V. The Economic Challenge to the University:
an Ethical Reflection* 9**

The paper analyzes the range of threats created by the subordination of various university activities to the imperative of economic efficiency. This subordination is fraught with danger of a complete disregarding of university non-pragmatic values and goals (so called 'metaphysics of the university'). The university can cease to be a school of critical thinking, a community of scholars committed to the ideal of the perpetual increase of knowledge, and a space of the personal growth and development of students. The author arrives at the conclusion that a resistance to negative changes can not be sustained by means of transforming a defense of 'university metaphysics' into professional duty. The effective resistance requires constructing new institutional frameworks that allow moral beliefs of professors and administrators to become a real power. In the conclusive part of the paper the author advances the hypothesis that the emergence of entrepreneurial universities not only subordinates the university to the economic imperative but creates a new room for the 'metaphysics of the university'. The threat contains a seed of opportunity.

Key words: commercialization and corporatization of university, university metaphysics, critical thinking, pursuit of knowledge, self-realization, entrepreneurial university.

***Skvortsov, A.A. The «flagship university» project
and academic ethics* 32**

The article is devoted to the analysis of the «flagship university» idea and its correspondence to the principles of academic ethics. The «flagship university» project flows from the logic of higher school reforms and continues some similar projects of transforming conventional universities into "innovative", "research", "optimized", etc. The purpose of the discussion project involves orientation the university activity to the needs of the regions and stopping the outflow of talented entrants. The «flagship university» idea itself agrees with principles of academic ethics and actualizes its important component – the message of serving to the native land. However, upon closer examination, its content doesn't conform neither to achievement purposes, nor to the message of service. The motivation of working for the development of the social and cultural environment of own region is substituted by the requirements to comply with formal indicators which don't directly concern the needs of the local economy, science and education.

Key words: ethics, academic ethics, flagship university, science, education, reform of education, community, scientometrics.

Apressyan, R.G. Ambiguous Conditions. Equivocal Situation 41

No professional ethics would work unless it were set up by goodwill and exercise voluntarily. However, unlike individual moral attitude or personal morality good will is not a sufficient source for professional ethics efficacy. Professional ethics is related not only to profession as such, but rather to professional association or an organization through which a profession may be implied. Such organization, say, a university should be designed in a way to allow a professional to actualize him/herself, what is more, in the best possible manner or even perfectly. The academic and administrative regime at today Russian university leaves almost no condition for an academic's full professional accomplishment. His/her situation is equivocal. It is worsened by ambiguous conditions of the Russian university today virtually deprived of administrative and academic autonomy.

Key words: professional ethics, university ethics, backbone university in Russia, academic freedoms, personal dignity, professional vocation.

Belyaeva, Elena. Mission of the professor in the context of the university mission 52

The mission of the professor depends on the mission of a certain type of the university; it has a pedagogical, research and management component, each of which has a moral meaning. Execution of the «third mission» of the university is possible only if the principles of management ethics are consistently implemented, one of the most important moral principles of which is trust in the competence and values of professionals, support for the fulfillment of their professional mission.

Key words: Mission of the professor, university mission.

Sychev, A.A. Professional ethics in a risk society 60

The article deals with the specific character of professional ethics development. Her primary archetypes are found in the systems of moral norms of doctor, knight and monk, which were formed in a traditional society and based on the ideas of heroism, self-sacrifice, and holiness. Professional ethics in its proper sense is considered on the example of economic, political and scientific ethics of the Modernity. Moral norms here became more concrete, realistic, and utilitarian; the requirements changed from maximalist and perfectionist to moderate; the actions began to be determined not by an abstract duty, but by a specific responsibility. Most of the actions aimed at the benefit of others moved from the category of the obligatory into the category of the desirable, and the traditional orientation toward survival and the precaution were replaced by an orientation toward success and willingness to take risks. Auschwitz, Hiroshima, Bhopal,

Chernobyl demonstrated the crisis of the Modern values and the need to search for a new ethic of a risk society. The author concludes that one of the possible options for overcoming the global crisis can be the return to the key traditional values and the actualization of the precautionary principle. In this case, the choice between the maximum and minimum of the moral reaction in each specific case depends on the scientific, economic and political justification of the degree of risk.

Key words: professional ethics, medical ethics, traditional society, Modern, spiritual crisis, risk society.

Moskich Yury N., Viktoruk Elena N. University of the third generation as reality: new mission and problems of its formation 70

The emergence of new generation universities is analyzed by the authors from the viewpoint of the new «Great Transformation» of the world, radically changing the world and leading to the need for the emergence of a new third actual mission of the university - «service to society». The complex of ethical consequences of the new mission for universities, threatening the destruction of the “metaphysical” foundations of the university ethos, its main traditional tasks in the formation of professionals, is considered. The «ethics of cooperation» of various «local ethics» - scientific, teaching, entrepreneurial, official, managerial - is defined as a prerequisite for the formation of values of the ethics of new universities.

Key words: university mission, professional ethical regulation, third-generation university, university ethics values, modern university education, support Russian universities, entrepreneurial activity of universities.

Rohozha Mariya Mikhailovna. On the Issue of University Identity (Ethical Dimension) 82

The paper deals with university identity through the prism of spiritual mood of university intellectuals. Values of academic freedom and professional service are observed in historical circumstances of their origins at medieval university and development at Humboldt University of Berlin. Contemporary stage of university development is connected with the mission of public service; it demonstrates the mode of actualization of these now timeless values (academic freedom and professional service) at symbolic capital of the university intellectual as well as at quantitative indicators which are fixed by university ratings as tools of social significance measuring.

Key words: university mission, teaching, research, public service, symbolic capital, university rating.

Tulchinskii Grigorii Lvovich. From the ethics of the profession to the mission and problematization of the university 90

Universities are experiencing a powerful challenge these days. This challenge is associated with a number of objective processes of the development of modern civilization, primarily digitalization. These processes call into question the possibility of broadcasting professional ethics. Moreover, the university ethos becomes uncertain.

Key words: digitalization, ethics, professions, university, work.

Column of academician A.A.Guseynov

Ethics of Trotsky, or about the most important moral lesson of the October Revolution and the Soviet social experiment 94

The article deals with the issue of the justification of violence for good. It is shown that if this is impossible with respect to such high and undoubtedly humanistic goals as the goals of the October Revolution, then this is impossible at all. The main arguments connected with the moral justification of violence in the revolutionary struggle are analyzed using the example of L.Trotsky's article «Their Morals and Ours».

Key words: Morality. Violence. Purpose and means. Trotsky. Policy. Ethics.

Section: UNIVERSITY MISSION

Sogomonov Alexander. "Sustainable University" (innovations, postuniversity, ethics) 112

Current transformation of higher education and universities is under the consideration. Universities today do not simply reject their classical missions (research and education), but adopt new values, and orientations. And cultivation of the next generation of innovative leaders is becoming basic one. But because many world universities under the transition adopt their individual strategies and concepts, we see how the universal model of higher education is evaporating and the era of individual institutions is coming to the stage.

Key words: innovations, leadership, "generation next", postuniversity, postuniversity ethics

Bakhtanovsky, V. I., Bogdanova, M. V. Values of professional ethics in the formation of the support of the University Identity 127

The review of two Rector's seminars held at the Tyumen Industrial University in 2017 represents the experience of projecting reflection and discussing actual life issues of the university. The conceptual and empirical problems of the phenomenon of professional ethics undertaken at the seminars were reconstructed. First was the ethics of the basic professions of scientific and educational activity, above all, the ethics of the professor in the conditions of the university transformation. Second was the poten-

tial of the engineer ethics values to maintain the identity of the University. It shows the constructive potential of this kind of reflection for the development of communication within the university community on pressing for a transformed university problems of its identity.

Key words: basic university, professional ethics, engineering ethics, university transformation, conflict of values, identity, reflection.

Section: FROM THE HISTORY OF INNOVATIVE PARADIGM

Imperatives of the Ethics of the North..... 166

It is one of the results of the institution, which has become the closest predecessor of Applied Ethics Research Institute - Laboratory of Applied Ethics of the Institute of Northern Development SB RAS. The selected texts from the collection of materials of the expert poll, conducted in 1990 by the laboratory of applied ethics in the framework of the project «Arctic Values: Choice of a Balanced Way of Development» (circumpolar axiology and praxeology).

Key words: Arctic values, Ethics of the North, praxeology.

Авторы выпуска

Апресян Рубен Грантович, д.ф.н., проф., главный научный сотрудник, руководитель сектора этики Института философии РАН; ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; apresyan@mail.ru

Бакштановский Владимир Иосифович, д.ф.н., проф., директор НИИ ПЭ ТИУ; priclet@tsogu.ru

Беляева Елена Валерьевна, к.ф.н., доцент, Белорусский государственный университет (БГУ); bksisa@rambler.ru

Богданова Марина Владимировна, д.с.н., главный научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; etika2@tsogu.ru

Викторук Елена Николаевна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой философии, социологии и религиоведения ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П.Астафьева»; eviktoruk@yandex.ru

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., проф., академик РАН, научный руководитель Института философии РАН; guseinov@iph.ras.ru

Москвич Юрий Николаевич, к.физ.-мат.н., проф., зам. проректора по науке и международной деятельности ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П.Астафьева»; yumoskvich@mail.ru

Прокофьев Андрей Вячеславович, д.ф.н., проф., главный научный сотрудник сектора этики Института философии РАН; ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; avprok2006@mail.ru

Рогожа Мария Михайловна, д.ф.н., проф., профессор кафедры этики, эстетики и культурологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко (Украина); mrogozha@ukr.net

Сворцов Алексей Алексеевич, к.ф.н., доцент кафедры этики философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; lambis@mail.ru

Согомонов Александр Юрьевич, к.ист.н., ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; sogi@mail.ru

Сычев Андрей Анатольевич, д.ф.н., проф.; кафедра философии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева; sychevaa@mail.ru

Тулчинский Григорий Львович, д.ф.н., проф.; кафедра междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, заслуженный деятель науки РФ; gtul@mail.ru

List of authors

Apressyan, Ruben Grantovich, Dr., Professor, Chief Research Fellow, Head, Department of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); apressyan@mail.ru

Bakhtanovsky, Vladimir Iosifovich D.Sc., Professor, Director of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); priclet@tsogu.ru

Belyaeva Elena, Candidate of sciences (PhD) in Philosophy, Belarusian State University; bksisa@rambler.ru

Bogdanova, Marina Vladimirovna, D.Sc. in Sociology; Leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); etika2@tsogu.ru

Viktoruk, Elena Nikolayevna, D.Sc., Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Religious Studies in Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, the city of Krasnoyarsk, Russia; eviktoruk@yandex.ru

Guseynov, Abdusalam Abdulkerimovich, D. Sc., Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, RAS Institute of Philosophy; Chief Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); guseynov@iph.ras.ru

Moskvich Yuri N., Candidate of Physics and Mathematics, Professor, Deputy Vice-Rector for Science and International Activities of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia; yumoskvich@mail.ru

Prokofiev, Andrey Vyacheslavovich, D.Sc., Professor, Leading Research Fellow, Department of Ethics, Institute of Philosophy RAS; Leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); avprok2006@mail.ru

Rohozha, Mariya Mikhailovna, D. Sc., Professor, Department of Ethics, Aesthetics and Culture Studies, Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine; rohozha@mail.ru

Skvortsov, Alexey A. Phd, associate professor, ethics chair, faculty of philosophy, Lomonosow Moscow State University; lambis@mail.ru

Sogomonov, Aleksander Yuriyevich, Ph.D. in Historical Sciences, senior researcher of the Institute of sociology, Russian Academy of science; leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); sozi@mail.ru

Sychev, Andrey Anatolievich, D.Sc., Professor, Department of Philosophy at National Research Mordovia State University; sychevaa@mail.ru

Tulchinskii Grigorii, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Applied Political Science, National Research University «Higher School of Economics» - St. Petersburg, Honored Scientist of Russia; gtul@mail.ru

О журнале

Журнал «Ведомости прикладной этики» учрежден Тюменским государственным нефтегазовым университетом (переименованным в 2016 г. в Тюменский индустриальный университет). С 1995 года журнал выходил под названием «Ведомости».

С 2012 года журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций под названием «Ведомости прикладной этики». Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52155 от 11 декабря 2012 г. Зарегистрирован Международным центром регистрации мировой периодики: ISSN 2413-0451 (Online), ISSN 2307-518X (Печатная версия). Подписной индекс в каталоге Агентства «Роспечать» 70872.

Цель журнала – дисциплинарное закрепление и развитие этико-прикладного знания, продвижение научных результатов в практику. Его задачи: поддержание публичного пространства профессиональной рефлексии о природе прикладной этики, современных тенденциях ее развития; освоение инновационной парадигмы этико-прикладного знания.

В журнале публикуются результаты теоретических и проектных исследований в многообразных отраслях прикладной этики, прежде всего – университетской (академической), инженерной, журналистской, этики воспитания. Обсуждаются отечественный и зарубежный опыт этико-прикладных инноваций, в том числе в развитии этических инфраструктур, в создании учебных пособий; актуальные проблемы университетского образования в сфере прикладной этики. Журнал издается в печатной форме с периодичностью 2 номера в год. Рукописи статей для публикации в журнале оформляются в соответствии с Правилами для авторов, разработанными редколлегией журнала. Журнал «Ведомости прикладной этики» рецензируемый (поступающие в журнал тексты статей представляются на рецензирование специалистам). Журнал ориентирован на научных работников, преподавателей, соискателей ученых степеней по прикладной этике, магистрантов, сотрудников этических инфраструктур организаций, предприятий и фирм.

Адрес редакции:

625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38;

тел. (3452)28-30-54; e-mail: priclet@tsogu.ru

Электронные версии:

на сайте ТИУ: <http://www.tsogu.ru/nii/ethics/zhurnal-vedomosti/>

в системе РИНЦ: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=38819>

Научное издание

**ЭТИКА ПРОФЕССИИ
КАК ЦЕННОСТНЫЙ ОРИЕНТИР
ПРОЕКТИРОВАНИЯ
МИССИИ УНИВЕРСИТЕТА**

Ведомости прикладной этики
Выпуск 51

Под ред. В.И. Бакштановского

Ответственный секретарь журнала М.В.Богданова
Редактор выпуска И.А.Иванова

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52155 от 11.12.2012.

Подписано в печать 05.03.2018. Формат 70x100/16.
Гарнитура Arial. Усл. печ. л. 14. Тираж 500 экз. Заказ № 1128.
Бесплатно.

НИИ прикладной этики ТИУ
625000, г.Тюмень, ул.Володарского, 38.
Контактный телефон (3452) 28-30-54.
E-mail: priclet@tsogu.ru

Типография библиотечно-издательского комплекса.
625039, г.Тюмень, ул.Киевская, 52.